

ОГОНЁК

№ 47 НОЯБРЬ 1965
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Виталий Закруткин. ГЛАГОЛОМ ЖГИ СЕРДЦА ЛЮДЕЙ...

НОВЫЕ СТИХИ ЗУЛЬФИИ

ШЕДЕВРЫ НИКОЛА ПУССЕНА

КОВАРСТВО «ЗЕЛЕНОГО ЗМИЯ»

ТАК ЖИВЕТ ПЕРВЫЙ «А»...

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

43-й год издания

№ 47 (2004)

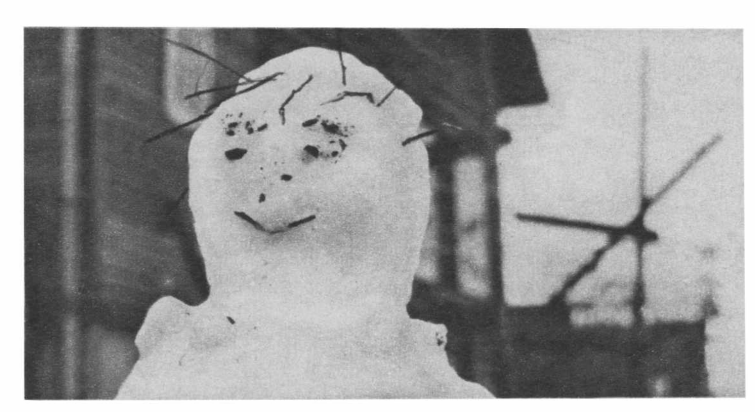
21 НОЯБРЯ 1965

Зимушка-зима...

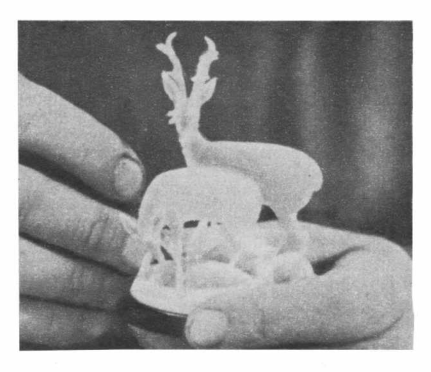
Топают в школу потомки Ломоносова.

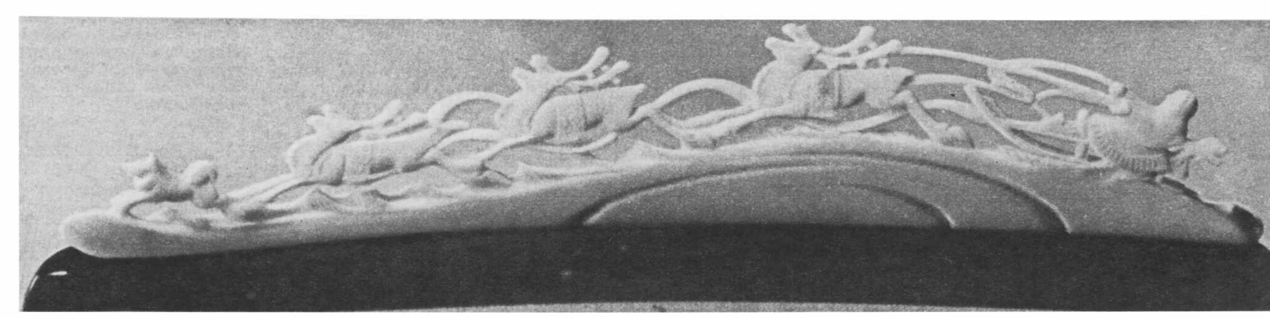
Холмогорские усмешки.

Первый зимний вояж.

Древнее и новое искусство.

Счастливой вам дороги, олени!..

Где это она так разбушевалась, зимушка-зима, юная, красивая, озорная?

В краю поморов, на северной земле архангельской. Людям там по сердцу зимний наряд земли — надели полушубки, засветили в бревенчатых избах веселые окна, поставили над деревнями легкие заслоны печных дымков и пошли по первопутку: на пристани и заводы, на лесные промыслы и морской лов, в шахты и на стройки, в институты и школы, на фермы и в заповедные охотничьи чащобы.

...Промчалась метелица с разбега по портовым причалам Архангельска, помедлила у памятника Петру, основателю Соломбальской верфи, и снова в путь — в старинное село Лешуконское. Там побелила резвых коньков на крышах, замесила шугой веселую речку Вашку. А отсюда — в Юрому, Мезень, в Холмогоры, на родину Михаила Васильевича Ломоносова, скульптора Федота Ивановича Шубина.

Хорошо в Холмогорах! Светит морозное солнце. Весело делают свое дело мастера древнего искусства тонкой резьбы по кости. Топают в школу с сумками на боку потомки Ломоносова...

А уж из Холмогор летит зимушка-зима по полям, лесам, тысячам дорог, по всем улицам России...

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА.

Вдоль по улице метелица метет...

Лешуконский конек.

ЛЕТОПИСЬ ПРЕДСЪЕЗДОВСКИХ ДЕЛ

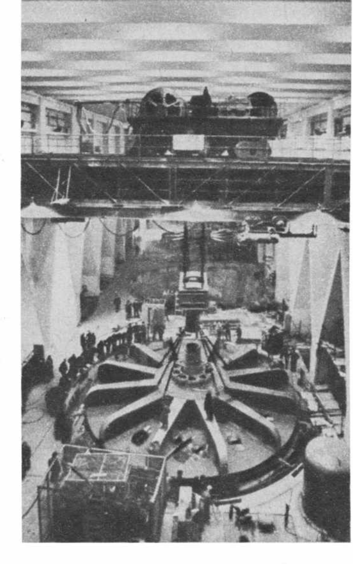
НОВЫЕ ЗВЕЗДЫ БРАТСКА

Машинный зал Братской ГЭС. Светятся разноцветные огоньки на пультах управления, застыли стрелки приборов. Сколько раз описывали корреспонденты эти огоньки и эти стрелки! Но сейчас никто не смотрит на них. Никто не смотрит и в окна, за которыми, как писали раньше, бушует бурная ангарская вода. Теперь-то вода уже не бушует. Она течет тихо, незаметно, как в самой заурядной подмосковной речке. И только взорванные скалы да люди, которые здесь работали, помнят, какой была эта река.

В машинном зале — работники станции — их немного, и практиканты — их гораздо больше, это специалисты Асуанской ГЭС. Люди окружили седьмой агрегат. Собственно, агрегата еще нет. Он монтируется. Седьмой по номеру, семнадцатый по счету.

Огромная, почти в полтораста тонн весом, станина агрегата висит в воздухе. Ее поддерживает мощный портальный кран. Но вот громадина начинает опускаться. Под станиной стоит Иван Иванович Лопатин, один из опытнейших такелажников стройки.

Станина должна «сесть» точно на вал турбины. Лопатин смотрит вверх, видит прорезь станины и ось машины. Иван Иванович делает сейчас точнейшие расчеты. Он показывает: чуть вправо, немного

На снимках: Идет монтаж семнадцатого агрегата. Так выглядит новый цех Братского лесопромышленного комплекса. Здесь освоено производство небеленой целлюлозы.

левее. «Чуть» измеряется миллиметрами, «немного» — долями миллиметра... И наконец ось, которая по сравнению со станиной кажется хрупкой, как авторучка, легко и свободно входит в тяжелую массу металла.

Со станины снимают цепи, которые прикрепляли ее к крану. А к агрегату медленно плывет еще один портальный кран. Вчера оба эти крана вместе — одному не удержать! — опускали ротор. Сегодня на втором кране — кинооператор: надо запечатлеть происшедшее для потомков. Все смотрят на такелажника. Кинооператора не замечают.

Братская ГЭС уже сейчас, не достигнув проектной мощности, на треть окупила стоимость своего строительства. Тридцать миллиардов киловатт-часов электроэнергии дала она стране. К концу года мощность станции возрастет до 3 миллионов 825 тысяч киловатт.

Но Братск — это не только электростанция. Братск сегодня — это энергия плюс комплекс мощных промышленных предприятий, огромных заводов, возводимых коллективом ГЭСстроя. Лесопромышленный комплекс. Коршунихинский горно-обогатительный комбинат. Братский алюминиевый завод.

В цехе кордной целлюлозы лесопромышленного комплекса стоит железнодорожный вагон. Рядом — первая партия готовой продукции. Совсем скоро начнет действовать и алюминиевый завод.

Каждое строительное управление Братска готовит XXIII съезду партии свои подарки — новые цехи, новые жилые дома, новую продукцию. И за каждым подарком — люди, люди, которые строят станцию, воздвигают заводы, возводят жилые дома. К сожалению, просто невозможно назвать здесь всех ветеранов. Но вот несколько имен: Владимир Ревтов, забетонировавший последний блок на гребне плотины; Антон Галин, один из первых шоферов стройки; Петр Бурмистров, один из первых машинистов экскаватора; Валентина Дробышева, бетонщица из бригады Ревтова...

Строители Братска работали даже тогда, когда не могли работать машины. Металл ломался от холода,— люди выдерживали. И не просто выдерживали! В мороз, в жару, в метели, в ливни — из года в год — работали лучше, грамотнее, изобретательнее.

— Даже холод нам удавалось превращать в союзника,— рассказывает главный инженер стройки А. М. Гиндин.— Ангару, как помните, перекрывали со льда. Морозу мы обязаны идеальными инертными материалами. Летом снарядами добывали гравий и гальку и отмывали их. А зимой проморaживали, превращая в крупу... Сколько их было, счастливых находок! Сколько решений, неизвестных в мировой практике!

Пройдет совсем немного времени, и кадровые строители Братска лишь как гости придут на станцию. Строителям здесь уже совсем мало работы. Но они не грустят. Впереди — Усть-Илим. Новые стройки. Новые звезды.

Специальные корреспонденты «Огонька» Геннадий КОПОСОВ, Юрий РЫТОВ

ТОЛЬКО ХОРОШЕЕ НАСТРОЕНИЕ

Из ворот домостроительного комбината, или, как кратко его именуют, ДСК, выходят автопоезда, груженные «кусками» будущих домов: стены с застекленными рамами, междуэтажные перекрытия, марши лестниц...

Ежедневно Автовский ДСК сдает двадцать квартир! Это хорошо. Но вот беда — качество отделки комнат. Не всегда оно радует новоселов.

Кто виноват? Строители? Бывает и так. Но не все неприятности отнесешь на их счет. Материал, необходимый для отделки квартир — паркет, краски, обои, фурнитура,— до недавнего времени возили в открытых машинах и выгружали на временных складах. Строители-монтажники долго не засиживаются на одном месте — соберут в месяц восемь домов и едут дальше. Дождь, ветер, солнце, непогода отнюдь не лучшим образом влияют на качество так называемых отделочных материалов.

«А нельзя ли все это как-то по-новому организовать?» — задумались инженеры.

И вот на дворе комбината выросла центральная комплектовочная эстакада. На ее площадку одна за другой въезжают автомашины. Кран легко опускает в кузова контейнеры. Они разной формы и окрашены в разные цвета. Одни сделаны из металла, другие — из дерева. В контейнерах — полочки, ячейки, отсеки. Тут материалы, изделия, скомплектованные для каждой квартиры, каждого дома.

— Вот здесь,— показывает нам начальник отдела комплектации Л. М. Шкляр,— мешки с готовым цементом, алебастром. В железном контейнере — на полочках и в ячейках — скобы, гвозди, пергамин. А в этом — полоски обоев, бордюр. Они раскроены точно по размеру квартир на специальной машине. Сформирован в пакетах паркет, подготовлен набор разных красок. А рядом совсем необычный контейнер, в нем — цветочные ящики; их столько, сколько окон в квартирах.

Машины увозят разноцветные контейнеры из ДСК на монтажные площадки и сгружают их на этажи строящихся домов. Строители знают, что в них набор всех изделий, нужных для того, чтобы квартиры приобрели готовый вид, но и лишнего материала в контейнерах нет. Это заставляет рабочих бережно и экономно расходовать материалы.

Ленинградские домостроители решили к XXIII съезду КПСС досрочно выполнить задание первого квартала.

К. ЧЕРЕВКОВ
Собкор «Огонька»

Контейнеры готовы к отправке.

Фото Н. Ананьева.

ХОЗЯЕВА РАДУГИ

Комната «одета» радугой. Здесь все ее оттенки — от красного до фиолетового. Так выглядит сегодня демонстрационный зал художественной мастерской Минского камвольного комбината.

Десять лет назад палитра тканей тут была куда беднее. Всего несколько образцов, несколько расцветок. Тогда комбинат начинал свою жизнь. На днях он отметил свое первое десятилетие. Дорожку в 77 миллионов 600 тысяч метров проложили ткачи комбината за это время. К ней нужно добавить 9 с лишним тысяч тонн трикотажной пряжи.

Сейчас в ассортименте крупнейшего текстильного предприятия Белоруссии до сорока шерстяных материй самого разного типа. Однако здесь, в зале, тканей представлено гораздо больше — накопилась своеобразная коллекция, которая позволяет смотреть и сравнивать. Белой тугой волной ниспадает тяжелая ткань. Женщины с удовольствием сошьют из нее пальто или костюм. А платье можно сделать из сероватой или кремовой ткани под ленок. Рядом густая и черная материя, недорогая и ноская, наполовину состоящая из нейтрона. Она хороша для мужских костюмов.

Для костюмов рабочих есть другая ткань. Ее уже заказала Чехословакия. Мужчинам подготовили еще один сюрприз — отличную материю из тонкой шерсти. Образцы всех этих тканей придумали и разработали художники комбината.

Таковы новинки 1966 года. Все они соответствуют уровню мировых стандартов. В январе их пустят в производство, и ко дню открытия XXIII съезда КПСС новые ткани поступят в магазины. А текстильщики смотрят еще дальше вперед. В руках Елены Михайловны Дмитрович, начальника художественной мастерской комбината, образцы новых тканей: для зимы и лета, для мужских и дамских платьев, для детских костюмов и пальто. Хозяйка радуги принесла в зал художественного совета все то, что будут делать в 1967 году.

— На ваш суд,— говорит Елена Михайловна Дмитрович, начальник художественной мастерской Минского камвольного комбината.

Фото В. Ждановича.

Г. КУЛИКОВСКАЯ
Специальный корреспондент «Огонька»

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ МИХАИЛА ИВАНОВИЧА КАЛИНИНА

ЛЮБОВЬ И ПАМЯТЬ НАРОДА

Михаил Иванович Калинин — первый большевистский голова Петрограда. 1917 год. Малоизвестная фотография.

Фото П. ОЦУПА.

Летом прошлого года по летному полю Минского аэродрома двигалась необычная процессия: школьники-туристы несли восьмиведерный самовар, на котором была выгравирована надпись: «Всесоюзному старосте М. И. Калинину от красных патронников. 31 января 1935 года». Вскоре редкий экспонат был доставлен в Государственный музей М. И. Калинина в Москве. Самовар этот отыскали в Белоруссии члены туристского кружка Московского Дворца пионеров.

Вместе со своим руководителем И. А. Вербой ребята выполняли задание музея — поиски новых материалов о М. И. Калинине. Школьники узнали, что самовар был подарен Михаилу Ивановичу тульскими рабочими. Но вот как он оказался в Белоруссии, это пока не известно ни юным следопытам, ни работникам музея. Учащиеся продолжают выяснять историю своей находки.

В прошлом году в музей поступили и другие интересные материалы. Кандидат экономических наук, член КПСС с 1918 года Константин Дмитриевич Егоров принес ценный документ — письмо М. И. Калинина от 29 января 1924 года советскому историку М. Н. Покровскому. Михаил Иванович просил историка указать ему литературные источники по истории революционных выступлений крестьянства совместно с рабочими в Западной Европе и в России. В то время М. И. Калинин работал над популярной брошюрой «Союз рабочих и крестьян».

«В случае затруднительности для Вас лично или по недостатку времени оказать мне это содействие,— писал Калинин,— прошу Вас поручить исполнение моей просьбы кому-нибудь другому по Вашему усмотрению.

С коммунистическим приветом М. Калинин».

Это письмо долгие годы хранил у себя старший научный сотрудник Энергетического института имени Г. М. Кржижановского Г. Н. Худяков.

Николай Петрович Богданов, бывший председатель ЦК профсоюза строителей, передал музею неопубликованную стенограмму речи М. И. Калинина перед сотрудниками Управления Волховстроя в июне 1924 года. В ней Михаил Иванович говорит о роли интеллигенции в строительстве социализма и заканчивает свое выступление замечательными словами: «Большевики всегда были большими фантазерами. Но как ни велика была моя фантазия, когда мне было шестнадцать лет, реальная действительность обогнала все мои фантазии, а деятельность и мощь Советской Республики превзойдет все наши фантазии».

За 15 лет работы Государственного музея М. И. Калинина его посетило свыше одного миллиона человек. Тысячи записей оставлены ими в книгах отзывов. Особенно много посетителей в музее сейчас, когда наша страна отмечает 90-летие со дня рождения М. И. Калинина. В эти дни в музей усилился приток новых поступлений — документов, фотографий, связанных с деятельностью М. И. Калинина. Его дочь Юлия Михайловна передала музею три письма отца и значительную часть личного архива своей матери Екатерины Ивановны, умершей в 1960 году.

Письма М. И. Калинина к своим детям полны забот об их жизни, здоровье, воспитании внуков. И в то же время почти в каждом письме много мыслей, высказываний о жизни страны, о коммунистическом воспитании трудящихся.

Интересные письма М. И. Калинина за 1927—1944 годы сдала на хранение в музей секретарь Михаила Ивановича — Татьяна Матвеевна Ефимова. Вот отрывок из письма М. И. Калинина к Т. М. Ефимовой от 20 февраля 1942 года:

«...Фронт, его интересы в голове господствуют... Наши части, хоть и медленно, со скрипом, но все же движутся вперед. Фашисты упорно цепляются за каждое препятствие, сопротивляясь всеми средствами против нашей армии, так что каждый клочок берется с боя. Но пока что жмем и жмем, во всяком случае, фашисты инициативу потеряли и возвратить ее им будет нелегко. А я думаю, что эта потеря невозвратима... Во всяком случае, настроение у меня, я бы сказал, крепкое, здоровое и, как всегда, оптимистическое...

Привет.

М. К.».

Поступили в наш музей и другие новые материалы, рисующие образ большевика-ленинца Михаила Ивановича Калинина, вся жизнь которого является примером беззаветного служения народу и глубочайшей преданности Родине.

Л. ГУСЬКОВА,
заместитель директора по научной части Государственного музея М. И. Калинина в Москве

ОРДЕН—СТРАНЕ ГОР

Второй орден засверкал на знамени Дагестана. Республика, отмечающая свое 45-летие, награждена орденом Ленина за успехи в развитии народного хозяйства. Первая высокая награда — орден Трудового Красного Знамени — вручена Советскому Дагестану 42 года тому назад, когда методом народной стройки был сооружен 70-километровый оросительный канал имени Октябрьской революции.

На днях в Махачкале состоялось вручение ордена Дагестанской АССР. На собрании представителей трудящихся республики выступили с речами член Президиума ЦК КПСС, первый заместитель председателя Бюро ЦК КПСС по РСФСР А. П. Кириленко и первый секретарь Дагестанского обкома КПСС А. Д. Даниялов.

Вручение высокой награды Дагестану.

Фото Р. Дика (ТАСС).

ЖИВЫЕ ФАКЕЛЫ ПРОТЕСТА

Леонид **ВЕЛИЧАНСКИЙ**

Ранним вечером 2 ноября, когда сумерки чуть подернули синевой другой берег Потомака, в двадцати шагах от главного входа в Пентагон, почти под самым окном военного министра Макнамары, остановился человек в штатском, похожий на молодого священника. На руках у него была маленькая девочка. Если бы человек этот стоял чуть ближе к бетонной дорожке, по которой, закончив рабочий день, тянулись чиновники военного ведомства, то они почувствовали бы запах керосина, исходивший от его одежды. Человек чиркнул спичку и сразу превратился в живой костер. До этого он успел опустить на землю ребенка, сделать шаг в сторону и несколько раз что-то крикнуть. Вопли ужаса свидетелей этой драмы помешали расслышать его слова.

Несколько часов спустя стало известно его имя — Норман Моррисон, квакер из Балтиморы, 32 лет. Среди остатков одежды были найдены почти полностью сгоревшие листки бумаги. Но отдельные слова можно было прочитать: «Вьетнам... Война... Протест...» Была ли это предсмертная записка родным и близким, старые тезисы речи на митинге или призыв ко всем, кто остается жить?

Жена Моррисона, в тридцать лет ставшая вдовой с тремя малолетними детьми, нашла в себе силы, чтобы сделать короткое заявление для печати. Она сказала, что ее муж «пожертвовал своей жизнью, чтобы выразить тревогу за огромную потерю жизней и человеческие страдания, причиняемые войной во Вьетнаме. Он протестовал против широкого военного вмешательства нашего правительства в эту войну. Он считал, что все граждане должны высказать свои истинные взгляды на действия своего правительства».

Это был не первый и не последний в США случай самосожжения в знак протеста против чудовищной и позорной войны, которую ведет их правительство во Вьетнаме.

В марте этого года Алиса Герц сожгла себя на улице Детройта. 9 ноября студент Роджер Лапорт облил одежду бензином и поджег себя возле здания ООН в Нью-Йорке. А двумя днями позже в небольшом городке Саут Бенд в Индиане молодая женщина Селина Янкоуски последовала его примеру.

Что же это за люди, идущие на такую мученическую смерть? Почему они выбрали эту страшную форму протеста? Продажные писаки из «ультрапатриотов» лихорадочно искали в биографиях этих людей доказательства их психической неуравновешенности, чтобы доказать, что акты самосожжения были совершены в состоянии отчаяния или в припадке безумия. Но они нашли лишь один факт: у Селины Янкоуски недавно умер ребенок. И этот младенец фигурировал во всех сообщениях о последней попытке самосожжения как доказательство того, что женщина действовала под влиянием личного горя.

Все были вполне уравновешенными людьми, их отличало лишь острое чувство личной ответственности за судьбу окружающего мира.

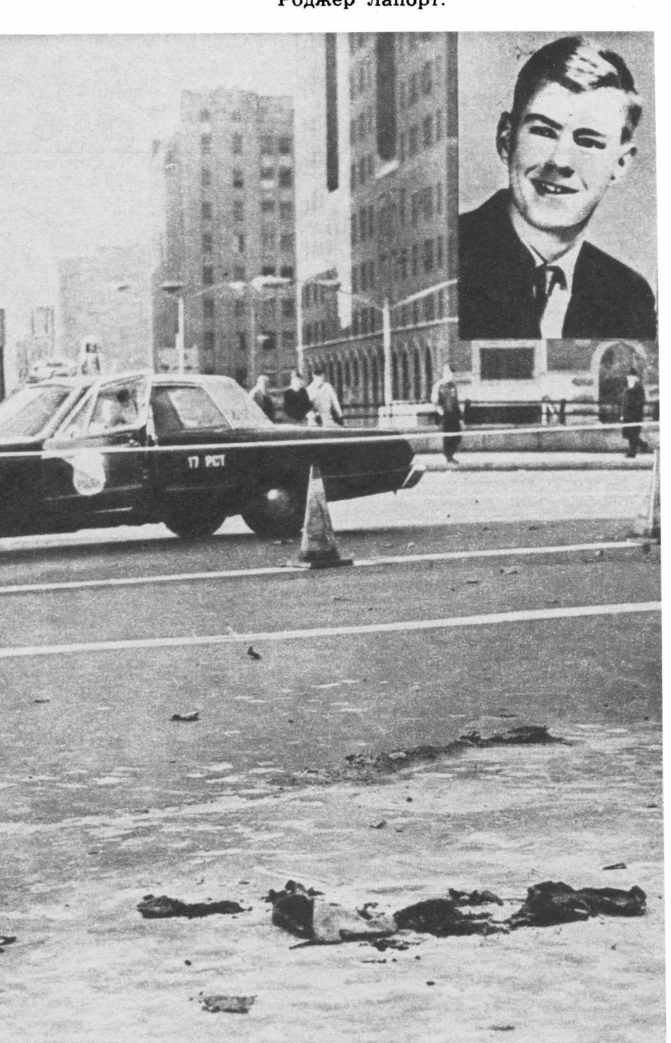
Алиса Герц была эмигранткой из Германии. Она многое видела за свои 82 года жизни. В Германии она была свидетельницей того, как волна шовинизма парализовала разум и волю целого народа, как постыдно отмалчивались и бездействовали люди, когда еще можно было предотвратить злодеяния фашизма. В последние годы Герц, несмотря на преклонный возраст, активно участвовала в движении за мир. Когда же в своем новом отечестве она увидела знакомые ей зловещие признаки безумия одних и равнодушия других, она решила принести себя в жертву. Она хотела сказать американцам: нельзя молчать. Войну можно остановить сейчас, пока еще не поздно. И верила, что благодаря трагическим обстоятельствам ее смерти этот призыв услышат миллионы.

Моррисон был секретарем общины квакеров в Балтиморе. А квакеры всегда были пацифистами. Моррисон дважды участвовал в пикетировании Пентагона, требуя прекращения бомбардировок городов и сел во Вьетнаме. За несколько часов перед тем, как отправиться в Вашингтон в последний раз, он обсуждал с женой интервью корреспондента «Пари-Матч», взятое у католического священника в госпитале в Сайгоне. Английский перевод этого обличительного документа тогда только что появился в бюллетене «Стоунс Уикли». Это рассказ отца Кюрье о том, как американские бомбардировщики уничтожили поселок, в котором жили беженцы-католики. «Я видел, как мои верующие горели в напалме. Я видел тела женщин и детей, разорванные в клочья. Я видел, как был уничтожен весь мой поселок»,— рассказывал священник.

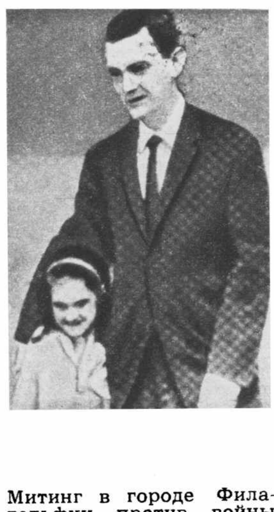
Сам Кюрье был ранен, но смог выбраться из-под развалин церкви. Он собрал других раненых, которые могли двигаться, и повел их в Сайгон. Американцы, обгонявшие эту процессию, предлагали отцу Кюрье подвезти его на машине, но он посылал их к дьяволу, повторяя, что не хочет помощи от убийц.

По словам жены Моррисона, это интервью произвело на него глубокое впечатление.

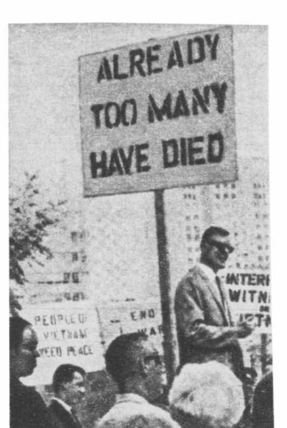
Роджер Лапорт, который поджег себя возле здания ООН, был высокий, белокурый, жизнерадостный парень. Ему шел 22-й год. Сын лесоруба, он блестяще окончил духовное училище и поступил в светский колледж, где изучал философию. Роджер примыкал к организации «Католический рабочий», главная цель которой — помогать отверженным и обездоленным. Как и другие активисты этой организации, он жил в районе нью-йоркских ночлежек — Бауэри. А за несколько дней до самосожжения переселился в комнату своего това-

На этом месте, перед зданием ООН, сжег себя молодой пацифист Роджер Лапорт.

Норман Моррисон с дочкой Тиной незадолго до гибели.

Митинг в городе Филадельфии против войны во Вьетнаме. На первом плакате написано: «Уже загублено слишком много жизней!»

НОВОСТИ • ИНТЕРВЬЮ • ИНФОРМАЦИЯ

ЗЕМНЫЕ ДЕЛА КОС

ДВЕ НЕДЕЛИ ВОПРОСОВ

Пассажирский лайнер приземлился на Домодедовском аэродроме и подрулил к аэровокзалу. Из двухнедельной поездки по Японии возвратилась в столицу космическая семья: Андриян Николаев и Валентина Николаева-Терешкова.

— Каковы ваши впечатления?

— Главное — радушие и теплота, с которой нас встречали,— рассказывает Андриян Николаев.— И еще огромный интерес к космическим делам. В Токио, в городе химиков Фукуоке, в Нагое, в Киото, Осаке, Хиросиме — всюду, где мы выступали — на митингах или собраниях,— нас засыпали вопросами о корабле «Восток», о нашем самочувствии в полете, о невесомости. Бывало, что подобные вопросы нам задавали просто на улице. В Токио мы посетили выставку «Освоение космоса в СССР». Ее организовали редакция газеты «Майнити» и Общество по развитию науки и техники в Японии. Посетителей там всегда много.

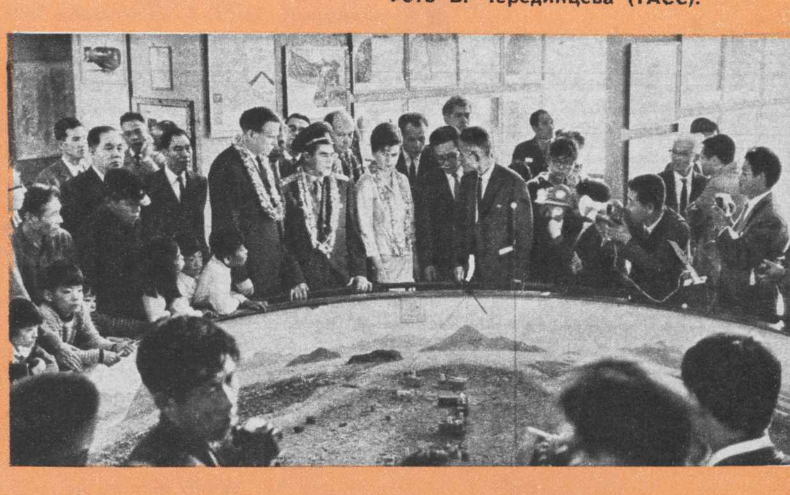
— Мне,— говорит Валентина Николаева-Терешкова,— особенно запомнилось пребывание в многострадальной Хиросиме. На месте развалин, оставшихся после атомной бомбардировки, вырос современный, цветущий город. Но следы атомного взрыва встречаются и до сих пор. Мы были в музее, где собраны экспонаты, рассказывающие о трагедии Хиросимы. Нельзя без волнения рассматривать фотографии обожженных женщин и детей. Мы побывали на свадьбе почтового служащего Дзанэдзи Иосико и красивой, милой девушки Кимиоко Хисанага. Мы пожелали им счастья и выразили надежду, что им не придется узнать, что такое война.

В городе Нагое я встретилась с работницами большой текстильной фабрики, принадлежащей компании «Тэйдзин». Я рассказала, как сама работала на текстильной фабрике в Ярославле, как сделалась космонавткой.

Но, пожалуй, самая радостная встреча была у меня в Токио со школьниками. Я и сейчас вижу их сияющие, полные любопытства глаза...

А. ГОЛИКОВ

В. В. Николаева-Терешкова и А. Г. Николаев в музее Хиросимы.
Фото В. Черединцева (ТАСС).

МОНАВТОВ

ОКНО, ОТКРЫТОЕ В КОСМОС

А. А. Леонов рассказывает о своих работах.

Юные космонавты мечтают о межпланетных перелетах. Но сегодня им кажется, что мечта осуществилась. Перед ними словно распахнулись окна в космос: трассы ракет пролегли по сверхдальним планетным магистралям.

Во Дворце пионеров на Ленинских горах открылась первая выставка работ художников-фантастов. Строительство лабораторий в космосе, первые люди на Луне, освоение Венеры, путешествие к центру Юпитера и многие другие фантастические, полуфантастические и почти уже реальные сегодня события положены в основу картин и рисунков А. А. Леонова, Г. И. Покровского и А. К. Соколова.

Особенность творческих манер художников в значительной мере определяется их основной профессией. Летчик-космонавт Герой Советского Союза А. А. Леонов, недавно принятый в члены Союза художников СССР, обладает исключительной возможностью не по описаниям, не по рассказам, а на основе личных впечатлений создавать картины о космосе.

Профессор Г. И. Покровский представил на выставку несколько ранних, довоенных работ. Замечательно точные попадания! Предвидение художника плюс знания ученого опередили свое время. Поэтому особый интерес вызывают сегодняшние его работы, посвященные будущему, и среди них — картина, изображающая ракету, которая получает энергию и вещество с Земли по световому лучу лазера.

С картинами художника А. К. Соколова наши читатели знакомы по цветным вкладкам «Огонька». Среди его новых работ — рисунки, сделанные в соавторстве с А. А. Леоновым. Они скоро выходят в серии открыток издательства «Советский художник».

К. БАКШИ

Фото М. Савина.

СВЕТ ВРАЧЕБНЫХ ЗНАНИЙ

Двести лет назад, в 1765 году, на первый курс первого в России медицинского факультета Московского университета (факультет этот в 1930 году выделился в самостоятельный институт) были приняты первые шестнадцать студентов. В этом году на лечебный, санитарно-гигиенический и фармацевтический факультеты 1-го Московского ордена Ленина медицинского института имени И. М. Сеченова поступили 1 400 юношей и девушек. Восемь тысяч студентов учатся сейчас в институте. Восемь тысяч будущих врачей — такова ныне «мощность» старейшего медицинского вуза страны.

Выпускники медицинского факультета, а затем и института достойно несли свет врачебных знаний в самые глухие углы. В дни юбилея института с благодарностью вспоминаются имена тех, кто растил эти многие тысячи медиков, кто создавал и развивал российскую «науку врачевать». Н. И. Пирогов, И. М. Сеченов, С. П. Боткин, Н. В. Склифосовский, а после Великой Октябрьской социалистической революции — Н. А. Семашко, Н. Н. Бурденко, М. П. Кончаловский. И это лишь несколько имен — но каких замечательных! — из могучей когорты выдающихся деятелей отечественной медицины.

И вот заслуженная награда — орден Трудового Красного Знамени. Это за заслуги в развитии медицинской науки, подготовке кадров, это награда по случаю двухсотлетия 1-го Московского медицинского института.

...Антон Павлович Чехов был воспитанником медицинского факультета Московского университета. И хотя в дальнейшем он оставил свою первую специальность, для медиков он навсегда остается коллегой. И, может быть, это тоже одна из причин, по которой они с особым волнением проходят мимо палаты в институтской клинике госпитальной терапии, где лежал больной Антон Павлович и где навещал своего собрата по многотрудной профессии российского литератора Лев Николаевич Толстой.

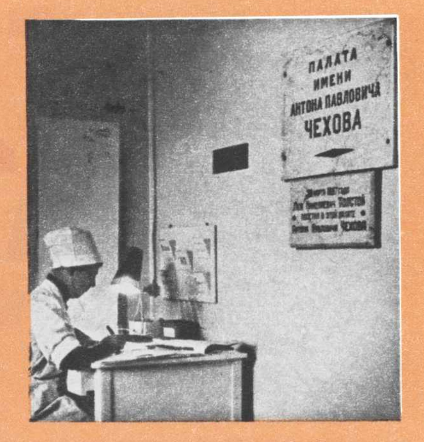

Фото Дм. Бальтерманца.

БЛИЗНЕЦЫ РУМЫНСКИХ КНИГ

У румынских книг появляется все больше близнецов иной национальности: русских, украинцев, азербайджанцев и многих других. Только за 20 послевоенных лет в Советском Союзе издано 662 книги румынских авторов общим тиражом 14,5 миллиона экземпляров. Литература самая разнообразная — художественная, детская, научно-техническая... И не только на русском языке.

В 1966 году советские издательства запланировали издать более двадцати произведений румынских авторов на русском, украинском, азербайджанском, литовском, молдавском и киргизском языках общим тиражом 636 тысяч экземпляров.

Недавно в Москве подписано соглашение о сотрудничестве в области книгоиздательского дела и распространения книги между Государственным комитетом по делам культуры и искусства Социалистической Республики Румынии и Государственным комитетом Совета Министров СССР по печати.

На снимке: советник посольства Социалистической Республики Румынии Георге Стоян (слева) и заместитель председателя Госкомитета Совета Министров СССР по печати В. С. Фомичев после подписания соглашения.

Фото М. Савина.

рища Давида Миллера, который сейчас в тюрьме. Миллер — это тот самый молодой человек, который первым публично уничтожил свою военно-учетную карточку в знак протеста против войны во Вьетнаме.

За три дня до того, как Роджер превратил себя в пылающий факел, он присутствовал на митинге, где пятеро противников войны во Вьетнаме сжигали свои военные карточки. Возвращаясь с митинга, Роджер сказал товарищу, что на него наибольшее впечатление произвела речь старого пацифиста Мюсте. В этой речи были слова: «Не оплакивайте Нормана Моррисона... оплакивайте эту нацию, спящую летаргическим сном...»

Все, что нам известно о людях, отдавших свою жизнь, чтобы положить конец преступлениям во Вьетнаме, свидетельствует о том, что их самопожертвование не было актом отчаяния. Они не могли не знать, что движение против войны растет, так как сами были частью этого движения. Они верили, что их трагическая смерть послужит моральным шоком, который ускорит пробуждение их соотечественников, поможет им увидеть все лицемерие и гнусность политики, проводимой от их имени.

После смерти Лапорта организация, к которой он принадлежал, призвала своих членов использовать другие методы для выражения своей преданности делу мира. Все прогрессивные организации, верящие в силу массового протеста, тоже отрицательно относятся к самосожжению как к форме протеста. Вместе с тем они призывают своих сторонников умножить усилия против войны, чтобы трагические жертвы не были напрасными.

Самосожжение, конечно, не самый эффективный метод борьбы, но это — характерное знамение времени. Кто еще год назад мог бы поверить, что такое возможно в Америке? Готовность людей сжечь себя заживо, чтобы продемонстрировать свое отвращение к официальной политике, показывает, до какой степени накаляются страсти.

Америка переживает сейчас глубокий моральный кризис. Он выражается прежде всего в том, что мыслящая молодежь отвергает так называемые моральные ценности современного общества как фальшивые побрякушки. Отвергает лицемерие и ханжество в политике, в религии, в расовых отношениях, в жизни. Хранители моральных устоев буржуазного общества встревожены тем, что в стенах университетов выросло новое поколение «идеалистов», которые слишком буквально понимают и конституцию и священное писание, ищут правду и отвергают старые, удобные софизмы, позволявшие примирить любое преступление с «высокими идеалами».

Передовое студенчество на многочисленных митингах высказалось за прекращение войны. Сотни профессоров, ученых с мировым именем подписали обращения к президенту США, призывающие прекратить кровопролитие.

700 видных американцев-юристов составили доклад, показывающий, что война Соединенных Штатов против вьетнамского народа является грубейшим нарушением устава ООН, Женевских соглашений 1954 года и конституции Соединенных Штатов.

В лагере «ультрапатриотов» — сторонников продолжения войны в одной компании сейчас оказались и бандиты, именующие себя «ангелами ада», и куклуксклановцы, и голдуотеровцы, и многие «либералы» вроде Хэмфри. После внушительных антивоенных демонстраций, прокатившихся по всей стране в середине октября, политиканы, законодатели и продажные писаки из «ультрапатриотов» стали усердно обливать грязью сторонников мира. Они угрожают расправиться с ними как с «изменниками», организуют фашистское отребье для срыва демонстраций и избиения демонстрантов.

«Это — ничтожное меньшинство!» — кричат они в один голос. Но в этом крике легко уловить ноты паники. Слов нет, люди, готовые активно бороться против империалистической политики собственного правительства, пока составляют меньшинство американского народа. Но есть миллионы и миллионы людей, которые пока не выходят на улицы с плакатами, но которых смущает, тревожит и возмущает бесчеловечная и бессмысленная война на другом конце света, против народа, не причинившего им никакого вреда. Есть немало признаков того, что число этих людей растет. И оно будет расти по мере того, как через завесу лжи проникает страшная правда о войне во Вьетнаме, по мере того, как растут списки американцев, убитых и раненых в джунглях Вьетнама.

Нью-Йорк, по телефону.
Фото ТАСС и ЮПИ.

ГЛАГОЛОМ ЖГИ СЕРДЦА ЛЮДЕЙ...

Виталий ЗАКРУТКИН

Шестьдесят лет тому назад в легальной большевистской газете «Новая Жизнь» была напечатана статья Владимира Ильича Ленина «Партийная организация и партийная литература». С той поры статья эта стала путеводной звездой каждого передового, прогрессивного художника, где бы он ни жил и чтобы он ни писал.

Речь в ленинской статье шла о месте литератора в суровой борьбе за лучшее будущее человечества, об идейной устремленности и целенаправленности писателя, о его художническом долге перед борющимся народом и об ответственности перед историей.

«Литература должна стать партийной,— писал Ленин.— В противовес буржуазным нравам, в противовес буржуазной предпринимательской, торгашеской печати, в противовес буржуазному литературному карьеризму и индивидуализму, «барскому анархизму» и погоне за наживой,— социалистический пролетариат должен выдвинуть принцип **партийной литературы,** развить этот принцип и провести его в жизнь в возможно более полной и цельной форме».

Разъясняя, в чем состоит принцип партийной литературы, Владимир Ильич писал:

«...Для социалистического пролетариата литературное дело не может быть орудием наживы лиц или групп, оно не может быть вообще индивидуальным делом, не зависимым от общего пролетарского дела. Долой литераторов беспартийных! Долой литераторов сверхчеловеков! Литературное дело должно стать **частью** общепролетарского дела, «колесиком и винтиком» одного-единого, великого социал-демократического механизма, приводимого в движение всем сознательным авангардом всего рабочего класса. Литературное дело должно стать составной частью организованной, планомерной, объединенной социал-демократической партийной работы».

Ленин предвидел, что его замечательный тезис о партийности литературы вызовет раздражение и вой в стане буржуазных писак, кичащихся своей мнимой «свободой», своей «независимостью» от общества и его борьбы.

Снова упомянув сравнение литературы с винтиком, «живого движения с механизмом», Ленин пишет:

«Найдутся даже, пожалуй, истеричные интеллигенты, которые поднимут вопль по поводу такого сравнения, принижающего, омертвляющего, «бюрократизирующего» свободную идейную борьбу, свободу критики, свободу литературного творчества и т. д., и т. д. По существу дела, подобные вопли были бы только выражением буржуазно-интеллигентского индивидуализма».

Владимир Ильич не ошибся: и в ту, теперь уже далекую пору и в наши дни раздавались и раздаются вопли о стремлении «подчинить литературу партии», о том, что советские писатели, «лишенные свободы», пишут «по указке партии», что они даже не вольны в выборе темы, сюжета, характеров, что «истинное творчество» не признает никакой опеки, что литератор должен быть «абсолютно свободен».

Ленин гневно высмеивал подобных «жрецов чистого искусства», велеречивых поборников «абсолютной свободы» писателя: «...Господа буржуазные индивидуалисты, мы должны сказать вам, что ваши речи об абсолютной свободе одно лицемерие. В обществе, основанном на власти денег, в обществе, где нищенствуют массы трудящихся и тунеядствуют горстки богачей, не может быть «свободы» реальной и действительной. Свободны ли вы от вашего буржуазного издателя, господин писатель? от вашей буржуазной публики, которая требует от вас порнографии в рамках и картинах, проституции в виде «дополнения» к «святому» сценическому искусству? Ведь эта абсолютная свобода есть буржуазная или анархическая фраза (ибо, как миросозерцание, анархизм есть вывернутая наизнанку буржуазность). Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя. Свобода буржуазного писателя, художника, актрисы есть лишь замаскированная (или лицемерно маскируемая) зависимость от денежного мешка, от подкупа, от содержания.

И мы, социалисты, разоблачаем это лицемерие, срываем фальшивые вывески,— не для того, чтобы получить неклассовую литературу и искусство (это будет возможно лишь в социалистическом внеклассовом обществе), а для того, чтобы лицемерно-свободной, а на деле связанной с буржуазией, литературе противопоставить действительно-свободную, **открыто** связанную с пролетариатом литературу».

Нет, не устарели и через шестьдесят лет эти замечательные, полные глубокого смысла и значения ленинские слова! И в наши дни, когда на планете ни на одно мгновение не затихает то тайная, то явная борьба, когда во многих местах льется человеческая кровь, а под бомбами и напалмом шакалов-империалистов испепеляются деревни и умирают женщины и дети, когда человечеству грозит новая, еще невиданная по жестокости термоядерная война,— может ли оставаться ко всему этому равнодушным истинный художник, может ли оставаться спокойной его художническая совесть? Может ли он, певец человека, прикрываться мнимой «свободой творца» и уходить от действительности, оправдывая свой уход гордой декларацией «независимости»? И разве подобный уход от борьбы, от страданий людских, уход, прикрываемый фиговым листком «абсолютной свободы», не есть акт политический? Разве это не дезертирство с поля боя? Тысячу раз прав В. И. Ленин, утверждающий, что это есть «лишь замаскированная (или лицемерно маскируемая) зависимость от денежного мешка, от подкупа, от содержания».

Мы, советские писатели, гордимся тем, что каждый из нас **открыто связан** с великим делом Ленина, с великим делом ленинской партии и родного нашего народа, и каждый из нас прямо и честно может сказать:

— Я творю во имя народа и во имя будущего человечества не потому, что я подчинен каким-то «декретам», «постановлениям», «решениям», а потому, что я люблю людей, люблю мир, люблю землю и всей душой, всеми своими помыслами предан светлой ленинской идее о счастье людском, о человеческом братстве, о подлинной свободе человека.

Выражая в этом отношении мысли каждого из советских литераторов, правильно сказал Михаил Шолохов:

«О нас, советских писателях, злобствующие враги за рубежом говорят, будто бы пишем мы по указке партии. Дело обстоит несколько иначе: каждый из нас пишет по указке своего сердца, а сердца наши принадлежат партии и родному народу, которым мы служим своим искусством».

С чистой совестью каждый из нас может сказать зарубежным жрецам «чистого искусства», рьяным поборникам «абсолютной свободы»:

— Да, господа, я не «беспартийный литератор», не анархиствующий «сверхчеловек»! Я сын своего народа, я вижу ту правду жизни, которую открыл мне великий Ленин, и, верный ленинской идее, все свои творения, «до самого последнего листка я отдаю тебе, планеты пролетарий»!

В статье «Партийная организация и партийная литература» Владимир Ильич Ленин глубоко и остро поставил также вопрос о **народности** литературы. Мечтая о будущей литературе, он писал:

РЕПОРТАЖ С МЕСТА СОБЫТИЯ

ПРЫЖОК ЧЕРЕЗ ВОЛГУ...

Два буксира тянут к месту затопления караван из труб.

Стоит на Волге у самого Ярославля ТЭЦ. Беда с этой теплоэлектроцентралью: работает она на угле и торфе, золы дает ежедневно многие тонны. Было время, когда летела зола из труб на город, на Волгу. Чтобы избавиться от этого, решили сделать мощные циклические золоуловители. Они собирают почти всю золу. Но куда ее девать? Соорудили было отвал на окраине города — холм золы стал расти так стремительно, что грозил превратиться в довольно солидную гору. Тогда-то и появился смелый проект — протянуть нитки золопровода за Волгу, в далекий от города район болот и, опровергая известную пословицу, убить сразу двух зайцев: болота осушить и от золы избавиться.

Оставалась самая «малость»: решить сложнейшую инженерную проблему со многими неизвестными — провести под рекой золопровод. Раньше ничего подобного не было. Обратились к специалистам «Подводречстроя». Несколько месяцев шла подготовка к укладке четырех трубопроводов. Сотни часов провели на дне реки водолазы — почти пятнадцать тысяч кубометров грунта вынули они со дна реки, «выкопали» траншею, в которую предстояло опустить трубы.

Вот они — на плаву. Концы плети почти упираются в берега. Прямые нити труб светлыми линиями расчертили гладь воды. Допуски тут почти исключены — трубы должны опуститься точно на подготовленное основание. Иначе потом придется все делать заново. Поэтому

«Это будет свободная литература, потому что не корысть и не карьера, а идея социализма и сочувствие трудящимся будут вербовать новые и новые силы в ее ряды. Это будет свободная литература, потому что она будет служить не пресыщенной героине, не скучающим и страдающим от ожирения «верхним десяти тысячам», а миллионам и десяткам миллионов трудящихся, которые составляют цвет страны, ее силу, ее будущность. Это будет свободная литература, оплодотворяющая последнее слово революционной мысли человечества опытом и живой работой социалистического пролетариата...»

Именно в плане народности оценивал Ленин творчество автора «Интернационала» Эжена Потье, называя его «одним из самых великих пропагандистов посредством песни». Именно в этом плане оценивал Владимир Ильич деятельность рабочих певческих обществ в Германии, славящих грядущий социализм массовой песней.

В разговоре с Кларой Цеткин Ленин решительно подчеркивал:

«Важно... не то, что дает искусство нескольким сотням, даже нескольким тысячам общего количества населения, исчисляемого миллионами. Искусство принадлежит народу. Оно должно уходить своими глубочайшими корнями в самую толщу широких трудящихся масс. Оно должно быть понятно этим массам и любимо ими. Оно должно объединять чувство, мысль и волю этих масс, подымать их».

Борясь за **народность** литературы, Ленин категорически осуждал всякое псевдоноваторство, левацкие антинародные выкрутасы в искусстве.

«Красивое нужно сохранить, взять его как образец, исходить из него, даже если оно «старое»,— говорил он Кларе Цеткин.— Почему нам нужно отворачиваться от истинно-прекрасного, отказываться от него, как от исходного пункта для дальнейшего развития, только на том основании, что оно «старо»? Почему надо преклоняться перед новым, как перед богом, которому надо покориться только потому, что «это ново»? Бессмыслица, сплошная бессмыслица! Здесь много лицемерия и, конечно, бессознательного почтения к художественной моде, господствующей на Западе. Мы хорошие революционеры, но мы чувствуем себя почему-то обязанными доказать, что мы тоже стоим «на высоте современной культуры». Я же имею смелость заявить себя «варваром». Я не в силах считать произведения экспрессионизма, футуризма, кубизма и прочих «измов» высшим проявлением художественного гения. Я их не понимаю. Я не испытываю от них никакой радости».

И разве не сохраняют всю свою остроту и важнейшее значение эти ленинские слова и сегодня, в пору, когда сквозь всякие щели и лазейки просачиваются к нам лишь слегка видоизмененные идеи «абстракционизма», «математизации поэзии», теории «отмирания романа», идеи ложно толкуемого «модернизма» и прочих «измов», выдаваемых за истинное искусство, за подлинное новаторство? Разве не есть это «почтение к художественной моде, господствующей на Западе»?

Разве не сохраняет свое величайшее значение речь Ленина на первом Всероссийском съезде по внешкольному образованию в 1919 году, когда Владимир Ильич с негодованием говорил о выходцах из буржуазной интеллигенции, «которая сплошь и рядом образовательные учреждения крестьян и рабочих, создаваемые по-новому, рассматривала как самое удобное поприще для своих личных выдумок в области философии или в области культуры, когда сплошь и рядом самое нелепейшее кривляние выдавалось за нечто новое, и под видом чисто пролетарского искусства и пролетарской культуры преподносилось нечто сверхъестественное и несуразное».

Разработанные Лениным и завещанные им будущим поколениям вопросы **партийности** и **народности** искусства неразрывно, органически связаны. Их нельзя разделить, нельзя оторвать один от другого. Именно партийность и народность определяют настоящий и будущий путь нашей советской литературы, литературы социалистического реализма, сражающейся за всечеловеческое счастье.

Сегодня мы отмечаем шестидесятилетие со дня опубликования замечательной ленинской статьи «Партийная организация и партийная литература». За шестьдесят лет многое в мире изменилось. Но не тускнеют и никогда не потускнеют мысли Ленина. Они с нами. Они светят нам путеводной звездой, зовут, ведут все выше и выше...

По свидетельству Н. К. Крупской, Владимир Ильич, горячо любя многих великих художников земли, больше всего любил Пушкина.

Определяя свое место в борьбе двух миров, сознавая свой долг перед народом и перед будущим, каждый из истинных художников должен быть борцом, провидцем. И, словно ленинский голос, голос народов, должен слышать он вещий, бессмертный зов:

Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей.

так непоседлив главный инженер отряда Юрий Андреевич Головин: операция продолжается уже много часов, а он ни разу не присел, ни разу не отдохнул. Что там, даже перекусить некогда!

Юркий катеришка носится по реке. Инженер то появляется около тупорылых корабликов-толкачей, то проверяет точность установки дюкера в створах. С берега главному инженеру помогает Николай Харлампиевич Кесопуло — первостатейный водолазный специалист, отменный мастер. Сегодня поутру он спускался в холодную воду, прошел по траншее, и все досконально проверил.

...Замерли суда. Прочертили темноту шпаги прожекторов, высвечивая трубы, уже соединившие два берега реки. Трубы медленно опускаются под воду. Скоро их начнут засыпать камнями, галькой, укрепят у основания, а затем подсоединят к идущим от первой и второй ТЭЦ золопроводам. И пойдет пульпа из воды и золы по дну реки на дальние болота.

К. КИРИЛЛОВ.
Фото К. Барыкина.

Ярославль.

ЗНАКОМЬТЕСЬ: ДЕЛОВЫЕ ЛЮДИ

ГЛАВНАЯ ПРОБА

Директор завода Д. М. Сухоруков.

Фото И. Павленко.

Вл. ПАВЛОВ

Директор завода Даниил Митрофанович Сухоруков оглядел собравшихся, выдержал паузу и сказал:

— С первого октября начинаем эксперимент...

Никто не удивился. Не в первый раз звучали такие слова в директорском кабинете. Сколько их уже было — экономических и технических экспериментов! К тому же всей Одессе — да что там! — всем станкостроителям Украины, известно, какое пристрастие к поискам и опытам питает директор.

Принимая на завод нового человека, Даниил Митрофанович оценивает его перво-наперво именно с этой, так сказать, «экспериментальной» стороны: есть ли творческая жилка? Смел ли? Не убоится ли неудач и срывов? И лишь в том случае, ежели в течение испытательного срока ответы на все эти главные вопросы «директорской анкеты» окажутся положительными,— новичка зачисляют в штат.

Нынешний год у Даниила Митрофановича особый. Сорок лет работает он в станкостроительной промышленности. Есть и еще одна, хоть и не круглая, но знаменательная дата, о которой никак нельзя не упомянуть: двадцать один год тому назад, в сорок четвертом, приехал он в только что освобожденную Одессу и среди развалин, на пустом месте заложил первый камень будущего станкостроительного завода имени С. М. Кирова.

В то время строить было не из чего. Битый кирпич развалин, перекореженные пожарами и взрывами куски балок — вот и весь строительный материал.

Первыми рабочими станкостроительного завода были совсем молодые хлопцы—выпускники ремесленных училищ. Однажды Даниил Митрофанович вошел в механический цех и обомлел: мальчишки сидели верхом на движущихся ползунах строгальных станков и, мотаясь взад и вперед, играли в буденновцев...

И все-таки дело было сделано: еще не отгремели последние залпы войны, а завод уже выдал продукцию. Когда разболтанный трофейный грузовик вывозил из ворот первый фрезерный станок, Даниил Митрофанович стоял в толпе рабочих на заводском дворе и долго смотрел вслед. Потом повернулся и, ни к кому не обращаясь, задумчиво сказал:

— Скоро мы выпустим кое-что получше!

Спустя некоторое время в заводской лаборатории, которую Сухоруков всеми правдами и неправдами ухитрился оборудовать сложными, точными измерительными приборами и аппаратами, появились новые люди. Это были инженеры-связисты, специалисты

по телефону и телеграфу. Вместе с ними тут работали заводские инженеры — молодые, горячие хлопцы, которых директор без устали разыскивал где только мог. И связисты и станкостроители занимались каждый своим делом...

Директора других заводов, встречаясь с Сухоруковым на совещаниях, собраниях, посмеиваясь, спрашивали:

— Ты, говорят, открыл курсы связистов? Зачем? Гони план! Это — главное!

— Пусть работают...

— Смотри! Будут неприятности!..

Неприятности действительно не заставили себя ждать. Сначала пришло горе: умерла от туберкулеза дочь. В тот же день Даниила Митрофановича вызвали на бюро обкома.

На директора поступило заявление, его обвиняли во всех смертных грехах: недостаточно загружено оборудование, специалисты используются не по назначению и вообще сам он прожектер...

Сейчас Даниил Митрофанович с улыбкой вспоминает, как проходило бюро. Но в то далекое время ему было не до смеха. К тому же работа, которой были заняты люди в лаборатории, результатов еще не давала.

Естественно, бюро разобралось, что к чему, отделило правду от наветов, и, хоть Сухорукову указали на ошибки (у какого директора их не бывает!), все обошлось благополучно. А еще через некоторое время директор обратился с ходатайством в наркомат: просил разрешения выпускать координатно-расточные станки...

Знаете ли вы, что такое координатно-расточный станок? Точность обработки отверстий на нем исчисляется в тысячных и даже в десятитысячных долях миллиметра. Никакие самые лучшие часы не идут в сравнение по точности с этой сложной и капризной машиной. Для ее сборки необходимо специальное помещение с постоянной влажностью воздуха и температурой: отклонение в два градуса понижает точность на пятьдесят процентов!

До войны единственными фирмами, которые выпускали подобные станки, были швейцарские «СИП» и «Хаузер», поставлявшие свою продукцию всему миру. Обе фирмы имеют многолетний опыт, который держится в строжайшем секрете, огромный штат квалифицированнейших специалистов, научные лаборатории с уникальным оборудованием. Даже такие страны, как Англия и США, долгое время не решались взяться за производство координатно-расточных станков, считая это нереальным делом.

И вдруг какой-то небольшой одесский заводик!.. Да это просто немыслимо! Отказать!

Но Сухоруков не успокоился и продолжал добиваться разрешения.

— Однако позвольте! — спросили наконец директора, когда доводы против были исчерпаны.— Предположим, вам и в самом деле удастся наладить выпуск деталей. А как же самый сложный узел координатно-расточного станка — измерительное устройство? В Швейцарии его делают оптическим. Где вы возьмете оптику?

— Измерительный узел у нас уже готов. Будет собственная, советская, точная система!

Вот тут-то и оказалось, что не зря в заводской лаборатории трудились связисты! Вместе с ними заводские инженеры разработали метод электроиндуктивного отсчета линейных перемещений. Метод, который дает точность более высокую, чем оптический, принятый на заводах «СИП» и «Хаузер»!..

И тогда разрешение было дано. Заводские конструкторы получили авторское свидетельство. Для монтажа станков отвели специальное отделение, которое по чистоте больше напоминает больницу, чем сборочный цех. Тут стоят аквариумы с золотыми рыбками, а в клетках под потолком пощелкивают певчие птицы. И рыбки и птицы — своеобразные живые приборы, по самочувствию которых судят о чистоте и температуре воздуха...

Теперь по чертежам конструкторов завода делают координатно-расточные станки многие предприятия. Постепенно на заводе образовался коллектив рабочих и инженеров, станки которых известны во всем Советском Союзе и далеко за его пределами. В тридцать восемь государств экспортируются эти точнейшие металлорежущие станки. Сорок пять раз экспонировались они на международных промышленных выставках. Шестьдесят заводских инженеров и рабочих удостоены медалей Выставки достижений народного хозяйства СССР. И среди них, разумеется, директор Даниил Митрофанович Сухоруков...

Да, привыкли тут к опытам, экспериментам, и никто не удивился, что провести новый эксперимент поручили именно им.

И все-таки то, что предстоит проделать и испытать сегодня, необычно. Необычно прежде всего потому, что новый эксперимент начался сразу же после сентябрьского Пленума ЦК КПСС и находится в прямой связи с его решениями.

...Мы сидим в большом директорском кабинете. Раскрытые окна выходят на тихую одесскую улочку. Шумят за окнами перистые листья акаций. Слышно, как негромко переговариваются гудками корабли в порту. Едва уловимая дрожь пола и слабое дыхание молота напоминают, что где-то совсем рядом, не утихая, кипит работа в цехах!..

Даниил Митрофанович не сидит на месте. Он то и дело встает, прохаживается из угла в угол, поправляет очки в тонкой золотой оправе, ерошит коротко остриженные седые волосы.

— Директора завода часто сравнивают с дирижером оркестра,— говорит он.— Сравнение не совсем точное, но если уж с ним согласиться, надо сказать: нашему брату после сентябрьского Пленума ЦК партии придется быть еще и композитором. Самим придется писать производственную симфонию на заданную тему... Да еще оркестрантов обучить, чтоб ни первая скрипка, ни самый последний рожок не взяли б ни единой фальшивой ноты... Вот мы вместе с Одесским кредитно-экономическим институтом и разработали такую систему экономического планирования, чтоб предприятию был предоставлен широкий оперативный простор. Чтоб в его деятельности, в напряженном плане, в эффективной работе были бы материально заинтересованы все — и рабочие и командиры. Ну, а теперь проверяем эту систему на практике.

— В чем же состоит эксперимент?

Сухоруков делает короткую паузу, видимо, обдумывая, как проще объяснить.

— Знаете, сколько показателей сейчас планируется предприятию? Около тридцати. Нашему же заводу утверждают лишь объем производства, номенклатуру изделий, сумму прибыли и уровень рентабельности. Понимаете, что это дает?

И, видя, что я не очень-то понимаю, решительно снимает с вешалки халат.

— Идемте!..

Мы пересекаем тесный заводской двор и по узкой лесенке поднимаемся в конторку начальника сборочного цеха Петра Марковича Диденко. Он сидит за столом и, нахмурив лоб, рассматривает какую-то разграфленную и исписанную цифрами бумагу.

— Ну? — спрашивает директор, присаживаясь на деревянный, темный от масла диван.— Что нового?

Диденко слегка улыбается.

— Говорят, Приська замуж выходит... Годится?..— шутит он.— А если серьезно,— смотрю вот, что они там, в бухгалтерии, мне понаписали.

— Что понаписали?

— Вот! Видите, какую цену за фрезы заломили! Да еще объясняют: по такой себестоимости, мол, выпускает наш механический цех! А мне какая разница, кто их выпускает? Покупные, с московского завода «Фрезер», втрое дешевле!

— Ладно,— подумав, говорит Сухоруков.— Тут вы правы. За фрезы будете платить по прейскуранту... А начальнику механического придется сказать, чтоб думал, как снизить цену. Иначе погорит его премия...

— Где ж ему угнаться за «Фрезером»? — спрашиваю я.— Там массовое, высокомеханизированное производство!

— Это верно, за «Фрезером» ему не угнаться. Но снизить себестоимость все-таки можно. В идеале нам бы вообще не следовало делать инструмент. Выгоднее покупать...— И Сухоруков с досадой хлопнул ладонью об стол.—Не получается пока. Не хватает. Ну, еще где у вас прорехи?

— Ремонтники давят, Даниил Митрофанович. Обдирают как липку. За каждый шаг плати.

— А вы думали как? Бесплатно будут работать?

— Зачем бесплатно? Но от ежедневного обслуживания собираюсь отказаться. Потолкую с хлопцами: что ж они, сами масла в масленки, что ли, залить не сумеют? Другое дело—ремонт. Тут уж хочешь не хочешь.

— Вот-вот! Поняли, как денежки-то считать надо? План рабочие знают?

— Так точного плана нам еще не спускали...

— Плохо. Точный план в середине месяца хуже, чем неточный в начале. Задание надо дать. Потом подкорректируем в ходе работы. А главное — людям растолкуйте, на чем можно сэкономить. И, значит, заработать! Да вот еще что: завтра в десять занятия экономических курсов. Смотрите не забудьте!

— Теперь понимаете, в чем суть? — спрашивает Сухоруков, когда мы выходим из конторки.— Приказами рентабельности не добьешься. Тут нужна организация и точный расчет. Каждый шаг обосновать цифрами, взвесить. Еще вчера никакой командир не стал бы вникать во все эти цифры. А сегодня — пожалуйста. Ведь от уровня рентабельности — от результата деления прибыли на затраты—зависит фонд предприятия, а значит, премии и прочие материальные блага... Вот тут-то и требуется подумать: стоит ли взять в штат лишнего рабочего или обратиться к соседу за услугой? Сначала придется подсчитать, во что это станет и сколько даст. И лишь в том случае, если прибыль налицо,— действовать. Ясно?

— Ясно.

— Но это еще не все,— продолжает Даниил Митрофанович.—Новая система как бы подталкивает коллектив брать обязательства повыше, понапряженнее. Шкала отчислений в фонд предприятия построена так, что ежели, к примеру, мы решили добиться уровня рентабельности в семь процентов и перевыполним свое решение на три десятых, то в фонд поступит около девятнадцати тысяч рублей. А если мы пообещаем дать семь и три десятых и дадим эти семь и три десятых, то в фонд пойдет уже двадцать одна тысяча. При этом государство тоже не останется в накладе — увеличатся и отчисления в бюджет.

— А премии? Их будут получать все поровну?

— Э, батенька, нет! Это уж зависит от директора. Но какие-то пределы установлены. Можно и меньше, но тогда директор обязан объяснить в приказе причины.

— А рабочим?

— Рабочие получают премии за экономию. Мы разработали специальное положение. Проработал на станке без ремонта сверх нормы — премия. Обошелся меньшим количеством инструмента — премия. Выкроил из листа лишнюю деталь — опять премия. Во всех случаях. Даже если предприятие или цех не выполнили обязательств, все равно тому, кто заслужил, премия будет! Кроме того, начальникам участков и мастерам мы решили выдать чековые книжки.

— Чековые книжки?!

— Так точно, чековые. Понадобилось мастеру или начальнику участка отметить человека — выписал чек. Иди безо всяких и получай деньги в кассе. Раньше-то ведь как было? Мастер пообещает выхлопотать премию, а там дадут или нет — это еще бабушка надвое сказала. А тут и мастер слово сдержит и рабочий видит: не зря старался.

Сухоруков прищуривается и с усмешкой смотрит мне в глаза.

— Вы, небось, слушаете и думаете: а все это, в общем, довольно просто. Хочешь заработать — нажимай, старайся. Ну что тут особенного? А на самом-то деле ой как сложно!.. Хорошая система—это, конечно, очень важно. Но еще важнее, чтобы люди в нее поверили, чтоб убедились, как в новых условиях тесно переплетаются их личные интересы с интересами государства. Вот в чем главная-то проба!

Сухоруков замолкает и вслушивается в слитный гул, вырывающийся из цехов. В мощный, уверенный, мужественный голос завода.

АНАСТАС ИВАНОВИЧ МИКОЯН. К 70-летию со дня рождения.

Фото И. Филатова.

ЗУЛЬФИЯ

Все помыслы мои — в Шахимардане

Как будто требуя с деревьев дани,
Шумит новорожденная река,
В которой отразились облака.

Все помыслы мои — в Шахимардане.

Я среди гор, а горы — выше нас.
С охапкою цветов, в безмолвный час,
Я поднялась к поэту на вершину.
Он спит, учитель мой. А я стою.
Я принесла сюда мою судьбину,
Все, чем живу, что ввек я не покину,—
Мое перо, поэзию мою.

Прислушиваюсь к скорбному затишью.
Ни жалобы, ни вздоха, ни слезы
В природе этих гор. Я только слышу
Живое сердце нашего Хамзы,
И в шуме ливня, в звонком шуме света,
Мне кажется, я слышу разговор.
Мне кажется: вершины снежных гор
Читают облакам стихи поэта.

Мне кажется: идет живой Хамза,
Идет Хамза по травам в свежих росах.
Для путника усталого он посох,
Он для слепого зоркие глаза,
Он воля для борца, он для немого
В мучениях родившееся слово.

Он среди тех, кто в царстве лжи унижен,
Кто по законам лжи всегда не прав.
Он извлекает стих из жалких хижин,
Из улиц глиняных, из пыльных трав,
И песню возвращает он узбекам,
И песнь, расправив крылья, вместе с веком
Летит, заветной вольностью дыша,
И революция — ее душа.

Как новый мир, сияет лоб широкий.
Вокруг не молкнут горные потоки,
Неистовых страстей водоворот.
Поэт все чаще, чаще хмурит брови,
Но говорит он каждой каплей крови:
«Пусть Ленин в кишлаках у нас живет!».

И вот я выхожу из мавзолея,
Где боль далеких лет, где спит поэт,
А в сердце возникает, пламенея,
Свет Ленина, неугасимый свет.

И голоском таким же серебристым,
Как стих певца, чарующий сердца,
Рассказывает девушка туристам
О гибели поэта и борца.

И все идут в музей, полны раздумий.
Здесь нет голов отрубленных и мумий,
Изображений шахов и князей,
Не блещет и кольчугами музей,

Но здесь—Хамза: то с Куйбышевым рядом,
То посреди подруг, в кругу сестер,
Что сбрасывают паранджу в костер,
То он творит стихи, глядит в простор
Задумчивым и напряженным взглядом.
Здесь песня есть с ее высоким ладом,
Всю обстановку воссоздал музей:
Любовь и верность боевых друзей,
Народный гнев, что низвергался градом,
Здесь все, но мы не видим черной тьмы,
Увенчанной обманами чалмы,
Напитанной смертельным, мерзким ядом,
Не видим тьмы, что, прячась там внизу,
Убила — чалмоносная — Хамзу.

Он молод был, так беззащитно молод!
Утес, что черной молнией расколот,
Степь, на которой длился трудный бой,
Песнь, удивленная своей судьбой,—
Вот так на фотографии темнело
Убийцами истерзанное тело:
Листок сжимала сильная рука,—
И недопета на листке строка.

Мне кажется: вовек я не устану
Бродить по новому Шахимардану.
Он назван в честь певца — Хамзаабад.
Стихотворение напоминая,
Бежит родник, бежит струя сквозная,
И падают слова, как водопад.

Я книгу раскрываю на припеке...
Ужели воздух раскален, как печь,
Ужели это солнце хочет сжечь
В моих руках трепещущие строки?
Но нет, прохладой веет на востоке,
И каждый луч летит, летит скорей
К приволью пионерских лагерей.
Смотрю, отряд цветов голубоокий
Выходит из-под снежных покрывал,
Чтоб стать среди долины на привал,
И радости взмывает вал высокий,
И кажется, что день запировал...
А я иду и знаю: не устану
Я учинять допрос Шахимардану.

Земля моя! Пред каждою твоей
Пылинкою склониться я готова,
Но ты ответь мне, боль мою развей:
Зачем его не услыхала зова?
Ужель к добру ты приравняла зло?
Как ты могла дарить свое тепло
Исчадьям тьмы и песнопевцу света?
Иль ты была чужда судьбе поэта?
Иль ты была, родная, так слепа
Безумной материнской слепотою,
Что, кровью этой жертвуя святою,
В тот миг ты не разверзлась, чтоб толпа
Фанатиков во мгле твоей сокрылась?
Зачем волкам ты оказала милость?
Волков уничтожают: вот закон,
Который светом и добром рожден!

Вы, горы, выше нас. Ветрам и бурям
Дорогу преграждали вы не раз.
Когда на вас глядим, глаза мы щурим,—
Ведь солнце дремлет на плечах у вас.
Так почему ж, услышав бурь свирепость,
Глухими вы остались, точно крепость
Трусливого и слабого царя?
Когда ночная тьма, разбой творя,
Свободу и поэзию душила,
Куда девалась, горы, ваша сила?
Пусть вы его оплакали потом,—
А стали вы тогда ему щитом?

Вода, вода! Как песня, ты желанна,
Свободна, как душа Узбекистана,
Могуча, как законы светлых книг,—
Зачем не защитила ты родник
Кипучих песен, чистоты душевной?
Зачем ты не размыла берега,
Зачем ты не низверглась на врага
Всей мощью светоносною и гневной?

Нет, я такой обиды не снесу!
Зачем, река Ак-су, зачем, Кок-су,
К поэту вы не протянули руки
И не спасли его от смертной муки?

Вы, ураганы, бури и ветра!
Зачем вы не вопили до утра,
Зачем всю ночь, всю ночь не завывали,
Зачем с вершин вы камни не срывали,
Чтоб их обрушить на свирепый сброд?
О, если бы к народу вы воззвали,—
Певца сумел бы защитить народ!

А ты, мой стих? Родился ты певучим,
Ты звонким окрыляешься созвучьем,
Летишь по всей земле, не зная сна,
Но ты — известный иль незнаменитый —
Запомни: чтобы правде стать защитой,
Тебе отвага воина нужна.

Трудись, мой стих, для истины и света,
Дыши весенней яростью грозы,
Трудись и знай, что будет песнь допета,
Что в мире есть наследники Хамзы!

Перевел с узбекского
С. Липкин.

Все цвета радуги — таков ассортимент красителей Рубежанского химического комбината. Это крупнейшее предприятие химической промышленности выпускает также ядохимикаты для сельского хозяйства, товары бытовой химии, полупродукты для резиновой промышленности.

Рубежанские химики дают стране 96% всех кубовых красителей для текстильной промышленности. Их продукция идет на экспорт в 25 стран мира. В центральной заводской лаборатории ведется постоянный контроль за качеством продукции, здесь химики разрабатывают и осваивают новые виды красителей.

Фото Г. Копосова.

С. ГЕОРГИЕВСКАЯ

Рисунки И. УШАКОВА

РАССКАЗ

Го

И вот я отправилась на розыски тувинских народных художников.

В машине нас было трое: водитель, переводчик и я. Переводчика выделил для меня обком комсомола. Он небольшого росточка, с добрыми, доверчивыми глазами — образец внешнего и внутреннего изящества, деликатен, как девочка, и еще не утратил способности улыбаться медленной, не сразу проступающей наружу улыбкой.

Он сама юность. Мне было бы с ним легко, если бы...

Если бы не шофер.

Шофер легковой машины — красивый человек, уже начавший слегка лысеть. Глаза у него голубые, ясные; большой мясистый, выступающий вперед рот — рот бабы-сплетницы,— впрочем, твердо очерченный, несмотря на удивляющую полноту губ. Он располагал к себе тувинцев и русских. «Чего ж, хороший парень. Душа нараспашку». Он знал (и, надо признаться, довольно точно), на кого прикрикнуть, а кому подмигнуть: «Давай-ка, браток, закурим». Шутил всегда кстати: «Женюсь на девушке с козой. Люблю парное молочко».

— Оста-ановитесь! Ну же. Остановите-есь!— кричу я шоферу, завидев издали каменную бабу.

Останавливается, презрительно пожимает плечами.

Я бегу по полю, мчусь сломя голову. Ощупываю древнее изваяние — кожу из камня, которая стала пористой от солнца и ветров. Мне вслед глядят две пары глаз: открыто наглые глаза шофера и робкие глаза мальчика. И в этих глазах сострадание и стыд.

Шофер то похохатывал мягким баском, то поводил плечами, то пристально глядел на студента, как бы приглашая юношу вместе с ним надо мной посмеяться. Ведь смешно, не так ли?..

1

В полуденный жаркий час бежит от земли марево.

Пыль все тоньше, прозрачнее. Кажется, что солнце насквозь просушило землю, сорвало верхний покров ее.

Ни травинки, ни деревца... Ан нет! Вот пасутся овцы на склонах гор. Издали они кажутся белым потоком, устремившимся вниз.

Посреди полей небольшая юрта. Она похожа на точку. Все больше, больше становится юрта. И вот уж виден вокруг или подле — не разглядеть — загон для овец. Юрта, а рядом овцы и козы.

Трогательно и невинно поднимают они свои козьи бороды. Стоят на хрупких ногах козлята. А вот человечья фигурка... Старик?

Нет. Старуха. Голова ее выбрита наголо, во рту сигара.

— Приехали,— говорит переводчик.

...Величавый, без шапки, старик-скульптор сидел у горящего камелька. Козлята взбирались по наружным стенам его большой юрты и блеяли оттуда, тряся бороденками.

Мы вошли, старик нам не удивился, будто это так уж обыкновенно, чтоб к нему приезжали гости... В котелке, подвешенном к потолку, булькал чай. Огонь освещал коричневое лицо и старую руку, державшую трубку. Глаза слезились от старости, но их выражение было добро и безмятежно.

Сев рядом, поджав под себя ноги, что-то быстро и вежливо заговорил переводчик. Старик кивнул, повернулся ко мне, глянул мне в глаза слезящимися глазами. И вдруг улыбка тронула губы.

— Спрашивает, какие на свете новости,— сияя, сказал переводчик.

А я и забыла, что это первый вопрос пастухов. Ждут, пока мимо юрты проедет всадник. И вот наконец завиднеется на дороге конь. «Спешься, мил человек, заходи в юрту».

Захлебываясь, я хвалила его работы в Кизылском музее: его коней и всадников, его верблюдов и ланок... А ягненок, его ягненок! Морда ягненка прямо-таки выражала смирение перед всем тем, что увидел и что еще увидит малыш на этой земле...

Юрты и чумы; тайга и пески; движение и неподвижность; печаль и энергия... В голубоватом камне жила Тува...

Скульптор слушал, кивал... «Из самой Москвы!.. Не шутка. Дальний всадник. Почетный всадник».

В свете огня поблескивала его старинная трубка с орнаментом.

— Он давно перестал работать,— переводил мой помощник-студент.— Стар, плохо видит, и руки не те. Дрожат. Своему искусству научился от деда. Ваять стал рано, лет с десяти. Он пастух и был пастухом всегда. День длинный, скучно без дела... Но теперь-то он старым сделался, дрожат руки.

Да, да... У него, конечно, были ученики. Тайбула — его воспитóнок. Но ведь не всякий умеет так... Да и где, по правде сказать, достанешь голубой камень?

— Какой такой особенный голубой камень?

— Как? Москвичка не знает, что значит голубой камень?

Но тут старуха, которая возвратилась в юрту, вцепилась старику в бороду.

— Что случилось?.. Что она ему говорит?

— Начальства боится,— рассмеявшись, сказал переводчик (начальством, видимо, по ее понятиям, была я).— Зачем, говорит, рассказываешь о голубом камне? Камень рассердится.

Старуха все расходилась и расходилась: принялась колотить старика коричневым кулачком в грудь. Била его, а старик смеялся.

Ушла. Оставила откинутым полог. В свете огня и солнца причудливо выступили подбородок, трубка, дрожащие пальцы старого скульптора... Все будто двигалось в колеблющихся языках пламени.

Козы медленно, словно дремля, перебирали копытцами.

— Ну что?.. Закруглились? — спросил шофер, косясь в мою сторону. (Он сидел на камне у входа, пил молоко и обмакивал в молоко хлеб.)

Мы пошли к машине. Далеко остались старик со старухой. Стояли тихие, а вокруг—горы и обглоданная трава, а на земле — следы от козьих копытец.

2

Тьма подступала к полям осторожно. Сперва она коснулась вершин древесных, и вот уже на дорогу, отдохнув за день, выспавшись в норах, стали выбегать неслыханные, невиданные существа. Выскочат и замрут под светом фар. Тысячи жизней среди зеленей, в полях, меж колосьев, в реках и на берегу этих дальних рек. Посвист птиц, стрекотание кузнечиков: «Цвирли, цвирли»,— ночное дыхание лета.

Суслики, птицы, кроты и зайцы — проснулись все. Их час. Ночной. Свободный от человека.

Завиднелось село, дома с черепичными крышами.

Перед нами школа. Машина останавливается, переводчик стучит в окно костяшками пальцев. Мы ждем.

Дверь школы приоткрывается, оттуда выходит учитель — ученик Тайбулы (он живет при школе). На вид юноше лет восемнадцать. Его волосы стрижены ежиком, из-под вздернутых бровей глядят узкие, насмешливые глаза. Обиженное лицо с пухлым, детским, вздрагивающим ртом.

Он хорошо говорит по-русски, на этот раз я могу объясниться без переводчика.

Сидим на ступеньках и задумчиво смотрим вниз. Прохладно. Дальний уличный фонарь освещает лицо молодого скульптора. Я быстро рассказываю, кто я и откуда приехала. Его лицо становится еще надменнее, усмешка детских, припухлых губ еще презрительней. Мне хочется обнять его за плечи — ведь он мальчик. Но я не смею сделать этого: учитель «держит дистанцию». Я принимаюсь расспрашивать осторожно, почтительно. Я говорю:

— Товарищ учитель...

Но мне хочется назвать его метром.

Неподалеку от нас, на ступеньке, пристроился переводчик. На скамье поодаль, сдвинув на глаза кепку, дремлет шофер.

Юный скульптор окончил, оказывается, педа-

лубой камень

гогическое училище. Теперь он будет два года работать в школе... Его отец — пастух. Детей одиннадцать. Он младший из них.

— Есть ли у вас мастерская? Есть ли в музее ваши работы? Выставлялись ли вы? Часто ли видитесь с Тайбулой?

Он отвечает небрежно, рассеянно.

Он хочет быть скульптором, только скульптором. Он не хочет преподавать в школе. Нетерпение и боль глядят на мир из узких черных глаз. А кажется, так легко: протяни руку, коснись молодого лица и сотри с него раздражение... Да, да, он хочет делать то дело, которому его научил Тайбула. Одно на свете... Счастье! Он твердо знал, в чем оно. А ведь это знает не каждый. Он хочет в Ленинград, в Академию художеств. Учиться, учиться, быть скульптором. Только это одно! Все смеются над ним. Все, все! Даже мать и отец... Его слышит и верит ему один Тайбула. Но учитель его далеко. На том краю земли: по ту сторону Барлыка.

— Покажите мне, пожалуйста, что-нибудь из ваших работ.

Он уходит, но вместо фигурок из камня приносит общую тетрадь. Каждая страница ее разрисована тувинскими орнаментами.

— А нет ли у вас работы из камня? Из голубого камня.

Он вскидывает глаза, притворяется, что не понял.

— Камень, голубой камень...— помолчав, не то вопрошающе, не то мечтательно говорит мальчик. И мне кажется, что учитель сейчас расплачется. Но разве может такое быть?

Яростно, гневно, страстно вскидывает он глаза и смотрит вверх.

— А вы?.. Вы когда-нибудь видели голубой камень?

Я молчу. Я смеюсь. Мы сидим в тишине и темноте ночи, я и двое детей — учитель и переводчик. Ночь, ее мгла, ее тепло и заколдованное спокойствие обступают нас.

Вздохнув, я принимаюсь говорить. Рассказываю о том, что такое молодость, стараюсь утешить его, разбудить его любопытство... Мешаются имена и судьбы. Я начинаю с Ван Гога, сама не знаю почему, говорю о его маниакальности, о солнце Бретани и о ночных пейзажах, которые он творил, воткнув в свою широкополую шляпу зажженные свечи. Рассказываю о его безумии и особом видении мира... Говорю о «ножницах» — страшных ножницах, в которых одно острие — замысел, а другое — та малость, что удается художнику из этого замысла осуществить... Я рассказываю о жизнях, подобных вечной погоне за ускользающим, о том, как редко смыкаются оба острия этих страшных ножниц, об эстонских скульпторах, ваятелях серебряных браслетов, и о молодом художнике дальней Сванетии. (Он тоже скульптор и вместе художник.) Я говорю о его удивительной, острой живописи, о поэтичности его женщин-сванок, высоких и синеглазых. Рассказываю о счастливой судьбе художника, о его дорогах и путешествиях.

— Не только волнение, не только страсть, но хоть малая доля уравновешенности — залог победы,— вскользь говорю я.

Скульптор слушает. Чуть приоткрыв рот, слушает переводчик. И, ободренная, я продолжаю: возвращаюсь к Ван Гогу, которого люблю так выборочно и особенно — его, с его судьбой и безумием, с его безудержными страстями и светом, тем светом, который бьет из каждого его полотна... Я говорю о втором, невидимом содержании его полотен: о свечении и святости; о самоотреченности и счастье. Говорю о правде и откровенности, о высочайшем и жесточайшем умении быть откровенным и о том, что люди путают «правду» и «откровенность». Требуя откровенности, которая подчас превращается в откровение, способное объяснить им их же самих, они говорят о правде и думают, что ждут от художника всего лишь правды — эдакой малости...

Нас трое. Мы шепчемся. Изредка учитель перебивает меня, пытаясь остановить и запомнить одно из имен, которые я назвала... Лицо его сосредоточенно, спокойно, серьезно. Сейчас мы люди равного возраста. Мы товарищи.

Я знаю: дай тебе время, станок, инструменты... Да ладно!

Каждый видит печаль и горе художника. Каждый видит его неутоленность и порванные ботинки. Но кто знает о его счастье? Счастье художника — счастье тайное. Его счастье то, до чего не дотронешься, чего не поделишь, как делят хлеб.

— А час-то который? — проснувшись, спрашивает шофер.— Теперь, значит, к этому самому, как его... К Тайбуле, что ли? Хорошо, что их только трое, а не пятнадцать. А то, глядишь, всех пятнадцать бы пообъезжали.

— Ну что ж,— отвечаю я виновато,— такое уж наше дело.

— Дело?! Из центра прибыли — и подавай машину...

Я опускаю голову. Что я могу сказать? Ведь я и на самом деле прибыла из Москвы. И мне дали машину.

3

...Он жил в селении Сели, в животноводческом колхозе. Он был ветфельдшером.

Думал ли Тайбула о том, когда лечил овец, что он, Тайбула, великий художник? Должно быть, нет. И, должно быть, не был особенно озабочен величием своего ветеринарного фельдшера председатель колхоза.

— Приветствуем! — бодро сказал шофер и, почесав затылок, насмешливо поглядел в мою сторону.

Председатель, красивый молодой человек в зеленой фетровой шляпе, не ждал гостей. Услышав, что я приехала к Тайбуле, он предположил, что прибыл корреспондент из газеты.

— Председатель колхоза предлагает вам переговорить с Тайбулой при нем на территории конторы,— покраснев, сказал переводчик.

— Тайбула, он занят,— перебил председатель.— Овэц стрижет... У нас страда. Понэмаешь, страда?

Сдвинув на глаза кепку, шофер, сидевший в углу, подмигнул и захохотал.

Я принялась спорить. Говорила много, излишне горячо и долго (и слышала, как медленно и учтиво передавал мою сбивчивую речь переводчик, тщательно выбирая из десятка моих самое вежливое и деликатное словцо).

Тайбула был в поле, за ним послали на овцеферму.

Парадная комната его большого дома оказалась уставленной расписными ларями, сундучками, ящиками, комодами. Тут же висела пустая люлька. Толпа стариков и детей, сопровождавшая нас по деревенским улицам, остановилась у входа в дом. Увидев это, переводчик подошел к двери и захлопнул ее.

Присев на грубо сколоченную табуретку, закинув ногу на ногу, глядел в окошко шофер. Ему было томно и скучновато.

Но вот послышался цокот копыт. Дверь распахнулась. Тайбула стоял на ее пороге.

Как редко творение художника сливается с его физическим обликом. Не раз мы спрашиваем себя: неужто он, вот этот, создал то, что мы видели? Словно какая-то тайна носится над созданием художника. И будто бы сотворенное им само собой сделалось, помимо его воли и желания.

Но Тайбула был именно такой, каким нам видится скульптор.

Перед нами был человек артистический, или, как принято говорить, человек артистического склада. Причудливый и серьезный. Его артистичность была во всем: в улыбке, в той острой бессознательной наблюдательности, с которой он взглянул на каждого из нас.

Внутри глаз, там, где прячется затаенное, была учтивость. И только. Ни капли удивления или растерянности, ни тени сомнения в самом себе или занятости собой.

Если б меня спросили, что было основным в его облике, я бы сказала: спокойствие.

Переводчик ходил по комнате, заложив руки за спину.

Мне следовало начать, но я не могла собраться, кинуться очертя голову в воду сосредоточенного внимания. В этой полной тревоги и радостного удивления действительности жил для меня один Тайбула. Он — с его физической крупностью и удивляющим выражением глаз, черных, больших, блестящих; он — с этим поражавшим меня лицом, на котором не трепетал ни единый мускул. Одно из тех лиц, которое, несмотря на раскосость глаз, могло бы оказаться лицом итальянца, испанца, француза. Лицо характерное и вместе интернациональное.

Шло время.

Я сделала над собой усилие.

— Спроси его, правда ли это — сорок два рукава Енисея и правда ли, что здесь до сих пор гадают по камешкам?

Большое лицо Тайбулы осветился улыбка, затрепетали губы, в глазах появился насмешливый огонек. Словно он понял меня.

Поплыл в мои растерянные глаза его ликующий, веселый взгляд. Все, что угодно, выразило лицо, кроме пусть даже самого отдаленного признака удивления.

Остановившись, чуть приоткрыв детский рот, студент попеременно глядел то на меня, то на Тайбулу.

— Спроси, пожалуйста. Что ж ты молчишь?— совсем потерявшись, сказала я.

Переводчик заговорил по-тувински быстро и удивленно, вскидывая на меня черный взгляд.

— Старики гадают,— переводил он шутливо и быстро.— Сорок два камешка — это со всех рукавов Енисея. Они в мешочке у стариков. А мешочки за поясом. Раскинут камешки, и камешки говорят. Только верить надо, верить, вот что... Тем гадают, кто верит. Разве охота предсказывать, если смеются? Но ведь вы не верите, нет?..

— Нет, нет, конечно. Я ни во что не верю.

Переводчик умолк.

— Спроси у него, пожалуйста, как он сделался скульптором. Я знаю, он начал работать, когда был мальчиком... Его научил старик. А с чего он начал? Пусть вспомнит... Я видела его работы в музее. Какие работы!.. Скажи ему. Много ли он продал скульптур? Как относились к его работе мать и отец? Хотел ли он учиться в Академии художеств, как хочет теперь его ученик? Расскажи, пожалуйста, что мы повидали его учителя и ученика. Какое са-

мое главное у него желание, у Тайбулы? Что ему нужно, чтобы совершенней работать? Если б это возможно было, согласился бы он иметь школу, вести кружок?.. Счастлив ли он, когда может работать? Бывает ли недоволен своей работой? И когда работает? По ночам, да? Где его мастерская?.. Нет ли у него готовых скульптур? Делает ли он для своих ребят игрушки из камня?

Я расспрашивала, захлебываясь, а переводчик молчал. Заложив за спину руки, он тихо ходил по комнате. Я видела сквозь мелькание непрестанно шагающего мимо моих глаз человека лицо Тайбулы, задумчивое, серьезное, со вскинутой бровью.

— Ну что же ты? Ты же все перезабудешь. Спроси, пожалуйста.

Мальчик остановился, глянул на Тайбулу... Стало тихо. Сделалось слышно, как бьется крыльями о стекла шмель.

И опять тишина. И вдруг шофер запел: «Ах, зачем, ах, за что?»

Переводчик принялся говорить.

Я расспрашивала так долго, а он — само легкомыслие! — переводил так коротко.

— Его первой работой были шахматные фигурки. За это платили. Родители были рады. Ему было тогда одиннадцать лет. Его работу взяли в Москву, в музей. Старик помогал ему. Наставлял его. Старик первым добыл для него из шахты голубой камень... Ну, а потом он сам его добывал. И для мальчика добывал, для ученика...

— Расспроси-ка его о матери, о братьях и сестрах. Во что он любил играть и где он жил до того, как построил дом... В тайге (значит, в чуме) или среди лугов (то есть в юрте)? Спроси, кем был его отец. Пастухом? Охотником?

Для того, чтобы ответить и так ответить, как было нужно мне, человек должен напрячь духовную память, восстановить прошлое в его полной нетронутости. Но ведь это не случается по заказу.

Я говорила так долго, а студент отчего-то переводил так коротко...

— Спроси же, ну! Есть ли у него какая-нибудь заветная мечта?

— Есть. Он желал бы не торопиться... Часто о нем вспоминают, когда спохватываются, что в музее среди экспонатов пшеницы, рыбы, бобровых шкурок и образцов строительного леса маловато скульптур. Ему дают коня. Он скачет в Кизыл и там работает много суток подряд. Ему приносят в комнату еду. Потом ему опять выделяют коня, и он скачет назад, в колхоз.

Шофер послушал, послушал и вышел на улицу, хлопнув дверью.

— Пусть он быстро-быстро расскажет хоть что-нибудь о голубом камне. Что за такой голубой камень? Что в нем? Почему, когда его учитель собрался мне рассказать о камне, старуха его прибила?

Тайбула ответил что-то гортанно и коротко. И, словно бы оборвавшись, слова его замерли.

Переводчик не перевел ни слова.

Смеркалось. Задумчивый огромный Тайбула сидел на своем расписном ларе.

Раскрылись двери.

— Ну как?— спросил шофер.— Закругляться будете или как?! На дворе ночь. В полночь, что ли, будем через реку переправляться?.. Завтра в девять мне подавать машину начальнику...

— Пусть Тайбула покажет нам мастерскую,— быстро сказала я.— И какую-нибудь начатую работу.

И будто бы угадав то, о чем я просила, он улыбнулся грустной, нежной улыбкой, взмахнул рукой.

В углу комнаты в сгущавшейся темноте стоял грубо сколоченный, перевернутый вверх дном ящик — рабочий станок Тайбулы. Тут же валялся его инструмент — пилки, резцы, молоток... Инструмента меньше, чем у монтера.

На улице бил копытами конь Тайбулы. Блеснул его глаз, скосившись в сторону вышедшего из дому хозяина.

Молча, учтиво Тайбула стоял поодаль, провожая нас.

Шофер завел мотор, поглядел на меня и на переводчика и презрительно процедил:

— Ну?

Сейчас я расстанусь с ним и никогда его не увижу!.. Запомнить. Большого, широкого. Запомнить лицо, и взгляд, и это доброе выражение большого рта...

Зачем я приехала? Что услышала от него?.. Вот разве что оторвала от дела!..

Ну, а что я, собственно, рассчитывала узнать? На что надеялась? Разве так сразу узнаешь сокровенное о человеке?

Опустив голову, я пошла к машине.

— До свиданья, товарищ.

И вдруг на плечо мне легла рука Тайбулы. Рядом со мной он казался таким большим.

Машина вздрогнула и покатила по темной дороге. Земля была тихой. Осторожно стыл синеватый туман, стелившийся над ней.

Перед нами Барлык. Машина одна на крутом бережку. Глухо плещутся волны Барлыка о колеса. Поблизости ни души.

Поискать бы броду!.. Но как тут договоришься, когда даже повернутый к нам затылок шофера выражает презрение, гнев, ненависть.

Рывок!.. Машина въезжает в реку. Каменистое дно отдается толчками в мягкие шины. Покрывая колеса, бурлит вода. Легковичка похожа на лодку, странную лодку без весел.

И вдруг, бойко вздрогнув, она останавливается посредине реки. Вокруг бело и круто пенятся волны.

— Нет того, чтобы поискать броду!— яростно, оборачиваясь ко мне, говорит шофер.— Все я да я. А что, если опрокинет машину? Что я скажу в обкоме?.. Так и скажу: довольно озоровать! Доложу, и дело с концом. Потащились черт те куда! Трепались, трепались, а толку? Тайбула, он с вами, если хотите знать, и разговаривать-то не хотел... Да, да. Хоть спросите у переводчика. Тайбула — человек занятой. Не хотел говорить, и все! Ага?! Не нравится? Не любо слушать? Правда-матушка, она всякому глаза колет!..

Ужаснувшись, я взглянула на переводчика. И вдруг мальчик закрыл лицо ладонями и отвернулся. Он не мог солгать.

— Подбери-ка ноги!— закричала я хрипло.— Слышишь, ты? Подбери ноги.

И, стиснув зубы, раскрыла дверь.

Мы боремся в темноте. Он пытается опередить меня, хочет сам шагнуть в воду. Я отталкиваю его, проваливаюсь в темноту...

Да полно!.. Разве так уж темно? Луна отражается в быстробегущих водах. Вода ледяная. Ногам очень больно и очень холодно. Они скользят по дну. Река разбухла от талого снега, сбежавшего с гор. Она волочит меня, опрокидывает... Я цепляюсь о скользкие камни. Мои руки судорожно перехватывают воздух. И вдруг правая нашарила во тьме нависшую надо мной ветку... Я на том берегу.

Живая! Мокрая лежу на камнях.

«...Да он с вами и разговаривать-то не хотел, не хотел, понимаете?..»

И я кричу в темноту:

— Давайте-ка вперед, по моему следу. Неглубоко. Проедете... Эй, тронули! Ра-аз!..

Теперь мне легко орать. И легко командовать. Ведь я чуть было не потонула.

— Эй, вы!.. Вперед!

Машина сдвинулась с места, осторожно разбрызгивая воду. Вокруг ее колес — водовороты. Над кузовом — брызги.

Рывок... Рывок! И, как конь, переплывший реку, машина, вся мокрая, выбирается на берег.

Взяли! Перешла вброд.

Я отжимаю подол и сажусь в машину.

И вдруг голова мальчика падает на мое мокрое плечо. С его головы слетает кепка...

Он плачет, плачет, как маленький.

— Товарищ, этот шофер... шофер... какие люди на свете худые есть! Какие люди худые!— всхлипывая, говорит он.

4

Я ночевала в поселке Сели, в райкоме, разостлав на кожаном диване секретаря райкома теплую стеганку, которую повсюду таскала за собой. Положила в изголовье рюкзак. Легла, попыталась уснуть.

Не спалось. Было до того тихо, что я слышала похрустывание стола. Это иссохшее дерево разговаривало со мной.

Голоса, шаги, сотни обликов, сотни раскосых взглядов, шорох трав, горы на дальнем краю степей...

Полыхают языки пламени в дальней юрте; под щекой и ладонью я слышу прикосновение шерсти той шкуры, на которой спала в холодном чуме у оленеводов... Пески, приподнятые ветром; снег меж ягеля; след оленьих копытец; блеяние коз; борода козленка. Взлетают тонкие ножки... Это козочка спрыгнула с юрты и вперед — к маме, старой и злой козе; шаги верблюда; острые шапки каменных изваяний...

Кто-то тихо стучится в дверь.

— Войдите!— говорю я, быстро спустив с дивана босые ноги.

Дверь распахивается. На пороге сама Тува в человечьем облике. Она широка в плечах, высока, молчалива...

— Здравствуйте,— шепотом говорю я блеску раскосого взгляда, сверкнувшего мне из сумерек.

Он вошел, скрипя половицами. Тихо присел у письменного стола. Снял шапку. Закурил трубку.

Приехал, видно, к секретарю райкома.

Сон? Но во сне не бывают такими белыми колечки дыма. Во сне все образовывается както само собой и не испытываешь такой неловкости от молчаливого присутствия человека. Как ему сказать, что все давно разошлись по домам, что поблизости нет переводчика? Куда ни приедет тувинец, у него повсюду оказывается тетка.

Тайбула молчал. Молчал безмятежно. Хорошо ему: он занят трубкой.

И вдруг засунул руку в карман теплой стеганки, извлек оттуда что-то блеснувшее голубоватым пламенем.

Фигурка сарлыка!..

Я осторожно сняла ее с ладони скульптора, подошла к окну и стала рассматривать.

— Тебе!— сказал Тайбула.

— Да что вы! Как можно?

Сарлык — гигантское, вымирающее животное, похожее на быка и вместе на лошадь,— был величиной с мизинец. Лукаво и дико глядела в небо сарлычья морда с разляпистым мягким ртом. Он был юн, потому что недавно родился, он был беспомощен. (Ведь и сарлыки тоже бывают детенышами.) Он был беспомощен оттого, что мал... Развевался по ветру его сказочный хвост.

— Мне?.. Как можно? Нет, нет...

Я положила сарлыка на подоконник и молча пожала большую руку Тайбулы.

Улыбаясь, он покуривал трубку.

— Что делать? Что делать-то?

Я стала бегать по комнатам, разыскивая хоть ночного сторожа (он говорил по-русски). Переводчика... Пере-вод-чика!..

И я нашла его. Это был бухгалтер, тувинец, который заканчивал баланс. Стол в бухгалтерии освещался огнем свечей.

Я вырвала из рук старика самопишущую ручку, не дала ему времени опомниться и потащила к Тайбуле.

Старик был любезен... Но улизнул из комнаты в ту самую минуту, когда я выпустила его рукав (пошел заканчивать баланс).

Стало совсем темно. Едва различимым сделался Тайбула. Светлела во мгле его серая стеганка и большие руки, опрокинутые на стол. Но вот рука поднялась и неторопливо достала что-то из внутреннего кармана стеганки.

Фигурка женщины!..

Я рассматривала ее в ускользавшем свете дня, забыв о скульпторе. Странное творение. Странное и совершенное. Женщина молилась, простерев ввысь крошечные каменные руки. Худая, с отвислой грудью, она была не хороша. Она была прекрасна.

Не безгласным духам молилась женщина Тайбулы, не духам болот, не духам, живущим в песках и травах. Она славила землю всей силой, всей мощью своих крошечных голубых, простертых к небесам пальцев, движением плеч, пьяно закинутой вверх головой... Женщина славила ветры, жару и холод, тепло огня и разливы рек.

Тайбула молчал. К потолку бежали колечки дыма.

— Ты спрашивала о голубом камне,— вдруг сказал Тайбула.— Разве ты ничего не знаешь о голубом камне?..

Он говорил по-русски, как человек, научившийся языку с детства.

Все, что случилось, казалось мне до того удивительным, что я не успевала удивляться. Застыв у окна, босая, растрепанная, я слушала.

— Разве ты ничего не знаешь о голубом камне? Камень — это гора. В горе глубокая штольня. Ночью, при свете звезд, когда наверху месяц, надо тихо пойти к горе. Она волшебная... Близкие слышат твои шаги, но не слышат, как бьется сердце добытчика.

Далеко гора, и близко гора. Из нее брызжет свет полумесяца. Она высокая и крутая. Там нет дорог. Каждый должен идти своей, всякий раз своей. Я беру мешок. Мой учитель берет мешок. И мой ученик, мой юноша, тоже берет мешок. Каждый — один — взбирается в гору. Гора высокая. Человек один. Но всюду, близко, следы другого человека, того, кто прежде тебя поднимался вверх... Гора живая. Она дышит, блещет...

Ты скользишь. Ты падаешь. Ты опять у ее подножия. Ты поднимаешься опять... Надейся, слышишь. Иди. Нет дыхания, и силы нет... Иди, иди!..

Вот штольня. Глубокая. Обвяжись канатом, спускайся в штольню... Во тьме на ощупь выруби топором камень.

Осторожно сложи добычу в мешок. И вниз, вниз.

Тяжела ноша. А что скажет тебе еще голубой камень?..

Иди. Неси.

Налегке ты поднялся в гору. А вниз идешь, сгибаясь под тяжкой тяжестью.

Осторожно... Не бойся. Ты не один: тебе подспорье — вера и чистая совесть. Не оглядывайся, иди.

Тяжела ноша, а ты неси. Неси ее до порога дома. Донесешь — положишь на стол... А из камня — блеск полумесяца. Что сокрылось в нем? Земля? Вселенная? Люди и звери, деревья и травы?

Вымой руки. Коснись его утром чисто вымытыми руками. Этот камень — ты сам. Но ведь камень — это всего лишь камень. Он хрупок. Камень слышит худое слово. Он любит, чтоб человек уважал себя... Уважай себя! Прости себя хотя бы за то, что ты человек. Камень — это всего лишь камень. Согрей его...

...Так ли говорил Тайбула, я не знаю... Все, что случилось, смахивало на сон. Может, мне это примерещилось?..

Ну, а каменные фигурки?... Вот они, у меня на рабочем столе. В них все, о чем я думала, когда пересекала эти дороги верхом на лошади, в машине и на олене с маленьким седлышком и крошечными стременами... Помнится, я старалась сохранить равновесие, а олень — раз-два! — свалил меня в ягель.

Быть может, не так, не теми словами рассказывал Тайбула о голубом камне? Но мне сильно хотелось услышать признание Тайбулы! И я получила это признание вместе с фигуркой сарлыка.

Тайбула встал. Я побежала за ним, босая, едва поспевая за большими шагами его больших ног.

Во дворе, привязанный к дереву, бил копытами его конь.

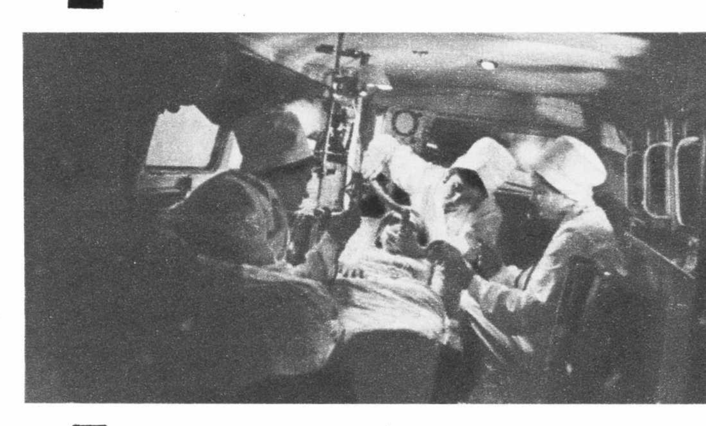
Я была очень маленькой рядом с большим Тайбулой. Но оттого, что он был гигантом, я себе казалась выше и сильней.

Отвязал коня. Обернулся. Сверкнул улыбкой.

И прыгнул в закат, словно прорвал, как в цирке, бумагу, натянутую на обруч.

В закат, по дорогам Тувы!

Он будет ехать долго, так долго... А потом его лошадь переплывет Барлык. Не забудет ли разуться Тайбула, когда станет переплывать Барлык?..

Больница на колесах

По внешнему виду эта машина ничем не отличается от обычной «Скорой помощи». Но, оказывается, тут, в тесном помещении микроавтобуса, находится целая клиника сердечно-сосудистых заболеваний со сложнейшей медицинской аппаратурой и маленьким, полностью укомплектованным штатом персонала.

Срочный вызов. Врач прибыл к больному. Диагноз: инфаркт миокарда да еще с отеком легких. Обычная машина «неотложки» мало поможет больному. Врач вызывает «больницу на колесах». И вот бригада, состоящая из врача Натальи Фоминой и двух фельдшеров — Светланы Макаренко и Валерия Ковалева,— мчится по улицам.

Сначала — подтвердить предположительный диагноз. У больного снимают электрокардиограмму. Это дело нескольких минут — переносный аппарат всегда находится в машине. Затем — серия инъекций сильнодействующих лекарств. Капельно вводят препараты, нормализующие давление. Такого прибора обычно никогда не было в машинах «Скорой помощи».

Больной нуждается в немедленной госпитализации, и, уложив на носилки, его переносят в машину.

Наблюдения ни на секунду не прерываются во время пути. На желтоватом экране электрокардиовизора — своеобразного телевизора — постоянно пляшет голубоватый огонек. Он рассказывает врачу о работе сердца. Вдруг у больного нарушается дыхание. В ход пущен еще один прибор — ДП-2, подающий через трубку в определенном ритме кислород.

Наготове дефибриллятор. Если сердце внезапно остановится, мощный импульс заставит его опять забиться в правильном ритме.

«Но как же можно пользоваться этими приборами в пути?» — спросите вы. Оказывается, в машине не только больница, но и электростанция. Полупроводниковый преобразователь, работающий от двенадцативольтного аккумулятора автомобиля, дает напряжение вплоть до 8 тысяч вольт, необходимое для медицинской аппаратуры. «Скорой помощи» эвакопункта Главного врачебно-санитарного управления Министерства путей сообщения часто приходится ездить на большие расстояния. И где бы ни потребовалось — на ночном шоссе, среди пустынного поля, далеко от жилья,— любой из этих сложнейших приборов может приводиться в действие током от аккумулятора машины.

Интересная и своеобразная «больница на колесах» создана по инициативе врачей эвакопункта Министерства путей сообщения инженером В. Д. Дульчевским.

— К сожалению, таких машин пока очень мало,— рассказывает директор эвакопункта МПС Валерьян Сергеевич Холодковский.— И хотя их создание обходится дорого, все соображения отступают на второй план, когда речь идет о жизни человека.

В. БЕЛЕЦКАЯ

(К 90-летию со дня рождения А. В. Луначарского)

Профессиональный революционер, государственный и общественный деятель, Анатолий Васильевич Луначарский был одним из виднейших строителей советской социалистической культуры.

Луначарский родился в 1875 году в Полтаве, семнадцатилетним юношей, еще гимназистом, вступил в социал-демократическую организацию. Принимал непосредственное участие в революции 1905 года. Царская тюрьма, ссылка, эмиграция — все это пришлось ему изведать.

После победы Великой Октябрьской революции А. В. Луначарский в течение двенадцати лет занимал пост народного комиссара просвещения РСФСР. Блестящий публицист и оратор, Луначарский был и выдающимся организатором. Проводя политику партии в области просвещения и культуры, он руководил разработкой теоретических и организационных основ советской школы, содействовал росту искусства в стране.

Перу Луначарского — человека разносторонне образованного и талантливого — принадлежит огромное количество работ о литературе и искусстве. Эти работы сыграли большую роль в развитии марксистской эстетики.

Мы публикуем с некоторыми сокращениями письма Анатолия Васильевича Луначарского к семье. Живое революционное волнение звучит в этих строках выдающегося деятеля большевистской партии.

Семья А. В. Луначарского — жена и сын Анатолий — в 1917 году жила в Швейцарии. 18 (31) декабря 1917 года Анатолий Васильевич пишет Анне Александровне письмо, связанное со следующими событиями.

17 (30) декабря 1917 года «Правда» (№ 217) вышла с аншлагом: «Сегодня рабочие, солдаты и крестьяне, все честные граждане демонстрируют по улицам Петрограда за мир и братство народов. Буржуазия пытается обмануть население Петрограда и сорвать манифестацию трудовых масс. Попытки ее обречены на жалкий и постыдный провал. Все на улицу! Против бойни народов, против буржуазного грабительства, против предательской и бесчестной печати, против саботажников — лакеев капитала!

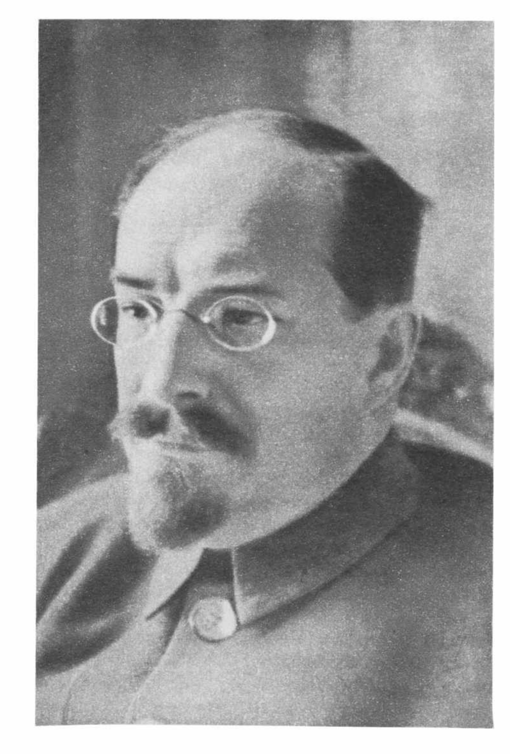
Да здравствует международный пролетариат!

Да здравствует Третий Интернационал!

Да здравствует Международная Революция!»

Народ вышел на улицы. Трамвайное движение в этот день было отменено. В отделе извещений «Правды» значилось, что Луначарский выступает с докладами в четырех местах.

В ТРУДНЫЕ ГОДЫ

«Дорогая Анюта,— пишет А. В. Луначарский.— Вчерашний день принадлежал к числу счастливейших.

Демонстрация наша была решена всего за день, а многие из нас боялись, что не по отсутствию симпатии к нашему правительству, а по недостатку времени для организации пролетариат не сумеет откликнуться достаточно эффектно, трудно было ему изготовить вовремя и плакаты с теми лозунгами, которые рекомендовала «Правда».

Но наш чудесный рабочий класс и его друг — революционный гарнизон превзошли себя. В демонстрации приняло участие не менее полумиллиона людей! Я лично два с половиной часа пропускал полки и заводы у могилы жертв Февральской революции и не дождался конца человеческой реке. Кто-то насчитал, что знамен и транспарантов было 4870.

Какое настроение, какая мощь! Камо плакал.

И в этот раз среди других ехали верхами с пиками два донских казачьих полка со знаменем — «Долой Каледина, Дон — трудовому казачеству. Да здравствуют Народные Комиссары!»

Жалко только, что комиссаров было лишь два — Шлихтер да я.

Вечером я с большим успехом говорил на громадном митинге рабочей молодежи, а потом в Зале Армии и Флота читал большую лекцию: «Роль интеллигенции в обществе».

Народу собралось видимо-невидимо, и первый раз в Петрограде почти сплошь интеллигенция. И заметь, ведь вчера не ходили по нашему распоряжению трамваи!..

Сегодня пришли сказать мне, что Ал. Блок, Мейерхольд, Петров-Водкин и Рюрик Ивнев устраивают митинг на тему: «Народные комиссары — представители подлинных масс. Интеллигенция, возвращайся на службу народу!» Все это очень недурно».

В апреле 1919 года по заданию В. И. Ленина Луначарский выезжал в Кострому. Вот как он описывает эту поездку в письме Анне Александровне Луначарской:

«После последнего нашего свидания я сейчас же отправился в Костромскую губернию, где провел целый месяц. Большую часть этого времени я провел в Костроме, но совершил несколько интересных поездок: во-первых, на Север, по реке Костромке, в два небольших уездных городка — Буй и Галич. Повсюду я встречал много симпатичных людей, преданных нашей идее и со рвением работающих во всех областях. В Костромской губернии вообще чрезвычайно поражает заботливое и умелое отношение к детям и большое распространение детских клубов не только в самом городе, но и в таких маленьких уездных городках, как только что названные.

Много раз пришлось выступать перед большими крестьянскими собраниями, настроение было угрюмое и задумчивое, но чрезвычайно внимательное. Подавалось множество прошений, однако больших злоупотреблений эти прошения не открывали, больше недоразумений или мелких столкновений, а еще более разного рода кулацких и полукулацких нареканий.

Другую поездку я совершил вниз по Волге, в громадное кустарное село Красное и маленький городок Плес.

Этот городок необычайно очарователен. Здесь Левитан писал свою картину «Над вечным покоем», здесь же работало и много других пейзажистов. От городка веет необыкновенным миром. Культурные люди этого городка мечтают о превращении его в детский курорт. В более спокойное время мы непременно должны подумать об этом. Сюда на целое лето можно посылать около тысячи человек детей в самые благоприятные условия и среди совершенно исключительных красот природы...

Третья поездка была в самую гущу костромского картофельного кулачества — в село Саметь, похожее на город, в котором насчитывается немало мужиков, скрывающих по полмиллиона керенок...

Руководителями Костромской губернии оказались почти все сплошь старые товарищи, с которыми было страшно приятно работать... Люди большой совести, недюжинного ума и порядочного политического опыта...

Был я также на нескольких заводах вокруг Костромской губернии. Огорчился тем, что льняные фабрики стоят по отсутствию топлива в губернии, которая заросла лесом, и отсюда началась моя упорная борьба с разными центральными органами, в этом виноватыми.

С другой стороны, здесь уже на заводе Пло, как позднее на других заводах, отметил я и замечательную хозяйственность рабочих.

В Костромскую губернию я ехал через Ярославль... Проезжая назад из Костромы в Москву... я окончательно убедился, что Ярославская губерния по крестьянскому составу своему еще более трудная, чем Костромская,— в большинстве кулацкая и вместе с тем голодная — администрируется, особенно в уездах, а равным образом в губернии молодыми, неопытными коммунистами. Приехавши в Москву, я дал подробный отчет о состоянии Ярославской губернии. Заслушав этот отчет, Центральный Комитет партии вынес единогласное постановление о необходимости для меня ехать в Ярославль и самым серьезным образом заняться выправлением тамошнего состояния.

Это было для меня тяжелым ударом, так как откладывало на неопределенное будущее мое свидание с тобой, однако, ты знаешь, как я страшно стесняюсь выставлять свои личные соображения в противовес общественным. Я сам сознавал, что в Ярославской губернии положение опасное, что некоторых товарищей там сменить необходимо, притом сменить так, чтоб из этого не вышло путаницы. Ведь такой путаницей и междоусобием воспользовались когда-то белогвардейцы...

Мне кажется, что первое, чего я достиг в Ярославле,— это именно успех для коммунизма, так сказать, абстрактный, теоретический. Я выступал здесь с многими лекциями и рефератами наполовину для рабочих, наполовину для интеллигенции...

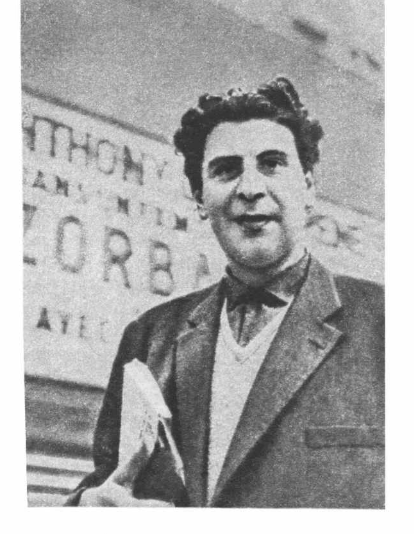
Вторым делом было помочь товарищам наметить новую политику в духе решений VIII съезда и несколько сгладить острые углы их крайне ожесточенной политики.

Третьим — выполнить здесь, как выполнял я в Костроме, главную задачу наблюдения над мобилизацией и борьбы с дезертирами...

Между тем созрели новые события, которые огорчительнейшим образом отдалили мою поездку на Украину.

Прежде всего успехи Деникина и походы его к Саратову заставили ЦК принять решение по командированию меня в г. Саратов...»

Публикация **В. ЗЕЛЬДОВИЧА.**

Звучит песня

Его называют «греческим богом». Высокого роста, прекрасно сложенный, он чарует всех своей улыбкой, простотой обхождения, тем человеческим теплом, которое покоряет людей. Его имя — Микис Теодоракис, он греческий композитор, автор национального гимна Республики Кипр. И это он заставил прошлым летом всю молодежь Запада танцевать танец лесорубов. За три месяца во Франции было продано свыше 600 тысяч пластинок с музыкой Теодоракиса. Рекордные цифры были в США и в Англии.

Микис Теодоракис — автор ряда симфонических произведений, ораторий, камерной музыки. Он написал два балета, которые были поставлены в парижском театре Сары Бернар и в английском театре Ковент-Гарден. Его симфонические произведения исполняли лучшие оркестры мира. Написанная им музыка к фильмам "Любовники из Теруэля», «Федра» и другим широко известна.

Песни Теодоракиса, в основу которых положены народные мотивы и сюжеты, поет вся Греция. Большую известность получили произведения, созданные на стихи Яниса Рицоса, лауреата Нобелевской премии Зефериса и лауреата международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» Варналиса. В этих песнях с большой силой выражены радость, печаль и гнев греческого народа, его заветные мечты и тревоги.

Если бы Микис Теодоракис был только композитором, он и тогда был бы человеком высокой судьбы, достойным всякого уважения. Но он еще и видный политический деятель Греции, депутат парламента, избранный по списку прогрессивной партии ЭДА (Единая левая демократическая партия), в которой объединились левые силы.

Политическая деятельность Микиса Теодоракиса не ограничивается исполнением депутатских обязанностей. Он один из основателей демократической молодежной организации Греции имени Ламбракиса, названной так в честь депутата парламента от партии ЭДА, убитого реакционерами.

Теодоракис боролся с гитлеровскими оккупантами, участвовал в гражданской войне, был арестован и несколько лет провел на страшном острове Макронисос.

— Вот уже пятнадцать лет, как я вырвался из заключения,— рассказывает Микис.— Но всякий раз, когда я рассказываю об этом времени, меня преследуют кошмары. На другой день я становлюсь больным. Все, кто прошел через остров Макронисос, испытывают то же...

В его памяти не меркнут героические годы Сопротивления. Микис Теодоракис хорошо знает боль греческих матерей, оплакивавших своих погибших сыновей-героев. Он написал великолепную «Эпитафию»— плач матери над телом убитого сына. Эту песню теперь поет вся Греция.

— В 1948 году,— рассказывает композитор,— я жил в Афинах на нелегальном положении. Тогда смертная казнь грозила каждому, кто укрывал участников Сопротивления. Чтобы не обращать на себя внимания, нужно было ходить по улицам Афин чисто выбритым и хорошо одетым. Это было для меня нелегкой проблемой! Я каждую ночь ходил в консерваторию. Играл там на рояле. И брился. Я и мои товарищи, находившиеся на нелегальном положении, часто проводили ночи на стройках. Каждую среду я встречался со своей матерью. Она приходила в кинозал, отыскивала меня в темноте, садилась рядом и украдкой плакала. Затем я брал у нее пакет и уходил в уборную. В пакете было чистое белье. Возвратившись в зал, я клал пакет на колени матери, горячо обнимал ее и уходил в темноту ночи... Моя мать жива. Но она не знает, что у нее есть сын. От горя, когда я был на каторге, она потеряла рассудок...

Сегодня Теодоракис — национальная гордость. Народ его любит, буржуазия признает и побаивается. Даже дворец вынужден с ним считаться. На каждой третьей из распространяющихся в стране музыкальных пластинок стоит его имя, а ежегодно выпускается около 400 тысяч пластинок!

В Греции нет телевидения. Есть две радиосети. Одну из них контролирует государство, другую — армия. Армия категорически запретила по своей радиосети передавать произведения Теодоракиса. Но недавно произошел такой случай.

Ответственный за программу по армейской радиосети услышал, что передают песню Теодоракиса «Квартал ангелов». Он бросился в студию, откуда шла передача. «Прекратите, немедленно прекратите!»— заорал он. Но было уже поздно. Стали искать выход из создавшегося положения. После окончания песни диктор объявил: «Музыка, которую вы только что прослушали, принадлежит одному из двух наиболее известных современных композиторов Греции, но не Хаджилакису!» (Хаджилакис — автор известной песни «Дети Пирея»).

Продолжая рассказ о годах заключения, Теодоракис вспоминает:

— Нас выгнали из лагеря, всех триста человек. Затем заставили сесть на землю. Офицер, руководивший этой операцией, произнес речь, смысл которой сводился к тому, что мы должны отказаться от наших убеждений и дать подписку об отречении. «Если вы не покоритесь,— кричал офицер,— армия вас всех уничтожит!»

Никто из трехсот заключенных не шевельнулся. Тогда солдаты бросились на нас и пинками заставили подняться с земли. Затем нас заставили бежать. Мы бежали по острову долго, многие километры. Заключенные падали от усталости, теряли свои скудные пожитки, которые было приказано захватить с собой. Внезапно перед нами выросли шеренги солдат с палками. Они бросились на нас и погнали на берег моря. Там один совершенно пьяный офицер снова произнес речь, смысл которой заключался в том, что, если мы не откажемся от наших убеждений, мы будем убиты!

Только тринадцать человек,— подчеркивает Теодоракис,— оказались малодушными и согласились подписаться под отречением от своих взглядов. Рядом с бумагой, на которой они ставили свою подпись, в качестве награды стоял стакан воды. Эти тринадцать были провозглашены «хорошими греками»...

На остальных набросились солдаты и начали избивать их хлыстами. Спасаясь от ударов, многие заключенные бросались в море, погружались в холодную воду по горло. Но всякий раз, как они выходили на берег, солдаты вновь начинали их бить.

Так продолжалось довольно долго, и я потерял сознание...

Вечером к нам приехал палач. Он вывихнул мне обе ноги, и я опять потерял сознание. Потом я видел, как находившийся рядом со мной товарищ вскрыл себе вены. Но я не мог крикнуть, не было сил...

Палач, изуродовавший меня, еще раз приезжал в лазарет. Он дал одному из моих товарищей ручку и приказал подписать заявление об отречении. Заключенный бросил ручку на пол. Тогда специалист-палач раздробил ему камнем один палец, затем другой, третий, но товарищ выстоял!

Надо иметь очень сильную волю и сильный дух, твердую убежденность в правоте того дела, за которое борешься, чтобы вынести подобные испытания. Теодоракис и сотни его товарищей выдержали все. Потому песни композитора-борца так волнуют людей.

П. ЕФИМОВ

Валерий ТУР

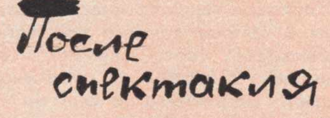
Тракторист

Этот час — торжество из торжеств!
Дух земной, точно колокол, грянет...
И значителен каждый твой жест,
Как врученье верительных грамот.

Ты босой ощущаешь пятой
Вдруг начавшийся бунт чернозема,
Что насквозь прожигает бетон
Близшумящего аэродрома.

Медлить долее невмоготу!
— Эй, друзья, начинаем, пожалуй!
А не то превратится в звезду
Вся земля от сокрытого жара.

Непрерывна твоя борозда,
Как и жизнь непрерывна на свете...
Оттого и стоишь ты всегда
Ближе всех от разгадки бессмертья.

А. Папатанассиу — исполнительнице роли Электры в спектакле Пирейского театра греческой трагедии.

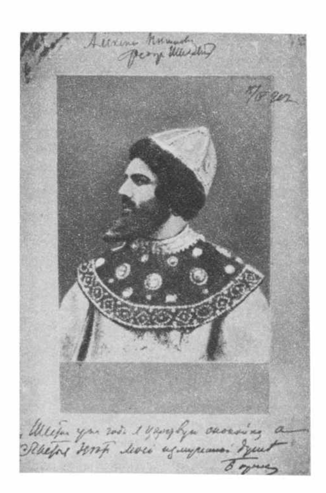
В музыке электронной, как во сне,
Под взором электрического века
Безумная, по имени Электра,
Сгорает в электрическом огне.

Незнанию спасибо моему:
Мне смысл ее стенаний непонятен,
И страшен потому, и необъятен —
Ведь я его по-своему пойму!

Программки с кратким содержаньем врут:
Орест... отмщенье... Что за суесловье!
Здесь призраки войны и белокровья
И нищего модерна неуют.

Да! Зрители теперь не дураки,
Давным-давно не верят в монологи...
Но отчего в Париже иль в Нью-Йорке
Вздыхают, плачут, комкают платки?

Прошли века. Уж все кругом не то;
Смешны стихи. И устарела проза.
Но приглядись: у горя та же поза,
Что у людей в кафе или в метро...

НЕИЗВЕСТНОЕ ПИСЬМО ШАЛЯПИНА

Горький и Шаляпин.

Об их дружбе напоминает и неизвестное письмо Шаляпина, которое мы обнаружили в фонде новых поступлений рукописного отдела Публичной библиотеки в Ленинграде.

Это произошло 6 января 1911 года в Петербурге на сцене Мариинского театра. Во время представления «Бориса Годунова» хор, а вслед за ним Шаляпин встали на колени перед царской ложей. Суть происшедшего была искажена, роль Шаляпина сильно преувеличена. На самом деле манифестацию вызвал не верноподданнический восторг перед Николаем II, а стремление привлечь его внимание к петиции об улучшении материального положения актеров.

Шаляпин тяжело переживал случившееся и собирался поехать на Капри к Горькому, чтобы лично рассказать ему обо всем. 7 июля 1911 года Федор Иванович написал письмо их общему другу, заведующему издательством «Знание» К. П. Пятницкому:

«Дорогой Константин Петрович!

Вы себе не можете представить моего огорчения. Подумайте! Как я стремился на Капри и вдруг... Проклятая болезнь!.. Ведь совсем не могу ходить. Сегодня, правда, немного лучше. Конечно, виноват я сам, потому что отнесся очень легкомысленно к вывиху и растяжению в свое время и лечился очень поверхностно, а тут еще и подагра. Сейчас отправлюсь в Виши по указанию доктора. Вместе с этим письмом я написал Алексею Максимовичу записку. Я очень беспокоюсь: что если в конце июля или в начале нашего августа, когда я кончу мое лечение и устремлюсь на Капри — вдруг в это именно время Алексею понадобится куда-нибудь уехать и вообще ему не случится сидеть дома?.. А? Или вдруг вы там куда-нибудь захотите удрать?.. Ради бога!! Пожалуйста, дорогой Константин Петрович, имейте это в виду!.. Устройте, пожалуйста, так, чтобы и Вы, и Алексей Максимович непременно были дома...

А Вы, я знаю, все время собираетесь поехать в Россию?.. Мне говорил об этом Илья Яковлевич Гинцбург[1], он был у меня в Париже — ради бога подождите! Хотите с Капри поедем вместе? Я знаю, что Алексей Максимович переехал с квартиры — есть ли у него, как раньше, фортепиано? Мне очень охота ему попеть...

В Виши я буду с нетерпением (ждать) записок от Вас и от Алексея — сейчас посылаю письмо в Астрахань к одному купцу, чтобы он прислал бы на Капри на имя Марии Федоровны хорошей паюсной икры и еще воблы...

Спасибо Вам большое, дорогой мой Константин Петрович, за Ваше хорошее ко мне отношение, оно мне тем более дорого, что в последнее время мне пришлось очень горько разочароваться во многих из тех, кого я любил. Когда свидимся, я Вам расскажу все подробно, что со мной произошло в эти последние пять месяцев. Пока же до свидания, обнимаю Вас крепко. Федор Шаляпин».

Горький мудро и мужественно поддержал Шаляпина, считая, что «...надо же распутать всю эту дикую путаницу, надо отделить правду от лжи, клеветы и всяческого злопыхательства, а наконец,— мы все должны по мере сил беречь человека столь исключительно талантливого», «ошибки его в фальшь не ставить и подлостью не считать».

Поддержка Горького была спасением для Шаляпина и восстановила его душевные силы. «Этот чуткий друг,— писал Федор Иванович,— понял и почувствовал, какую муку я в то время переживал».

М. ДОЛИНСКИЙ, С. ЧЕРТОК

[1] И. Я. Гинцбург (1859—1939) — академик, скульптор. Он был на спектакле и этим же летом, приехав на Капри, рассказал об этом Горькому. Вот что пишет с его слов М. Андреева: «...Федор не становился на колени, воздевая руки на авансцене, но когда хор со Збруевой во главе выбежал и шлепнулся на колени с громким пением гимна, Федор, растерявшись, спрятался за кресло Бориса, привстав на одно колено».

ЖИЗНЬ — ТВОРЧЕСТВО

В биографии Пуссена нет исключительных событий. Родился он на севере Франции, в Нормандии, в местечке Андели, в семье небогатых горожан. Заезжий художник Кантен Варен открыл перед юношей заманчивый мир искусства. Восемнадцатилетний Пуссен направился в Париж, где стойко переносил лишения, обучаясь живописи. Благодаря покровительству великодушного друга, художника Куртуа, он получил доступ к королевским художественным собраниям. В дальнейшем его, как и многих других художников XVII века, повлекла к себе обетованная земля искусства — Италия.

Весной 1624 года Пуссен поселился в «вечном городе» Риме навсегда. Лишь ненадолго — в 1640—1642 годах — уже прославленным мастером, возвращался он во Францию по приказу короля.

В Италии Пуссена привлекали прежде всего античные памятники. Он изучал и копировал статуи, саркофаги, рельефы на триумфальных арках и колоннах, руины храмов и форумов, аркады акведуков. Мотивы римской архитектуры прочно вошли в его живопись. Пуссен был большим знатоком античной литературы и мифологии.

В 20-х и 30-х годах молодой художник пишет картины на мифологические сюжеты. Вот, например, «Спящая Венера» из Дрезденской галереи. Красота богини земная, чувственная, порождающая земные страсти; как отзвук на ее призыв в глубине картины—нежная любовная пара. Линии холмов, очертания деревьев ритмически вторят очертаниям тела Венеры. Теплый колорит как бы насыщен темным золотом ее волос.

Тициан, произведения которого Пуссен имел возможность хорошо изучить в Венеции и Риме, привлекал художника как представитель высокого Возрождения, утверждавший в жизни и искусстве право человека на земную радость и счастье. Культура итальянского Возрождения была близка Пуссену не только в области изобразительного искусства, но также в литературе и поэзии. Неоднократно обращался он к поэме Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим», к эпизодам, в которых можно было показать чувства, определяющие судьбу героев. Такова, например, эрмитажная картина «Танкред и Эрминия», которая экспонировалась в 1960 году на международной выставке произведений Пуссена, а в настоящее время находится в Лувре на выставке картин Эрмитажа и Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. Пуссен любил точно следовать литературному тексту, в то же время придавая действиям героев свое пластическое толкование и более глубокое психологическое содержание. Эрминия в сопровождении доблестного Вафрина отыскивает своего жениха, одного из крестоносцев, Танкреда. В пустынной долине неожиданно наталкивается она на следы недавнего жестокого поединка (оружие и поверженное тело могучего воина Арганта), а неподалеку — и на своего умирающего жениха. Мгновенно соскочила с коня Эрминия; с находчивостью и энергией любящей женщины она мечом отсекает прядь своих чудодейственных волос, чтобы обвить ими раны героя и тем спасти ему жизнь. Красивы в своей выразительности жесты и позы героев. Столь же гармоничен и колорит.

В живописи Пуссена большое место занимали и сюжеты, взятые из библии и евангелия. Под его кистью возникали поэтические мадонны с младенцем и святыми, сродни прекрасным образам Рафаэля. Библейские герои, так же, как и античные, являлись выразителями высокой человеческой морали.

К сороковым годам в творчестве Пуссена все больше проявляются классицистические принципы. Убедительное выражение нашли они в картине «Великодушие Сципиона». Сюжет почерпнут у римского историка Тита Ливия. Римский полководец Сципион возвращает пленную девушку — военный трофей — ее жениху. Фигуры, объединенные плавным ритмом спокойных движений, расположены вдоль всей картины на неглубоком пространстве, наподобие античных рельефов, которые хорошо знал и любил Пуссен. Оставался он верен и любимому сочетанию золота с синевой.

Свою миссию художника Пуссен видит в том, чтобы быть философом в искусстве. Таким он и изобразил себя на знаменитом, классически простом и строгом «Автопортрете» (Лувр, 1650) — в виде ученого с книгой. Передовой человек своего времени, Пуссен стремится осознать смысл человеческой жизни не по старым церковным догмам, но силою разума.

В последние десятилетия жизни Пуссен все больше пишет пейзажи, населяя их мифологическими и библейскими героями. Художник не воспроизводит точно определенную местность. Он дает основные, характеризующие пейзаж черты, подчиняя все определенной, точно разработанной композиции. В его пейзажах всегда отчетливо выделен передний план, идущий вдоль всей картины. С боков он замкнут скалами или деревьями для того, чтобы направить взор зрителя в постепенно отступающую глубину пространства. Эту схему мы обнаруживаем, лишь тщательно рассматривая картину, потому что в первую очередь нас покоряет ее величавая красота.

Сюжет «Пейзажа с Геркулесом» заимствован из VIII песни «Энеиды» римского поэта I века до н. э. Вергилия. Художник взял эпизод, когда Геракл бесстрашно выступил против злобного великана Какуса и, к общей радости, сразил его. Подвиг был совершен на Авентинском холме, впоследствии ставшем центром великого Рима. Бой завершен, шум и тревога битвы улеглись, и природа полна мирной красоты, которую мы ощущаем благодаря спокойному чередованию пространственных планов, тихому движению лодки по гладкой поверхности воды, плавным очертаниям холмов и деревьев. Лишь утес с корявым деревом слева напоминает о пронесшейся буре. Колорит еще пронизан сумраком и тенями ночи, но синеющая в глубине гора обещает рассвет.

История жизни Пуссена — это история его творчества. До конца жизни, преодолевая старость и болезни, сохранил он неизменное трудолюбие и любовь к прекрасному. Творческое вдохновение считал он высшим проявлением духовной жизни человека.

Творчество Пуссена вышло далеко за пределы его родины. На международной выставке произведений художника в Париже в 1960 году 47 музеев 14 стран представили картины из своих коллекций.

Произведения Пуссена, принадлежащие СССР, занимали в этой экспозиции почетное место.

А. ЗАМЯТИНА

Никола Пуссен. 1594—1665. ВЕЛИКОДУШИЕ СЦИПИОНА.

Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. Москва.

ПЕЙЗАЖ С ГЕРКУЛЕСОМ И КАКУСОМ.

Никола Пуссен. ТАНКРЕД И ЭРМИНИЯ.

Государственный Эрмитаж. Ленинград.

Никола Пуссен. ЦАРСТВО ФЛОРЫ.

Картинная галерея. Дрезден.

СПЯЩАЯ ВЕНЕРА.

ЖИТИЕ АЛИКА СТУПИНА

Собственно говоря, его уместнее называть по имени-отчеству — Альбертом Николаевичем, так как ему уже исполнилось двадцать семь.

Но все друзья и знакомые обращаются к нему коротко — Алик. Так проще и удобнее. Фамилию свою он никогда не называет, отчасти потому, что считает неблагозвучной. В институтскую пору был такой момент, когда он хотел сменить ее, взять материнскую. Но по зрелом размышлении счел фамилию матери еще менее благозвучной и оставил все как есть.

Отца своего Алик помнит, но довольно смутно. Он ушел в армию на второй день войны и погиб в сорок втором под Сталинградом; мать делала попытки найти могилу, но ничего у нее не получилось. У Алика осталось одно яркое воспоминание: отец, умывшись после работы, берет его под мышки, подбрасывает к потолку, ловит и целует. Щеки у отца колючие, пахнет от него табаком и земляничным мылом...

Мать, когда отец ушел на фронт, стала работать стенографисткой и одновременно машинисткой.

Жили не очень-то сытно. Как-никак их было трое: мать, Алик и Света, младшая его сестренка.

После войны мать поступила работать в какой-то главк. Купила подержанную машинку и стала подрабатывать дома — брала рукописи для перепечатки у писателей. Машинка трещала в их комнате каждый вечер до тех пор, пока они со Светой не укладывались спать. Позднее, когда Алик вырос и научился острить, он придумал такую шуточку: если его отец, судя по анкетным данным, родился между молотом и наковальней, то он сам, Алик, был отстукан на пишущей машинке.

Они стали жить не хуже других, все у них было.

В школе Алик учился хорошо, мать радовалась. Чуть ли не с первого класса увлекся марками, и эта страсть прожила в нем до поступления в институт.

Алик выбрал педагогический. Впрочем, выбрал — не то слово. Так уж сложились обстоятельства.

В школе преподаватели отмечали, как говорится, гуманитарный характер его наклонностей. Дома постоянно присутствовали рукописи писателей, которые он иногда читал. И постепенно Алик выносил в себе убеждение, что его призвание — литературный труд.

Он подал документы на факультет журналистики МГУ. Экзамены сдал прилично, но баллов для зачисления, увы, не хватило.

Один из коллег по несчастью надоумил податься в педагогический. Там приняли. Алик рассматривал пребывание в педагогическом как прозябание, не оставлял надежды впоследствии поступить в университет. Может быть, поэтому он относился свысока к своим сокурсникам, которые пришли в педагогический по той простой причине, что именно здесь и хотели учиться.

Дальше житие Алика Ступина, если изложить его схематично, сильно отдает трафаретом. Но тут ничего не поделаешь, ибо он шел к преступлению тем трафаретным путем, который хорошо знаком читателям газет и документальных повестей по жизнеописаниям валютчиков, фарцовщиков и разных явных и скрытых тунеядцев.

Первую свою рюмку он выпил, еще будучи на первом курсе, в компании, с которой Алика свел знакомый студент. Они собрались в квартире его приятеля, когда родители этого приятеля уехали на курорт.

Устраивали складчину, по пятьдесят рублей с носа, старыми деньгами, конечно. Если с девушкой, то по семьдесят пять. У Алика таких денег сроду не бывало: откуда им быть? А те ребята о пятидесяти рублях говорили, как о семечках.

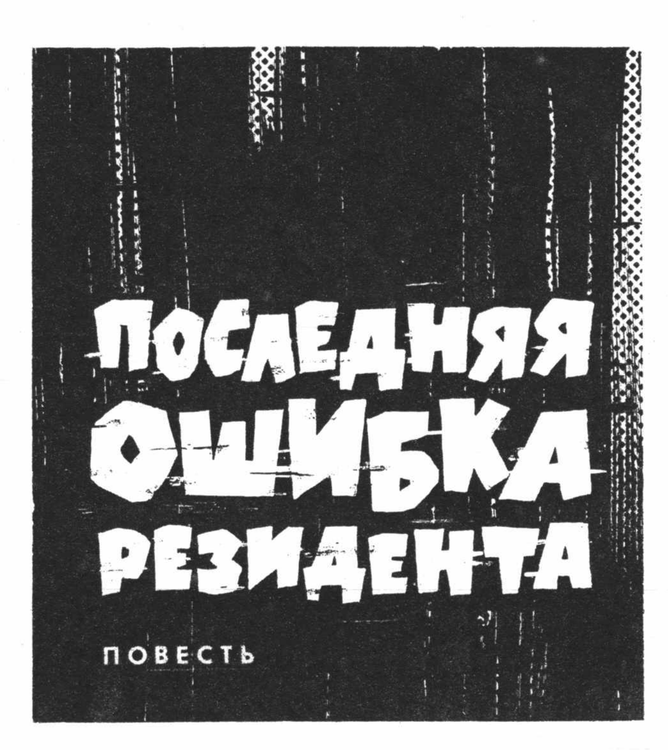
Но Алик скорее готов был бросить институт, чем отказаться от компании из-за отсутствия денег. Он вспомнил о своей коллекции марок, пошел и продал ее одному типу на Кузнецком. Тип явно его обжулил, но все же дал много — три тысячи.

Эти деньги и сам факт продажи марок Алик скрыл от матери. После той памятной вечеринки у него появились новые друзья.

Однако эта компания скоро ему надоела. Он вдруг обнаружил, что перерос их всех, что они, в сущности, примитивны. Больше говорят, чем делают. А он уже по-настоящему ухаживал за самостоятельной женщиной.

Три тысячи скоро кончились, и тогда его знакомая сказала, что есть люди, которые умеют делать деньги из ничего. Одного такого она знала лично. И Алик пожелал познакомиться с ним.

Сначала спекулировал почтовыми марками, и это давалось ему легко, потому что помогали старые познания в филателии. Затем круг деятельности расширился, операции с комиссионными магазинами требовали частых выездов в Ленинград и Ригу, и, не закончив четвертого курса, Алик оставил институт.

Олег ШМЕЛЕВ,

Владимир ВОСТОКОВ

Рисунки О. КОРОВИНА.

Продолжение.

См. «Огонек» №№ 38—46.

Для домоуправления, если бы оно поинтересовалось, у него имелась липовая справка, что он работает нештатным переводчиком в издательстве. Матери он сказал, что на год прервет учебу, потому что его пригласили как знающего английский поработать переводчиком в «Интуристе».

В тот год, когда судили небезызвестных Рокотова и Файбишенко, Алик Ступин сделал крупные шаги на пути превращения в настоящего подпольного дельца. Процесс Рокотова напугал его и заставил убавить активность, но ненадолго. Он стал очень осторожным. И в характере его появилась еще одна черта — скупость, страсть к стяжательству. Не всепоглощающая, но достаточно сильная, чтобы подавить другие его качества.

К этому времени сестра Света вышла замуж за военного моряка, уехала во Владивосток, а вскоре к ней перебралась мать, в надежде нянчить внука. Алик сделался совсем свободным человеком.

Операции становились все внушительнее, дело дошло до бриллиантов. И вот тогда-то с ним и случилось несчастье.

Алик перепродал одному своему постоянному клиенту, Николаю Николаевичу Казину, которого он за глаза звал Кокой, ворованный бриллиант, заработал на этом чистыми четыре тысячи в новых деньгах. А через неделю Кока явился к нему домой, выложил камень и сказал, что он фальшивый. Пришлось идти к знакомому специалисту, и тот подтвердил: да, камень не настоящий, искусная подделка.

Возмущенный Кока потребовал деньги, но у Алика наличности не оказалось, договорились встретиться завтра. На следующий день он шел на свидание, как на свои собственные похороны. Не хотелось, обидно было отдавать назад деньги. К тому же он испытывал смутное чувство, что его обвели вокруг пальца, он подозревал, что Кока просто-напросто подменил камень.

Кока ждал его у себя дома на Большой Полянке. Дом у него был, что называется, полная чаша. В гостях у Коки сидел солидный дядя, похожий на старого антиквара, и они пили чай с вареньем.

Алик в буквальном смысле слова не узнал вчерашнего разъяренного Коку, — тот встретил его как лучшего друга. Не успел Алик заикнуться, что принес деньги, а хозяин уже и ему налил чаю и усадил к столу. И сказал, что если у Алика сейчас трудно с наличными, можно и подождать. Отдаст, когда будет легче. А пока может написать расписку, что взял заимообразно у подателя сего...

Добровольно расставаться с деньгами Алику было очень трудно. Он написал расписку, условившись с хозяином, что будет к его услугам по первому требованию.

Это случилось полгода тому назад. С тех пор Алик не однажды встречался с Кокой, и всегда между ними происходил разговор на тему о четырех тысячах, и каждый раз Кока проявлял поразительную любезность и соглашался подождать. В глубине души Алик считал, что он или редкостный добряк, или...

Оказалось именно второе «или». Добряк в один прекрасный день заявил, что настало время расплачиваться. И не обязательно деньгами. В погашение половины долга Алик может оказать небольшую услугу, связанную с недолгой командировкой в дальний город.

У Алика с финансами было туго: он только что вложил крупную сумму в одно дело, которое еще не закончилось. Предложение Коки выглядело неопасным. И Алик согласился.

Кока объяснил, что нужно в ближайшие дни съездить в район города Новотрубинска, на станцию Н., и привезти оттуда пакетик земли и флакон воды из речки. Чтобы не привлекать внимания местных жителей, надо одеться подходяще. Алик получил план окрестностей станции.

«БЕРИТЕ НА ЗАВТРА»

Он был одет по-охотничьи. Крепкие яловые сапоги с подвернутыми высокими голенищами, брюки из плотной прорезиненной ткани, с карманами на коленях, непро-

мокаемая куртка бутылочного цвета. За одним плечом — ружье в брезентовом чехле, за другим — полупустой рюкзак.

Поднявшись по трапу «ТУ-104» и оставив рюкзак и ружье в багажном отсеке при входе, Алик отыскал свое место — оно оказалось у иллюминатора — и утонул в кресле.

День стоял прохладный, на улице в куртке было в самый раз, а в самолете, когда он взлетел, стало жарковато, но Алик не замечал этого. Стюардесса разносила кислые конфеты, потом яблоки и печенье, потом лимонад — Алик ничего не взял. Он украдкой оглядел соседей в своем ряду — сзади и спереди из-за высоких кресельных спинок никого не видно — и больше не двигался...

Смешно было бы думать, что у Алика не хватило сообразительности понять, что за птица оказался этот велеречивый Кока и какого рода деятельностью он занимается. С того вечера, как они договорились, у Алика сразу появилось чувство, что за ним уже кто-то следит. Ночью у него созрело решение пойти в КГБ и выложить все начистоту. С этой мыслью он и уснул тогда.

А наутро вчерашнего страха уже не испытывал. И желания идти в КГБ тоже.

Алик прикинул трезво, что будет, если он явится с повинной, и что, если не явится.

В первом случае — прощай, привычная жизнь, берись за общественно полезный труд, денежки, что сколотил благодаря смекалке и тонкому расчету, выкладывай на бочку. Нельзя же рассчитывать, что там удовлетворятся одним лишь фактом — поручением Коки. Его обязательно спросят: а как дошел ты до жизни такой? И придется разматывать все от печки. Предположим, могут простят Коку. А все остальное куда девать? Идти каяться еще и в милицию, в прокуратуру, в органы правосудия? А после честно стать на путь исправления?

Такой выход казался чересчур сложным. А другой?

Алик привык называть вещи своими именами. На деловом языке просьба Коки называлась заданием иностранной разведки. Алику была известна статья, карающая за исполнение подобных просьб. Но велик ли риск?

Кока — его старая деловая связь. Правда, их бизнес карается законом, но если бы кое-кто считал эту связь предосудительной, им давно бы дали понять. Вернее, их постарались бы разлучить, обособив в казенном доме.

Ехать на станцию, названную Кокой,— это хлопотно, и там могут произойти непредвиденные осложнения. Но зачем обязательно ехать? Горсть земли можно взять во дворе, а воды налить из-под крана. И потом к черту Коку, больше с ним никаких дел.

Решив так, Алик немного успокоился. Но в тот же день они случайно встретились на Петровке. Взяв Алика под руку, Кока предложил пройтись. Они медленно двинулись к Большому театру. Кока противно шаркал ногами.

— Ну, как дела?— спросил он.

— Что вы имеете в виду?

Кока помолчал, а потом сказал очень ласково:

— Мне хочется предостеречь вас, Алик...

Алик удивился: что за странный человек — сначала сам втравил, а теперь предостерегает.

А Кока, пожевав губами, продолжал:

— Вы человек молодой, но, знаю, практичный... Товар, которого от вас ждут, всюду одинаковый, не так ли? И не было бы ничего удивительного, если бы вы подумали: зачем куда-то ехать? Еще не подумали так?

Алик прикусил губу. Нет, ему еще рано считать себя мудрее Коки. Кого он хотел обмануть?!

Кока не ждал ответа.

— Я вас убедительно прошу, чтобы вы этого не делали. Это принесет только лишние хлопоты. И неприятности.

Кока раскланялся с какой-то женщиной, шедшей им навстречу.

— И не надо тянуть. Чем скорее, тем лучше.

Они дошли до Большого театра. Кока остановился. Алик так ни слова еще и не проронил.

— Вы сейчас не в кассу Аэрофлота?— спросил Кока.

— Пожалуй, пойду в кассу,— сказал Алик.

— Берите на завтра,— посоветовал Кока тоном, каким советуют приятелю посмотреть понравившийся фильм.— Это будет в самый раз.

Алик действительно отправился в кассу. С той минуты его не оставляло ощущение, что за ним следят, но не те, кто охраняет безопасность государства.

— ...Просим вас застегнуть ремни!— услышал Алик голос стюардессы. Ему казалось, они только что взлетели, а уже посадка.

Чуть-чуть заkололо уши. Самолет выровнялся. Свист турбин изменился, перешел в другой регистр. Легкий толчок. Пол под ногами завибрировал. Тише, тише, и, развернувшись, самолет стал.

«НАМ ЗЕМЛИ НЕ ЖАЛКО»

Приехав на железнодорожный вокзал, Алик узнал в справочном бюро, когда отправляется поезд до нужной ему станции, когда он туда приходит и каким поездом можно вернуться в город. Все оказалось очень удобно: приедет он на станцию в 9.00, а обратный поезд в 14.37. Лучше не придумаешь. У Алика даже поднялось настроение. Из Москвы все казалось так далеко и сложно, а, по сути дела, можно обернуться за два неполных дня. Он встряхнулся.

...Почтовый поезд, составленный из видавших виды скрипучих вагонов, не старался казаться экспрессом. Все станции были ему одинаково милы, он не проезжал заносчиво, как курьерский, ни одну, везде стоял охотно и долго. Алику не приходилось прежде ездить в таких поездах, да еще по глубинной, так сказать, Руси. Поэтому интересно было наблюдать незнакомую жизнь на тихом ходу. Правда, ему, видавшему Кавказ, здешние холмы представлялись несколько провинциальными. Рассеявшись, он и не заметил, как уснул...

Почтовый прибыл на станцию с опозданием — в 9.10, но, по местным понятиям, плюс-минус десять минут решающего значения не имели. Единственным человеком, который относился к опозданию небезразлично, был Андрей Седых, дизелист поселковой электростанции. Он заказал проводнику этого поезда, своему земляку, привезти из города двадцать пачек «Беломора», так как привык к этим папиросам, а в поселковом магазине они в последнее время бывали с перебоями. Час назад он кончил дежурство и выкурил последнюю беломорину, а для заядлого курильщика, каким был Андрей Седых, час без затяжки — пытка. Поэтому Седых, стоя на платформе, от души ругал про себя машиниста, расписание, автоблокировку, железнодорожное начальство и железнодорожный транспорт в целом. Сам он был человеком аккуратным и точным, в нем не успели выветриться привычки и взгляды, выработанные во время службы на подводном флоте, поэтому Седых имел моральное право критиковать, невзирая на лица. Однако если есть рельсы, а по ним движется поезд, уж он обязательно когда-нибудь придет...

Дав поезду остановиться, Седых подошел к третьему вагону, а из вагона ему навстречу выпрыгнул проводник. Седых взял у него авоську с «Беломором», вынул одну пачку, распечатал, закурил и сразу повеселел. Разговаривать им было некогда: поезд стоял две минуты, да и к тому же проводник был некурящий.

Когда состав тронулся дальше, Седых обратил внимание на пассажира, сошедшего с этого поезда. Точнее, сначала он увидел ружье в брезентовом чехле, а потом уже того, кто при ружье был. У него самопроизвольно возникло желание подойти к владельцу ружья, ибо все и вся, что имело хотя бы отдаленное отношение к охоте, вызывало у Седых непреодолимую симпатию. Страсть к охоте была у него в крови, а такой человек инстинктивно ищет себе подобных и скорее влепит по ошибке заряд в собственную подсадную утку, чем упустит возможность поговорить с товарищем.

Но что-то погасило в нем стихийный порыв. Что? Седых оглядел незнакомца с ног до головы. Сапоги, штаны, куртка — все было на нем прямо из магазина, только что лаком не крыто. Седых подумал, что, наверно, где-нибудь на штанах или на куртке еще и фабричный ярлычок не срезан. Не обмята одежонка, и нет в ней ладности. И образцово-показательный рюкзак за плечом топорщится, будто в нем не увесистый охотничий припас, а пяток ежей. А в чехле, небось, «Зауэр» три кольца в заводской смазке. Встречал Седых таких гусей. А на черта им «Зауэр», никто не знает. У самого Седых была «тулка» двенадцатого калибра... И без шапки человек, а какой же охотник может быть без шапки?!

Одним словом, нюхом чуял Седых, что перед ним если и охотник, то из самых новичков, которые пугают зазря дичь и зверье, а если что и подстрелят, боятся испачкаться кровью.

Испытав разочарование, Седых тут же подумал: этот долговязый тип вообще никакой не охотник. Человек, если он охотник, должен знать сроки. А сейчас всякая охота закрыта. Вот что главное... А так как Седых считается в поселке активистом Госохотинспекции и однажды разоружил двух залетных браконьеров, промышлявших по перу и пуху, то он счел нелишним приглядеться к незнакомому человеку, так сказать, и с этой точки зрения. Делать ему все равно было нечего, жена с сынишкой гостила у тещи в Иркутске, а дома сидеть одному до смерти скучно... Хотя, честно сказать, на браконьера-то обладатель таких капитальных сапог и такого рюкзака был похож меньше всего. Не те ухватки. Но все же не мешает проверить...

Охотник пошел к кассам. Сказал что-то в окошечко. Потом поинтересовался буфетом, но садиться к столу не стал. Вынул из кармана какую-то бумажку, поглядел в нее, вышел, пересек пути и неторопливо зашагал к лесу, в сторону оврага.

Седых не пошел за ним следом. Он знал, что овраг заставит незнакомца повернуть влево, и отправился наперерез.

Седых не боялся потерять незнакомца: он все время слышал шум шагов, потому что охотник ходить по лесу совсем не умел.

Впереди был высокий холм, поросший ежевикой, и на нем Седых увидел охотника. Тот забирал левее. За холмом по открытому месту течет ручей под названием Говорун, узкий, можно перепрыгнуть.

Седых двинулся в обход холма, рассчитывая зайти сбоку и дальше двигаться с охотником на параллельных курсах. Но, обогнув холм, остановился в удивлении.

Было бы понятно, если б он увидел, что охотничек достал из чехла и сложил ружье. Но долговязый, присев у ручья, развязал рюкзак и вынул из него маленькую карманную фляжку. Седых не мог не усмехнуться: если человек хотел запастись водой, то разве ж это запас? Фляжка на два хороших глотка, а сухари размочить уже не хватит.

Охотник опустил фляжку в ручей, наполнил ее, завинтил крышку и спрятал в рюкзак. Затем достал мыльницу, носком своего новенького подкованного сапога разрыхлил грунт, поддел половинкой мыльницы землю, накрыл другой половинкой, завязал рюкзак. Постоял, сполоснул в ручье руки. Закинул рюкзак и чехол с ружьем на одно плечо. И пошел обратно, к станции.

Ну, вода — это понять можно, думал Седых, быстро и бесшумно двигаясь по своим следам. Но зачем земля? Червей, что ли, хотел накопать? Так он их не искал. Черпанул разок, и все...

Седых пошел на станцию, куда держал путь охотничек,— поглядеть, что будет дальше.

А дальше не было ничего. Долговязый прямым ходом проследовал в буфет. Взял большую бутылку белого кислого вина и сел у окна. И уходить куда-нибудь еще, по всему видать, не собирался.

Седых поглядел-поглядел на него через стекло и окончательно понял, что этот тип ему не нравится. Нормальные люди так себя не ведут.

На платформе появился в это время Дородных, лейтенант милиции, поселковый уполномоченный, тоже, как и Седых, из охотников. Поглядев по-хозяйски направо-налево, лейтенант увидел Седых, сказал:

— Здорово, Андрей.— И, кивнув на авоську с папиросами, поинтересовался: — Дальний встречал? Не обратил внимания, кто-нибудь из незнакомых с поезда сходил?

Лейтенант задал этот вопрос не случайно. Чтобы объяснить почему, надо сделать небольшое отступление.

Дело в том, что еще третьего июля на станцию приезжал работник Комитета госбезопасности, который просил лейтенанта Дородных повнимательней присматриваться к незнакомым приезжим, и если чье-нибудь поведение покажется подозрительным — скажем, человек почему-то пожелает копаться в земле,— немедленно сообщить о таком человеке в Новотрубинск. Лейтенанту Дородных, конечно, ничего не было известно ни о полковнике Маркове, по чьему указанию приехал на станцию сотрудник КГБ, ни о Павле, безопасность которого оберегал тем самым дальновидный Марков, но лейтенант понимал, что речь идет о серьезных вещах.

С тех пор он не оставлял без своего бдительного внимания ни одного заезжего,— правда, их было очень мало. Сегодня он немного опоздал к поезду, потому что у него как раз происходил долгий телефонный разговор с непосредственным начальством, но это не так уж и важно: на станции всегда есть кто-нибудь из местных жителей, так что новичок обязательно попадет кому-нибудь на глаза...

— Слушай, тут такое дело...— Седых подошел ближе, покосился на окна буфета и попросил: — Идем-ка в дежурку. Что скажу...

Немного погодя лейтенант, оставив Седых в дежурке, заглянул на минутку в билетную кассу, а затем отправился в буфет. Он вошел, остановился в дверях, поприветствовал буфетчицу, со вкусом оглядел знакомых посетителей, которых было человек шесть-семь, сказал: «Ну, что, идет торговля?» — и, посчитав предисловие достаточным, прямо подошел к столику, за которым сидел охотник.

— Здравствуйте, товарищ! — вежливо сказал Дородных.

— Здравствуйте.

— В гости к нам? Надолго ли?

— А что?

— Да так. А то я думал — транзитом...

— Вы угадали. Транзитом.— Он не был расположен к дружеской беседе.

— Документики есть? — спросил Дородных менее любезно.

Оскорбленный охотник полез в карман, достал паспорт.

— Так, так, все в порядке,— сообщил Дородных, посмотрев и возвращая документ.— Где работаете?

Появилась справка, удостоверявшая, что податель ее является нештатным переводчиком.

— А это что в чехле? Не ружье ли?

— Да.

— Охота еще запрещена. Вам известно?

Ему скорее всего не были известны сроки охоты. Он сказал:

— Я не стрелял.

— Не стреляли? — удивился Дородных.— Разрешите посмотреть...

Охотничек неумело извлек из чехла ружье. Дородных принял его в руки почти с благоговением.

Андрей Седых ошибся ненамного: стволы были еще в заводской смазке, но это оказался не «Зауэр», а ижевская двустволка шестнадцатого калибра.

— Спасибо, благодарю вас.— Он вернул ружье.— Правильно, были без выстрела. Все в порядке.

Дородных заранее сам с собой договорился, что выходить за пределы охотничьей темы не будет, чтобы охотник не догадался об истинных причинах особого интереса, проявленного к его личности. Это было бы тактически неграмотно.

То, что хотел выяснить, он выяснил: фамилия — Ступин, Альберт Николаевич. Москвич, прописка в порядке.

Полагалось бы спросить охотничий билет, но Дородных уже и без того видел, что билета скорей всего нет. Еще испугается, навострит уши. В общем, тактика — великая вещь...

Через полчаса, когда Алик, успокоившись, допивал свое вино, лейтенант Дородных говорил по селектору с городом. На том конце провода был сотрудник КГБ. Вот какой произошел разговор после того, как лейтенант сообщил сведения, почерпнутые из паспорта, и внешние приметы подозрительного гражданина по фамилии Ступин.

Город: — Почему он вам показался подозрительным?

Дородных: — Набрал в мыльницу земли, а из ручья налил воды во флягу.

Город: — Любопытно. Что он собирается делать дальше?

Дородных: — Сидит в буфете, легко выпивает. Интересовался поездом четырнадцать тридцать семь в вашу сторону.

Город: — Вы спрашивали, зачем ему вода и земля?

Дородных: — Воздержался.

Город: — Хорошо, товарищ лейтенант. И не трогайте его больше. В какой вагон у него билет?

Дородных: — Билет еще не брал. Поезд проходящий, продают за полчаса.

Город: — Как сядет, вызовите меня, скажите вагон.

Дородных: — Слушаюсь.

Город: — Найдется у вас кто-нибудь свободный, чтобы прокатиться до города?

Дородных: — Могу сам.

Город: — Нет, вам лучше не надо, вас он запомнил. Кого-нибудь нейтрального.

Дородных: — Есть под рукой товарищ... Он мне и сказал про этого гражданина. Дизелистом у нас на электростанции, зовут Андрей Седых. Если попросить — сделает.

Город: — Устройте его в тот же вагон и проинструктируйте как следует. Надо смотреть, чтобы где-нибудь на промежуточной не сошел. Если что — задержать силой.

Дородных: — Понял. Желаю благополучно встретить.

Город: — Постараемся. Ну, жму лапу, лейтенант. Жду насчет вагона.

За полчаса до прихода поезда Алик купил билет. Вагон номер шесть, купированный. А место даст ему проводник. Вообще же, сказала кассирша, этот вагон всегда полупустой, так что о месте беспокоиться нет причин.

Лейтенант Дородных, быстро найдя начальника поезда, договорился об Андрее Седых, и тот поместился в шестом вагоне, в пустом купе по соседству с тем, которое указал проводник Алику Ступину.

Седых всю дорогу не прилег, не вздохнул. Как сел у открытой двери купе, так уже и не вставал, кроме одного раза. И напрасно. Охотник не имел ни малейшего желания сойти на промежуточной станции, а тем более спрыгнуть на ходу. Только разок и отлучился из купе.

В половине одиннадцатого ночи поезд прибыл в город. На перроне вокзала Седых вышел из вагона следом за Аликом. Он видел, как двое рослых молодых людей подошли к Ступину, что-то коротко ему сказали, а потом все втроем ушли через служебный ход.

Обратный поезд отправлялся в двенадцать тридцать. Андрея Седых устроили опять в купированный вагон. Только теперь он почувствовал себя уставшим, и не потому, что порядком намотался, а главным образом оттого, что ему пришлось долго писать о подозрительных действиях охотника. Седых было легче отработать две смены подряд. Но, слава богу, теперь все это позади. Седых взял у проводника белье за рубль, постелил постель и завалился спать. На душе у него был полный покой. Правда, на смену он явится с опозданием часика на полтора, но Дородных обещал все уладить.

Андрею Седых было вовсе невдомек, какую услугу оказал он сегодня одному незнакомому парню по имени Павел Синицын...

А в областном управлении Комитета государственной безопасности в это время допрашивали Альберта Николаевича Ступина. Он очень нервничал и на все вопросы старался отвечать самым исчерпывающим образом. Когда его попросили вкратце рассказать о последних годах жизни, он рассказал не вкратце, а подробно, со множеством деталей. И о махинациях своих говорил вполне откровенно. Как будто бы треснул и развалился на составные части потайной ящичек.

Но на вопрос, зачем ему понадобилась земля и вода, и не откуда-нибудь, а именно с этой станции, Алик ответить не мог. Когда этот вопрос был задан в третий раз, а Алик продолжал молчать, допрашивавший сказал:

— Вы поймите: нам земли не жалко. Мы народ добрый, берите хоть целый самосвал. Но просто по-человечески любопытно знать: зачем молодому москвичу понадобилась земля и вода с этой маленькой станции? А?

Голос его звучал прямо-таки задушевно, но глаза, смотревшие на понурившегося Алика, были холодны и понимающи. Алик предпочитал не смотреть в эти глаза.

И вдруг он словно очнулся. Если его здесь задержали сразу, едва он сошел с поезда, если, еще не осмотрев содержимого рюкзака, они попросили показать мыльницу и флягу,— значит, за ним следили с самого начала. Иначе все это необъяснимо. Какой же смысл запираться? Ведь его чистосердечное признание должны будут учесть... И Алик выложил все. А потом те же двое, что встретили его на вокзале, пригласили сойти вниз. Быстрая езда на машине, аэродром, самолет незнакомых Алику очертаний, и в пять часов утра он был уже в Москве.

ПРОБЫ ОТПРАВЛЯЮТСЯ ПО НАЗНАЧЕНИЮ

Около шести его ввели в небольшой кабинет, где за столом сидел пожилой человек с помятым лицом, явно невыспавшийся.

Алик совсем пал духом, и было отчего. Специальный самолет. Двое сопровождающих. Тут ждут, не спят. И все это из-за него одного. Из-за того, что кому-то понадобились горсть земли и стакан воды. В какую же историю втравил его Кока? Алику только теперь стало по-настоящему страшно.

Допрос скорее был похож на беседу. Невыспавшийся человек не проявлял раздражения, в его голосе не чувствовалось неприязни. Был интерес и терпеливое внимание.

Первые вопросы носили формальный характер, но, когда дело дошло до истории с фальшивым бриллиантом, официальность исчезла, и Алику сразу стало легче. Его собственная персона как бы отодвинулась на второй план, а в фокусе оказался Кока.

Давно ли Алик его знает? Часто ли виделись? Где он живет? Какова у него семья? Когда он ждет Алика? И последний вопрос:

— Встречали вы у него кого-нибудь, знакомил ли он вас с кем-нибудь?

— Нет.

Алик не хотел врать.

— Это очень важно. Вспомните хорошенько. Может быть, вы с кем-нибудь его видели?

Алик никогда ни с кем Коку не видел, но он стал перебирать в уме свои встречи с Кокой и вдруг вспомнил, что в тот несчастный вечер у него сидел гость. Алик был тогда в таком состоянии, что не мудрено и не запомнить постороннего.

— Да, простите,— сказал он.— В тот раз, когда Кока взял с меня расписку, он был дома не один.

— А с кем?

— Такой старый, седой. Лицо красное. В очках.

— Кто он, чем занимается, не знаете?

— Мне показалось, он похож на антиквара. Может, на старого учителя...

— Вы ничего не убавили?

— Можете верить.

Алика попросили побыть в другой комнате, где стоял большой диван. Он провел там несколько часов. Два раза ему приносили поесть, но он выпил лишь компот. А вечером произошла сцена, которая одновременно и ободрила его и потрясла, так как он неожиданно понял, что оказался в самом центре каких-то неведомых ему, но, безусловно, очень серьезных событий.

Когда Алика снова пригласили в кабинет, где его допрашивали, он увидел на столе свой рюкзак и чехол с ружьем. А тот, кто допрашивал, сказал:

— Сейчас вы отправитесь домой. Но прежде садитесь и выслушайте меня.

Алик повиновался. Он был оглушен.

— Я не буду читать вам мораль.— Пожилой человек, стоявший перед ним, секунду подумал, отвернулся к окну и продолжал ровным голосом, очень внятно выговаривая каждое слово, как будто диктовал текст машинистке: — Вы не мальчик. Вы должны отдавать себе ясный отчет в каждом шаге, в каждом поступке. Вся ваша прошлая жизнь, исключая, разумеется, школу,— дрянь. Вы идете по преступному пути и дошли до крайней черты. Вы не переступили ее не по своей воле. Вас вовремя удержали. Это — самое главное, что вы должны отныне знать и помнить. Вас следует привлечь к ответственности. Пока этого не будут делать, но не потому, что вы заслуживаете какого-то особого отношения

О ДЕНЬГАХ И СТАРИННЫХ ДОКУМЕНТАХ

Не правда ли, странные названия для судебных дел: «Про медь, которая вынята у них в хлебе запеченном» или «Про деньги, которые нашли рассыпанные у Златоустинской улицы»? Зачем понадобилось прятать деньги в хлеб? Зачем и кому пришла в голову нелепая мысль рассыпать деньги под забором?

Вчитываюсь в пожелтевшие листы, исписанные затейливым писцовым почерком,— и загадка постепенно разъясняется. Передо мной уникальный документ — опись Московского денежного двора, составленная в середине XVII века.

Наши представления о монетном производстве в России чрезвычайно скудны. В середине XVII века тут работали пять денежных дворов, но их архивы неизвестны исследователям. Однако найденная опись, хранящаяся сейчас в Центральном государственном архиве древних актов, является великолепным источником для изучения всего русского денежного производства того времени. В документе не только подробно описаны процесс чеканки монет и организация труда на денежных дворах, но и множество любопытных деталей повседневной жизни двора, быта денежных мастеров.

Из описи мы узнаем, что Московский денежный двор, открытый в 1654 году и названный москвича-

ми Новым (в отличие от ранее основанного Старого), располагался на Фроловской улице, ныне улица Кирова. Со всех сторон он был обнесен высоким забором — «тыном». Вокруг забора помещались караульные избы. Днем и ночью охраняли двор вооруженные стрельцы и сторожа.

Русские монеты в XVII веке чеканили исключительно из серебра. Лишь в 1654—1663 годах была сделана попытка заменить серебро медью, при сохранении старой техники чеканки. В годы, когда работал Новый денежный двор, о котором рассказывает опись, монеты чеканились из меди. Металл попадал прежде всего в казенные палаты, расположенные неподалеку от ворот. Администрация двора — голова, целовальники, старосты — принимала сырье, записывала в специальные приходные книги. Затем призывались рабочие, которым надлежало начать длинный процесс превращения сырья в монету,— плавильщики.

После целого ряда операций, подробно описанных в описи, заготовки для будущих монет поступали наконец к денежным мастерам — чеканщикам. Это была самая ответственная операция. Чеканщики работали в отдельных избах, их помещение обычно было самым светлым и удобным. На подставках («стулах») закреплялась маленькая наковальня, в углублении помещался нижний чекан — железный стержень, на рабочем конце которого изображался всадник с копьем в руках (отсюда и произошло название «копейка»). Мастер сильно ударял молотом по верхнему чекану, подставив предварительно нижний,— и монета готова.

Чеканы изготовлялись художниками, «резцами», как их тогда называли. Требовалось большое мастерство и художественный талант, чтобы умело и красиво разместить на поверхности диаметром не более 15 миллиметров сложный рисунок и надпись, состоящую из 10 и более слов. Нам остались неизвестными имена большинства художников-граверов древности, резавших денежные чеканы. Но авторов изящных рисунков и надписей на монетах Нового денежного двора мы теперь благодаря описи узнали — это Федор Байков и Артем Аносов.

Тяжело груженные возы с монетой под усиленной охраной отправлялись с денежного двора в Приказ Большой казны — министерство финансов того времени.

На денежном дворе господствовали строгие порядки. Рабочие не знали отпусков. Лишь в крайних случаях им разрешалось отлучаться во время работы. У головы имелась специальная книга, где записывались денежные мастера, «хто для какова дела з двора спущен», в другой книге записывалось, в какие праздничные дни отпускались мастера. Регулярно составлялись списки мастеров, «хто бражничает и государево денежное дело за нет ставит». Главной же задачей администрации была борьба с воровством, с денежными ворами — так называли тогда фальшивомонетчиков. Когда рабочих нанимали, они давали за себя «поручные записи», то есть указывали имена людей, поручившихся за их честность. Затем они принимали присягу, скрепленную крестным целованием,— не воровать металл и готовые деньги, не примешивать в сырье олово, не делать в своих домах фальшивых денег, не красть чеканов. При входе и выходе денежных мастеров тщательно обыскивали, раздевая донага. Все работники были связаны круговой порукой.

Однако, несмотря на столь жестокие порядки, судя по обилию судебных дел, воровство на дворе пышно процветало. Мастера утаивали «крохи» — отходы металла, образовавшиеся в процессе чеканки, и норовили из них начеканить денег для себя. То сыскное дело ведется «о пропалых» деньгах — какой-то староста, получив медь, готовые деньги утаил и не смог отчитаться перед головой. То в одной из казенок нашли медь, не записанную за мастерами — явно принесенную для себя «воровски». Как эту медь проносили, красочно свидетельствует сыскное дело «про медь, которая вынята у них в хлебе запеченном». Пытались выносить со двора готовые деньги. Какой-то незадачливый вор выбросил их за забор, в глухой Златоустинский переулок, но их нашли, и вора судили. Не оставались в стороне голова и целовальники. Они избирались на эту должность из числа торговцев и ремесленников на один год; никто не хотел упустить возможности нажиться «на государевом денежном деле». Поэтому были годы, когда под следствием оказывалась чуть ли не треть всех работников денежного двора. Следствие велось в Приказе Большой казны. Преступников казнили или возвращали для наказания. Один мастер, Захар Ефремов, был бит кнутом на дворе и после этого два месяца не мог ходить на работу. В плавильне возле горнов работал кузнец Михаил Иванов, «скован в железах».

В конце 50—начале 60-х годов мастера стали оставаться без работы. Дело в том, что меди для пяти денежных дворов не хватало. Поэтому пустовал и Новый денежный двор. Затем мастеров и оборудование всех дворов передали на Старый московский, где возобновили чеканку серебряных монет.

...Вот сколько интересного может рассказать лишь один исторический документ.

А. МЕЛЬНИКОВА,
кандидат исторических наук

ГЛАЗА И РУКИ АСТРОНОМОВ

Телескопы, спектрографы — глаза и руки астрономов. Ими ученые «касаются» звезд, при помощи их узнают о далеких галактиках. «Какие проблемы существуют сейчас в астрономическом приборостроении?» — с этим вопросом мы обратились к известному астроному, члену-корреспонденту АН СССР О. А. МЕЛЬНИКОВУ.

Известный советский астроном Г. А. Шайн не раз говорил, что 50 процентов рабочего времени, отпущенного ему в жизни, он потратил на фокусировку инструментов, 40 — на обработку наблюдений, 5 — отняли административные дела и лишь 5 процентов оставались ему на идеи, на занятия наукой, как таковой.

Почти 90 процентов рабочего времени пропадает у всех астрономов. Наболевший вопрос — создание автоматизированных астрономических инструментов. Поднимется вечером астроном в башню, даст телескопу задание (как дает задание счетной машине математик) и отправится работать к себе в кабинет, где в морозные ночи значительно теплее и уютнее, чем в насквозь промерзшей башне, либо уйдет домой пить чай. А телескоп тем временем станет по программе сам вести наблюдения. В значительной степени будет автоматизирована и обработка материала. Наши сотрудники шутят: «Дай задание телескопу и жди, когда с другого конца выскочит журнал «Астрофизика» с фотографиями, с диаграммами, с таблицами».

Наблюдатели очень страдают из-за неспокойствия земной атмосферы. Она находится в постоянном движении, луч света колеблется, отклоняется. Простым глазом мы не видим этих колебаний, как не замечаем мигания зажженной электрической лампочки, происходящего 50 раз в секунду. Самым идеальным выходом было бы уйти за пределы земной атмосферы. Однако это — дело лишь далекого будущего.

Приборостроители стремятся усовершенствовать конструкции инструментов. Сейчас в нашей стране, в США и во Франции ведутся такие работы. Например, если одно из зеркал телескопа (вторичное) деформировать в обратную сторону, то луч от источника света не будет искажен.

Следующая, не менее важная задача, стоящая перед приборостроителями,— преодолеть так называемое свечение неба, мешающее наблюдать слабые звезды. Если бы суметь принять сигналы от свечения звезды и неба, затем только от свечения неба и пустить их навстречу, то в результате вычитания мы сможем получить чистый сигнал от свечения звезды. Словом, действовать по простейшей формуле: а + б — а.

Как известно, астрономы-оптики имеют дело с источниками видимого света. Радиоастрономы — с радиоволнами, идущими из космоса. Но между диапазоном волн, освоенным оптиками, и тем, на котором работают радиоастрономы, остался неосвоенным огромный провал, куда мы не можем заглянуть. Вот почему оптики стремятся расширить возможности своих инструментов, чтобы встретиться с радиоастрономами.

Почему же мы хотим проникнуть все глубже во Вселенную? Вероятно, мы встретим там совсем новые, неизвестные нам системы, миры, может быть, состоящие даже из античастиц. Ученые всего мира пытаются создать нейтринные телескопы, с помощью которых, возможно, удастся решить эту задачу, стоящую где-то на грани фантастики...

или снисхождения. Вы их недостойны. Вам дается возможность коренным образом изменить образ жизни — используйте ее. Дальше все будет зависеть от вас.

Он снова повернулся лицом к Алику.

— Это были советы. То, что я скажу дальше... Но сначала один вопрос. Если вы прекратите всякие отношения с вашим Кокой, это его не удивит?

Спокойствие и серьезность этого человека делали все простым и ясным, снимали нервозность.

— Я собирался с ним порвать. По-моему, он об этом догадывается,— сказал Алик.

— Но вы еще останетесь должны?

— Отдам.— Алик опять опустил голову.

— Расписку не забудьте взять. Не захочет вернуть — погрозите, что пожалуетесь куда надо.

— Пожаловаться...— Алик не знал, как выразиться.— Он не поверит. Так отдаст, думаю.

— Ну, слушайте, Ступин.— Пожилой человек сел напротив, облокотился о стол.— Сегодня же вечером — или завтра, как вам удобней,— вы отнесете Коке мыльницу и флягу. Надо, чтобы он по вашему состоянию не догадался о происшедших с вами неприятностях. Это не значит, что вы должны изображать восторг и умиление. Будьте самим собой. И запомните крепко: не болтать. Ни с кем, ни с одним человеком, кто бы он вам ни был. И порвите с Кокой.

— Понятно.

— А теперь идите. Вас проводят. И вот вам обратный билет из Новотрубинска до Москвы. Кока может у вас потребовать.

Алик, очутившись на улице, отправился не к себе домой. Он поехал на Большую Полянку.

Кока был дома, очень обрадовался. Обратил внимание на усталый вид, посочувствовал, советовал теперь отдохнуть, предлагал посидеть, выпить чаю.

Алик держал себя с ним не более вежливо, чем тогда на Петровке, при последнем свидании. Чай пить отказался, а выложив из рюкзака мыльницу и флягу, сказал решительно и мрачно:

— Не рассчитывайте, что я поеду куда-нибудь еще раз. Завтра принесу деньги.

Кока развел руками.

— Ну что вы, Алик! Куда ехать, зачем ехать?

— Завтра я отдам деньги, а вы вернете мне расписку.

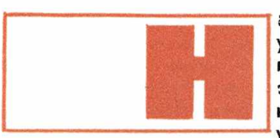
— Ну, хорошо, хорошо,— согласился снисходительный Кока.— Только не надо приходить сюда, милый мой, меня завтра трудно застать. Приходите после пяти на почтамт.

На том и порешили. Алик ушел.

...На следующий день полковнику Маркову стало известно, что так называемого Коку посетил некий иностранец, по приметам похожий на того Кокиного гостя, которого Алик принял за антиквара. При проверке выяснилось, что антиквар — атташе по вопросам культуры одного из посольств, аккредитованных в Москве.

Не составляло труда установить, что пробы воды и земли, доставленные Аликом, были переданы Антиквару,— эта личность теперь фигурировала в деле и величалась с большой буквы,— потому что после его визита мыльница и фляга исчезли из комнаты Коки.

Продолжение следует.

На счесть гневных, устрашающих, увещевающих слов, написанных и сказанных об алкоголизме. А он живуч. Водка продолжает калечить семьи, жизнь детей, умножает количество аварий, преступлений. Злой порок отлично всходит на почве, обильно удобренной нашим благодушным отношением,— нет, конечно, не к самому пороку, как таковому, а к его «жертвам» — пьяненьким!

Чем может помочь тут медицина,— об этом шел разговор на очередном заседании клуба «Здоровье».

МЫ ПУГАЕМ, А ИМ НЕ СТРАШНО...

— Группа кадровых рабочих-сормовичей выступила в «Правде» с призывом рассматривать борьбу с пьянством как задачу политическую, партийную. Правильное предложение, но я хочу напомнить сегодня еще об одном важном аспекте этой борьбы,— говорит один из ведущих терапевтов страны, действительный член Академии медицинских наук СССР профессор **И. А. Кассирский,**— чисто медицинском. Обычно, когда врачей приглашают на всевозможные противоалкогольные «мероприятия», то почти неизменно ожидают от нас одного: чтобы мы напугали пьющих страстями: мол, алкоголь вызывает неизлечимую болезнь печени— цирроз, порождает гастрит, авитаминозы, калечит сердце и т. д. и т. п. Действительно, все это мы с полным основанием говорим. Только вот беда: слушают нас главным образом трезвенники, а пьяницы в это же время преспокойно пьют. А если иной из них и удостоит вниманием врача, то держит себя как завзятый оптимист. «Цирроз печени? — ухмыляется он.— Но ваша же медицинская статистика доказывает, что вовсе не у всех пьющих развивается этот самый цирроз. Гастрит? У меня, слава богу, желудок луженый, выдержит! Авитаминоз? Так я же хорошо закусываю, какой может быть авитаминоз?»

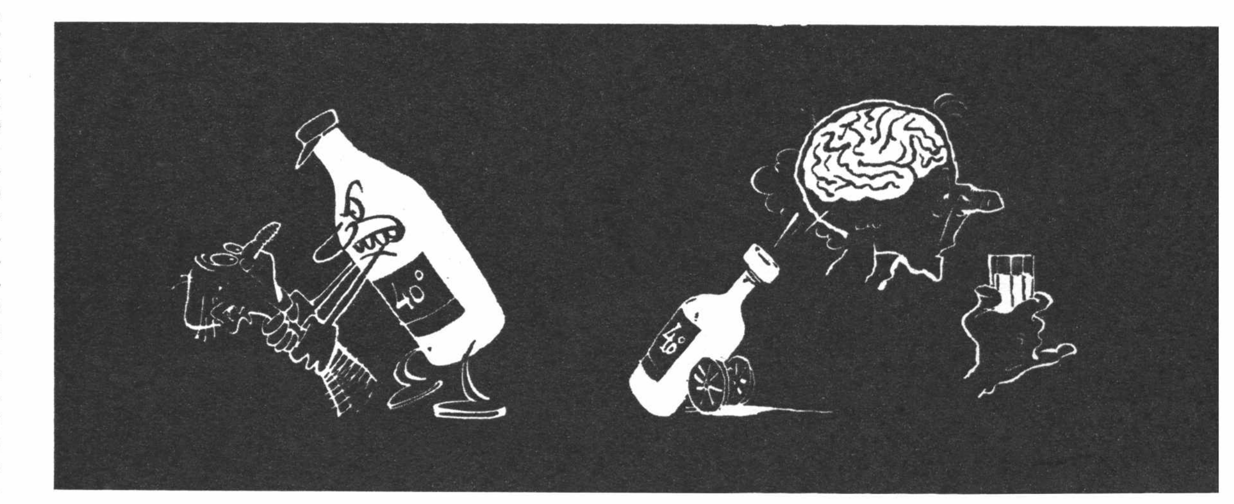
Настало время решительно сменить мотив. Надо прямо и без обиняков говорить пьющим людям: заболевания внутренних органов — совсем не самое страшное, что их ждет. Алкоголь неотвратимо губит главное — личность! В удивительно короткие сроки пьяница, как образно говорят психиатры, снижается, то есть утрачивает все богатство своего интеллекта, извивы ума, глубину, находчивость, остроумие! Вместо содержания остается оболочка — пустая и выхолощенная. Приглядитесь попристальнее к ученым, конструкторам, руководителям предприятий, злоупотребляющим спиртным,— они все меньше способны к смелым обобщениям, новаторству, творческим взлетам, они живут прошлым авторитетом, проматывают накопленные ценности, а работают за них, как правило, другие — молодые и трезвые. Или возьмите пьющего слесаря, токаря, диспетчера, шофера — и они прежде всего утрачивают свое высокое профессиональное мастерство, трудовую сноровку и уж вслед за тем — здоровье! Водка — яд «творческий», она ликвидирует в человеке человеческое, притупляет ум и эмоции, лишает чувства ответственности перед собой и обществом. Именно об этом надо прежде всего говорить!

ВРАГ МАСКИРУЕТСЯ

— И еще важно уяснить,— включается в беседу доктор медицинских наук профессор **В. А. Кононяченко,**— что общая статистика, и медицинская в том числе, к сожалению, иногда преуменьшает вред, причиняемый обществу алкоголизмом. Сошлюсь на примеры. В годы войны я работала в госпитале вместе с одним врачом — горьким пьяницей. Потом я узнала: врач этот умер от несчастного случая — пошел трезвым в столовую и подавился котлетой. Именно так это отражено в истории болезни. Но какова все-таки истинная причина смерти? Оказывается, накануне он, как всегда, выпивал, а мы знаем, что алкоголь очень сильно подавляет различные нервные центры, в том числе и глотательный. Значит, вовсе не случайно он на следующий день не смог проглотить котлету.

К нам в клинику доставили тяжелобольного с диагнозом — атеросклероз, гипертония. Через несколько дней — внезапное желудочное кровотечение и... конец. Читаю в истории болезни: «алкоголя не употреблял». Спрашиваю врача: откуда взялась эта запись? Больной сказал! Какой же пьяница признается, что он пьяница?! А я случайно знала этого человека, бывала в его семье — это был запойный алкоголик. И кровотечение, конечно, возникло у него не случайно, а в результате хронического повреждения слизистой оболочки желудка водкой.

Однажды в отделение, где я работаю, попала 18-летняя девушка с атрофическим циррозом печени. Спрашиваю, чем болела. «Ничем серьезно». Выясняю, что ее отец и дед были алкоголиками. И вспоминаю, что старые врачи не зря говаривали: «Дед пропил печень внука!» Мою больную тоже в буквальном смысле слова пропили отец и дед. Но такое нигде не учитывается, не отражается.

Современная медицина в состоянии уберечь от гибели всех больных воспалением легких, но на ком же тогда держится смертность при этом недуге? Прежде всего на алкоголиках! Во-первых, пневмония среди пьющих встречается в четыре раза чаще, во-вторых, она, как правило, дает у них самые серьезные осложнения.

Говорят, что 90 процентов преступлений связано с водкой. Я убеждена, что она же виновница большинства аварий на транспорте и значительного процента брака на производстве. Объясняется это просто: алкоголь продолжает сказываться на работоспособности человека несколько дней и дольше. Это установлено сейчас радиоизотопным методом. Часто ни сам пьяница, ни окружающие его даже не догадываются, что истинная причина происшествия, аварии, брака таится на дне очередной стопочки, опрокинутой в компании друзей вчера, а то и позавчера.

И. А. Кассирский:—Оставляя целыми «каркасы» важнейших органов и тканей, алкоголь грубо поражает их наиболее нежные, самые тончайшие структуры. Наверно, поэтому некоторые патологоанатомы утверждают, что не видят при вскрытиях даже заядлых алкоголиков сколько-нибудь глубоких анатомических изменений. Мудрено это «увидеть», особенно если и поныне пользоваться методами исследования, имевшими хождение еще во времена Вирхова и Пирогова. Однако достаточно призвать на помощь электронную технику, гистохимию, чтобы воочию убедиться в почти тотальных последствиях алкоголизма, особенно выраженных в головном мозге. Именно об этом расскажет нам доктор медицинских наук профессор **С. И. Субботник,** которому я и предоставляю слово.

— Ученые давно задумывались: нельзя ли как-нибудь «приоткрыть» черепную коробку пьяницы и, заглянув внутрь, разобраться, как же именно действует на мозг алкоголь? Такую возможность дает нам электроэнцефалография. Укрепив на голове человека небольшие электроды и присоединив их к специальному электронному прибору — электроэнцефалографу, мы и улавливаем, во много раз усиливаем биотоки, посылаемые разными участками мозга. Токи эти приводят в движение перья прибора, и те «рисуют» нам весьма достоверную картину.

Наши исследования не оставляют никакого сомнения в том, что алкоголь больше всего и в первую очередь поражает центральную нервную систему — лобные и височные доли мозга, наиболее связанные с умственной деятельностью. При длительном злоупотреблении спиртными напитками резко страдают и другие отделы головного мозга — кора, подкорковые образования, ствол,— нарушается деятельность и большинства внутренних органов. Причем болезненные изменения обусловлены не одним лишь местным (прямым) действием алкоголя, но и влиянием со стороны пораженной центральной нервной системы. Отчетливо нарушаются также почти все виды обмена веществ: углеводный, белковый, жировой; эндокринные и вегетативные реакции.

Очень показательно сопоставление данных электроэнцефалографии с непосредственными наблюдениями над выпившими. Уже после первых 50—120 граммов водки появляются очень быстрые волны. Подопытный в это время беспечен, болтлив, несдержан. Достаточно ему «опрокинуть» еще хотя бы стопочку, чтобы частота волн еще более наросла. Человек теперь уже крайне возбужден, бурно жестикулирует, кричит, буянит. Но что такое? Вновь добавьте ему немного спиртного, и картина резко меняется: быстрых волн больше нет и в помине, они уступили место совсем медленным. Это признак того, что в мозгу разлилось запредельное торможение. И в самом деле, охмелевший сидит угрюмо, неподвижно, он вял, безжизнен, сонлив.

Метод электроэнцефалографии уже сегодня может дать ценные сведения практике. Например, мы длительно изучали биотоки мозга запойных пьяниц, проходивших курс противоалкогольного лечения. Примерно через 6—8 месяцев после выздоровления у некоторых из них вдруг вновь появляются быстрые волны. Это серьезный сигнал о том, что вскоре возникнет рецидив болезни и появится непреодолимая тяга к спиртному. Значит, надо быть начеку, осуществить ряд предохранительных мер и строго предупредить окружающих: ни рюмки вина! Необходимо общими усилиями закрепить результаты лечения.

АЛКОГОЛИЗМ ПОМОЛОДЕЛ

— Обо всем этом надо прежде всего говорить молодым,— подхватывает мысль коллеги профессор **И. И. Лукомский.**—За последние десятилетия алкоголизм заметно «помолодел», об этом говорят, в частности, материалы клиники Института психиатрии Минздрава РСФСР.

А. И. Воздвиженская:—В больнице № 13, где я работаю главным врачом, возраст поступающих на лечение алкоголиков тоже заметно снизился. Среди тех, кто уже спился или близок к этому, сегодня не редкость 22—25-летние.

И. И. Лукомский:—Эти молодые люди, видимо, имеют много ничем не занятого времени и лишние деньги. Факт, о котором у нас пока

охотно говорят, много пишут, но и только! Нижнетагильский психиатр Б. Паперно и кандидат философских наук Р. Бетова опубликовали результаты интересной анкеты, проведенной среди систематически пьющих. Так вот, 79 процентов из их числа зарабатывают от 90 до 200 рублей в месяц, то есть могли бы жить в полном достатке, если бы не пропивали денег. 86 процентов не ведут никакой общественной работы. 62 процента имеют лишь начальное образование. Цифры, над которыми стоит глубоко задуматься и комсомольским и профсоюзным организациям. Тем более, что алкоголизм в молодом возрасте наиболее злокачествен.

Огромный вред наносит водка молодым семьям. Истина эта не новая. Из мифологии мы знаем, что опьяненный Юпитер выразил знаки любви своей супруге Юноне, и она ро-

дила хромого Вулкана. В Древнем Риме мужчина мог пить перед брачной ночью только воду. Прошедшие с тех пор века подтвердили пагубное влияние спиртного на потомство. По данным ряда авторитетных специалистов, мы знаем, что у 34,5 процента выпивающих женщин дети рождаются недоношенными, у 19 процентов—физически слабыми, у 3 процентов—с различными уродствами. Как часто еще об этом забывают! Или, может быть, не все знают? На моих глазах к пивному ларьку подошла юная пара. Он заказал себе кружку пива, но, как «истый» джентльмен, отпил малость и передал кружку своей беременной спутнице. «Что вы делаете,—невольно вырвалось у меня,—ей же нельзя пить!» «Пиво? — удивился молодой супруг.—Ну вот еще!..» А ведь наукой точно доказано, что даже малые дозы спиртного, выпитого в период беременности, особенно в первые месяцы, могут оказать весьма вредное влияние на плод. Более того, еще до оплодотворения спиртные напитки способны повредить половые клетки будущего отца и яйцевые клетки будущей матери.

И. А. Кассирский:—Мы, врачи, получаем много писем о несчастьях, приносимых водкой. Я хочу прочитать одно из них: «Муж начиная с 1956 года пьет. Вначале пил понемногу, а затем запоем, по 15 дней кряду, бегал с работы на работу, устраивал страшные скандалы. Никакие уговоры лечиться или взять себя в руки не помогали. Один раз, когда на 16-й день пьянства он уснул, я схватила детей, собрала некоторые вещи, что смогла, и, не рассчитавшись с работой (я работала завучем в школе), улетела с детьми (14 и 4 лет) к брату. Через 8 месяцев муж узнал мой адрес и написал несколько писем. Я ответила, что смогу принять его только после лечения: нельзя калечить детей. Через два года он неожиданно приехал ко мне. Сейчас у него получается так: 1—2 месяца он удерживает себя, не берет водку в рот, но если уж выпьет хотя бы 100 граммов, то пьет 2—3 дня и до безумия, ограничиться рюмкой или стаканом не может. Останавливает его только то, что и мой коллектив и заводской, где он работает, сильные и не дают ему распуститься. Я работаю инспектором гороно. Воспитываем мы его все вместе. Многое, видимо, он для себя взвесил, много передумал, а на днях так расплакался трезвый, что я испугалась от неожиданности.

«ЗАГЛЯНЕМ» В ЧЕРЕПНУЮ КОРОБКУ ПЬЯНИЦЫ ❊ ДЕД ПРОПИЛ ПЕЧЕНЬ ВНУКА ❊ ЧТО ЗНАЧИТ ОПОХМЕЛИТЬСЯ ❊ ЛЕЧИТЬ В УСЛОВИЯХ СТРОГОГО ТРУДОВОГО РЕЖИМА ❊

И сейчас просит меня: лечи, хочу быть человеком!»

Неотложная обязанность органов здравоохранения — широко и как следует наладить лечение от алкоголизма. Пока это дело оставляет еще желать много лучшего.

А. И. Воздвиженская:—Это верно. Многое тут надо сделать и органам здравоохранения и ученым. Распространено мнение, что лечиться от алкоголизма лучше всего в больницах, там-де, мол, строгий режим и если даже захочешь выпить спиртного, то не дадут. Однако опыт доказывает, что нередко куда больший эффект дает именно амбулаторное лечение. Выпивающий остается в привычной для себя обстановке, продолжает работать и, естественно, более активно помогает врачу, а не действует по рецепту: «Мое дело пить, а ваше — меня лечить!»

В нашей больнице есть большое отделение для алкоголиков. Мы знаем, что здесь у пациентов быстро улучшаются аппетит, сон и исчезает влечение к водке. Но результат этот нестоек. И через год и через три года после выписки из больницы этим людям надо беречься даже капли спиртного. Подчас одна-единственная кружка пива способна перечеркнуть все усилия врачей. Просто беда, если к такому человеку приятели пристают с уговорами «попробовать» выпить, «проверить» результаты лечения.

Многие заядлые алкоголики после первого курса лечения продолжают пить и не хотят больше лечиться. Ну что ж, если не помогают меры общественного воздействия, призывы к совести и сознанию, надо таких лечить принудительно! Пора уже в РСФСР, по примеру других республик, издать закон о принудительном лечении алкоголиков и проводить его не в полусанаторных условиях, а в условиях строгого трудового режима.

Хочу в этой связи сказать о женщинах. Приходится наблюдать, как они принижены в семьях алкоголиков. Муж-пропойца гуляет, и она хорошо знает, где его искать, а вот где находится ее 9-летний сын, не знает. Кем же вырастет этот ребенок — тоже алкоголиком? И дело тут вовсе не в порочной наследственности, а в дурном примере. Мы часто занимаем в таких случаях неправильную позицию: уговариваем женщину во что бы то ни стало «сохранить» семью, подождать годок-другой, авось пьяница исправится. А не правильнее ли сказать: «Гони ты этого безвольного пропойцу прочь из семьи, спасай от его пагубного влияния детей. А мы всячески поможем тебе вывести их в люди».

И. А. Кассирский:—Нельзя забывать о самом коварном свойстве алкоголя — привыкании к нему. Сначала выпивают для подъема настроения рюмочку, потом для этого нужна уже стопка, потом стакан. Так люди втягиваются. Очень важно вовремя заметить это «вхождение» в алкоголизм и вовремя предупредить его.

У нас есть «заочное» выступление на эту тему профессора **С. Г. Жислина.**

SOS!

— Многие из тех, что спились, разрушили семью, потеряли работу, горько сетуют: почему их вовремя не удержали? Почему врачи не развесили на наклонной плоскости, которая ведет ко дну, предупреждающие сигналы, этакие светофоры с красным светом? Скольких людей спасли бы такие светофоры! Между тем предупреждающие симптомы существуют. Человек, злоупотребляющий алкоголем, постепенно начинает замечать, что его самочувствие во время опьянения становится не таким, как раньше: и настроение не такое уж бодрое, меньше веселья, добродушия и все больше придирчивости, злобности. Еще хуже становится после выпивок—к головокружению, сердцебиению, тошноте прибавляются новые неприятности: обильно выступает пот, дрожат руки, возникает сильнейшее желание опохмелиться. Влечение это возникало и раньше, однако никогда не обладало такой принуждающей силой.

Безоговорочная тяга к опохмелению — вот симптом, предупреждающий о реальной опасности! Теперь нельзя уже тешиться призрачными надеждами: авось обойдется. Нет, само собой не обойдется, ибо в организме, особенно в нервной системе, произошли серьезные изменения, связанные с привыканием к спиртному. Пусть каждый, кого начало тянуть к опохмелению, поймет: он уже не просто выпивающий, он близок к тому, чтобы стать хроническим алкоголиком. Тревожный этот сигнал должен прозвучать для всех окружающих: участвуя с таким человеком в попойке, они губят товарища, толкают его в омут. Не имеют права оставаться безучастными и общественные организации.

...Светофор зажжен. Стоп! Красный свет. Этот тревожный сигнал зовет к действиям — надо помочь человеку, надо спасать человека, надо властно крикнуть ему: остановись! Потом будет поздно.

А. ЧЕРНЯХОВСКИЙ,
член правления клуба

19 НОЯБРЯ 1915 ГОДА БЫЛ УБИТ ДЖО ХИЛЛ — ПЕВЕЦ РАБОЧЕЙ АМЕРИКИ.

Редкая забастовка, редкий пикет стачечников, охранявший предприятия от штрейкбрехеров, обходился без песни «Кейси Джонс»: «Однажды забастовку объявили мы опять, и только Кейси, машинист, решил не бастовать. «К чему бороться? — думал он.— Не лучше ль есть свой хлеб?» Он был штрейкбрехер, Кейси Джонс, короче — скэб».

«Когда после долгой погони по крышам пульманов за «зайцами» полисмены оставляли наконец товарный поезд и он набирал ход, с тормозных площадок, из порожних вагонов выползали хобо, как называют в Америке «зайцев» и бродяг. Счастливые тем, что удалось перехитрить полицейского, проехать еще перегон, они перебирались на крыши задних вагонов, подальше от паровозной трубы, и закуривали самокрутки из похожего на нашу махорку «булраш». А когда спадало возбуждение, вызванное погоней, иссякали рассказы о том, как удалось убежать и каким чудом удалось поесть на предыдущей станции, всегда находился кто-нибудь, кто запевал: «Я к первому дому, и в дверь кулаком. Хозяйка сказала: «Да ты мне знаком!». Десятки хобо подхватывали лужеными своими глотками припев, и далеко окрест разносилось сначала нестройно, а потом все более дружно: «Аллилуйя, Я босяк!»

Не успевала стихнуть эта песня, как новый запевала начинал другую, насыщенную такой же горькой иронией песню: «Если вы заткнете рот, я спою вам в свой черед, как один молодчик мучился в беде. Вовсе не был он лентяй, ему работы подавай, но один ответ он получал везде». Хобо дружно подхватывали знакомый припев: «Прочь, прочь, прочь иди, бродяга, нет работы никакой; если ж будешь здесь торчать, то в тюрьму пойдешь опять. Лучше убирайся с глаз долой!» А запевала, точно рассказывая о своем близком друге, продолжал: «Он по улице бродил, пока не выбился из сил. Видит, в доме леди варит свой обед. Тут он к ней: «Привет, мадам, дров не наколоть ли вам?» А она ему отрезала в ответ... И снова издевательское: «Прочь, прочь, прочь иди, бродяга, нет работы никакой...»

Ни один митинг безработных не обходился без песни о сладком пироге, который попы сулят беднякам в небесах, требуя за это покорности на земле. Мотив песни напоминал какой-то псалом и в то же время звучал, как грозный марш. И в самом деле, эта сатирическая песня стала маршевой, под нее шагали безработные во время демонстраций и «голодных походов». «Проповедник всю ночь до утра говорит нам о пользе добра. А спроси: «Как бы что-нибудь съесть?» — он ответит: «Поешь, но не здесь!» И, подчеркивая свой протест, старательно пародируя гнусавое песнопение Армии Спасения, безработные пели слова припева: «Потерпи, пострадай, на земле пропадай, голодай, попадешь в божий рай — там пирог свой и чай получай!» Все эти песни, давно ставшие народными, принадлежали Джо Хиллу. Они объединяли в США рабочих разных национальностей, обычаев и религий, сплачивали их в боевой отряд, помогали почувствовать мощь единства, обрести уверенность в своих силах. Поэтому автора возненавидели хозяева.

Когда Джо Хилл был брошен в тюрьму по фальсифицированному обвинению в убийстве, сотни тысяч людей во всем мире включились в борьбу за его жизнь. В дело был вынужден вмешаться даже сам американский президент. Но страх буржуазии перед песнями Джо Хилла был так велик, что хозяева медных рудников сделали все, чтобы добиться его убийства.

Тридцать тысяч человек провожали Джо Хилла в последний путь. «Что это за человек, чья смерть отмечается песнями восстания и за чьим гробом следует больше людей, повергнутых в траур, чем за гробом любого принца или монарха?» — писала одна американская газета после его похорон.

В течение нескольких лет после смерти Джо Хилла о нем было написано немало статей, поэм и песен. Затем он начал постепенно превращаться в легенду. «Многие молодые люди,— писала в своей книге Э. Г. Флинн,— представляют себе сейчас Джо Хилла какой-то мифической фигурой вроде Поля Баниана, легендарного гиганта-лесоруба, способного на фантастические подвиги».

Барри Стэвису, задавшемуся благородной целью познакомить современное поколение с Джо Хиллом, пришлось собирать сведения о его жизни буквально по крохам, посвятив этому многие годы. Он подобрал уникальные фотоснимки и фотокопии документов.

Ниже публикуется отрывок из очерка Барри Стэвиса о Джо Хилле и редкие, ранее не публиковавшиеся фотографии. Полностью очерк будет опубликован в двенадцатом номере журнала «Октябрь» за 1965 год.

ДЖО ХИЛЛ — ПЕВЕЦ РАБОЧЕЙ АМЕРИКИ

Джо Хилл.

Холодным серым утром 19 ноября 1915 года Джо Хилла с завязанными глазами провели из камеры во двор тюрьмы штата Юта в городе Солт-Лейк. В это время при росте 180 сантиметров он весил всего пятьдесят девять килограммов: двадцать два месяца мучительного тюремного заключения. Кожа туго обтянула скулы, тело стало изможденным. По лицу разлилась типичная тюремная бледность.

Стражники подвели Джо Хилла к некрашеному кухонному стулу; приставленному к тюремной стене. Усадили. Привязали его руки и ноги к спинке и ножкам стула. Из небольшой группы чиновников и свидетелей вышел врач. Он приколол белое бумажное сердце точно поверх живого сердца человеку с повязкой на глазах. Пять стрелков, которым власти штата Юта заплатили по двадцать долларов каждому, заняли позицию на расстоянии двадцати шагов.

В четырех ружьях находились боевые патроны, в одном — холостой. Ружья были заряжены заранее; их перемешали и поставили в пирамиду. Каждый из пяти стрелков взял первое попавшееся ружье. Никто не знал, кому из них досталось ружье с холостым зарядом, и каждый мог надеяться, что не он будет убийцей.

Заместитель шерифа закричал:

— Готовьсь!.. Огонь!

Четыре пули вошли сквозь бумажное сердце в живое сердце Джо Хилла. На миг он напрягся в своих путах, затем тело ослабло, повисло... Мгновение четыре пулевых отверстия чернели обуглившимися краями на белом бумажном сердце. Потом бумага сразу обагрилась кровью. Подбежал врач. Он объявил Джо Хилла мертвым. Это произошло в семь часов сорок две минуты 19 ноября 1915 года.

Так окончилась жизнь Йоэля Эмануэля Хагглунда, известного миру как Джо Хилл, в возрасте

Продолжение на стр. 25.

В. РАСПУТИН

ДИВНОГОРСКИЕ ЖИТЕЛИ

То, что Ангара впадает в Енисей, знает каждый школьник, мало-мальски знакомый с географией. Надо оговориться: с физической географией. Но есть еще одна география, по которой в Енисей, кроме Ангары, впадают многие реки Советского Союза, текущие и по Сибири, и по Уралу, и по Кавказу, и по Кольскому полуострову. Это география человеческих судеб.

На строительство Красноярской ГЭС съехались многие тысячи парней и девушек со всех концов нашей страны. Тут уже стоит сказать не только о географии, но немного и о физике — о магнетизме. Кроме железных магнитных аномалий, существуют и магнитные аномалии другого рода — когда человеческие дороги, как магнитные стрелки, упрямо поворачивают в одну сторону, к одним и тем же точкам: Днепрогэс, «Магнитка», Братск, Абакан — Тайшет, Дивногорск.

Юрий Лангада приехал в Братск одним из первых. Сначала он был лесорубом, когда больше всего нужны были лесорубы, потом бригадиром на деревообрабатывающем комбинате, когда комбинат стал важным объектом, и в конце концов крановщиком, когда пришло время укладывать бетон.

«Мы покорим тебя, Ангара!» Строители дали эту клятву в самые первые дни, и она, выбитая на груди легендарного мыса Пурсей, была паролем, по которому они могли пройти в котлован.

Юрий приехал в Дивногорск и увидел громадные, смотрящие прямо на него слова, которые были как бы продолжением тех, братских: «Покорись, Енисей!»

Там, в Братске, мечта сбылась, а здесь мечта продолжается; там величайшая в мире ГЭС уже дает энергию, здесь величайшая в мире ГЭС еще строится. В 1960 году на строительстве Братской ГЭС Лангада установил на своем портальном 15-тонном кране мировой рекорд по укладке бетона в тело плотины. В 1963 году Юрий стал рекордсменом Красноярской ГЭС.

Гидростроители редко изменяют своей профессии. Так и кочуют они от реки к реке, меняя течение этих рек. Остановите в Дивногорске любого и спросите, откуда он приехал сюда, и вы услышите не названия городов, а названия гидростанций: Братская, Иркутская, Куйбышевская, Волгоградская, Бухтарминская, Нивская...

Алле Карчевской, технику «Гидроспецстроя», всего 20 лет, а она до Красноярской успела уже поработать на Мамаканской ГЭС. Алексей Соломатин поступал в Московский энергетический институт, когда работал на строительстве Бухтарминской ГЭС, а заканчивает его здесь. Вот так и выходит, что и Ангара и Волга одинаково впадают в Енисей. Люди, заканчивая строительство гидростанций на самых разных реках Советского Союза, стараются перебраться сюда, на сооружение самой крупной в мире электростанции.

Уже недалеко то время, когда начнется монтаж турбин: строители решили два первых агрегата ГЭС пустить к 50-летию Советской власти. Это нелегко, но осуществимо. Кто не верит, пусть не верит. Не все людские дела можно объяснить и точно рассчитать. Никто еще не придумал единицу измерения богатства человеческой души.

...Города — как корабли, они всегда в плавании. У каждого города свой курс: одни плывут в Химию, другие — в Физику. Дивногорск плывет в прекрасную страну — Электричество.

Фото Б. Кузьмина.

Дивногорск. Алла Карчевская — «кочевник» из «Гидроспецстроя».

Их привел сюда магнит великой стройки.

Енисейский «девятый вал».

ДЖО ХИЛЛ — ПЕВЕЦ РАБОЧЕЙ АМЕРИКИ

Начало см. на стр. 24.

36 лет, рабочего поэта, создателя песен рабочего класса, члена организации Индустриальных Рабочих Мира — ИРМ.

Многие современники Джо Хилла говорили, что он был казнен не за приписанное ему преступление, а за то, что он Джо Хилл. Его песни выражали надежды, мечты и стремления рабочих. Его песни призывали построить мир, в котором каждый человек сможет получить свой хлеб. Эти песни были опасны для хозяев Америки.

Йоэль Эмануэль Хагглунд родился 7 октября 1879 года в морском портовом городе Гавл, расположенном на восточном побережье Швеции. Его мать Маргрита-Катрина родила девять детей. Отец, Олаф, был кондуктором на железной дороге Гавл — Дала. Он умер от ранения, полученного во время несчастного случая на работе, и в многодетной семье наступил период острой нищеты.

Самый старший мальчик, двенадцати лет, бросил школу и пошел работать посыльным на железную дорогу. Вскоре за ним устроился на работу следующий мальчик, десяти лет. Что же касается восьмилетнего Йоэля Эмануэля и младших детей, то они продолжали учиться в школе. Через два года и Йоэль тоже стал рабочим, сначала на канатной фабрике, потом в бане, а позднее — на лесопилке. Об этом периоде своего отрочества Йоэль писал позднее: «Я желал бы учиться музыке, когда был мальчишкой, но мне не повезло, потому что пришлось пойти работать в возрасте десяти лет, когда умер отец. У меня не было денег на уроки музыки, но я очень старался научиться. Видишь ли, у меня музыка в крови, и для меня кажется естественным играть на любом инструменте».

После смерти матери, в 1902 году, Йоэль вместе с братом Паулем эмигрирует в Америку. Первый год братья перебивались любой случайной работой, которую им удавалось найти. Пауль писал домой, что это была собачья жизнь. Некоторое время Йоэль работал в таверне и «бренчал на музыкальном ящике» (играл на пианино). Как и многие другие эмигранты, Йоэль Эмануэль Хагглунд переменил свое имя на более легко произносимое в новой стране — Джозеф Хиллстром, а вскоре он стал называться Джо Хиллом.

Примерно через год Джо вместе с тысячами других кочующих рабочих подался на Запад. В последующие десять лет он копнил пшеницу в штатах Южная и Северная Дакота; работал на скотоводческом ранчо; добывал медь в рудниках Колорадо, работал на лесоразработках, собирал фрукты в садах Калифорнии. Джо Хилл работал также на прокладке ирригационных каналов и нефтепроводов, выходил в рейсы на судах из различных портов восточного побережья, ходил в Гонолулу из портов Запада...

В 1910 году Джо Хилл работал докером в Сан-Педро, в Калифорнии. Там он вступил в организацию Индустриальные Рабочие Мира, членов которой часто называли «уоббли». Тогда ИРМ была самым боевым крылом профсоюзного движения.

В 1911 году Джо Хилл вместе с сотнями других рабочих перешел через границу Мексики и перебрался в Нижнюю Калифорнию. Там он участвовал в попытке основать коммуну.

В том же году, вернувшись обратно в Соединенные Штаты Америки, он работал секретарем забастовочного комитета во время стачки грузчиков и портовых рабочих в Сан-Педро.

Тогда же Джо Хилл создал песню «Кейси Джонс — штрейкбрехер», пародию на оригинальную песню о Кейси Джонсе. Она была написана, чтобы помочь забастовщикам — рабочим Южной Тихоокеанской железной дороги, среди которых оказалось много скэбов, шпиков и громил. Подкупленные хозяевами, мерзавцы готовы были предать «уоббли», которые являлись организационным хребтом забастовки. Громилы избивали их, а скэбы захватывали работу бастующих. Песня Джо Хилла помогла сплотить забастовщиков.

«Кейси Джонс — штрейкбрехер» была напечатана на маленьких карточках из обрезков картона, которые оказались в тот момент под руками у печатников. Эти карточки были размером с игральную карту, их было удобно держать в руке или носить в кармане. Они распространялись среди бастующих, а также продавались, чтобы пополнить фонд забастовки.

Песню подхватили моментально. Сначала ее пели на линии пикетов, на собраниях и в тюрьмах. В невероятно короткое время эту песню узнали и стали петь во всех уголках Соединенных Штатов, а вскоре и всего мира... Трудно представить себе это чудо, если вспомнить, что в мире не было тогда средств моментальной связи, доступных широким массам.

«Кейси Джонс — штрейкбрехер» — первая известная песня Джо Хилла. Между тем он начал сочинять песни в возрасте 18 лет. До этого он написал много десятков песен. Что стало с ними? Являются ли некоторые «анонимные» песни творением Джо Хилла? Ведь во время забастовок поэты-«уоббли» иногда подписывали свои песни псевдонимами, чтобы не привлекать к себе внимания...

В 1912 году Джо Хилл участвовал в сражениях за свободу слова в Сан-Диего. Сражения за свободу слова были значительным явлением американской жизни, и понимание того, что вызвало их, важно и для нашего времени.

В начале девятисотых годов уличные митинги где-нибудь на углу были неотъемлемой частью американской жизни. Программы и платформы каждого политического, религиозного и общественного течения доводились до сведения населения городов и поселков Соединенных Штатов посредством уличных митингов. Члены политической партии или религиозной общины появлялись на определенном месте с американским флагом и переносной трибуной, зачастую просто ящиком из-под мыла. Они привлекали к себе внимание слушателей, а затем начинали обращать их в свою веру. Часто на основании молчаливого соглашения всех заинтересованных в этом групп тот или иной угол как бы «закреплялся» за определенной группой. Так, за Армией Спасения числился один угол, за «уоббли» — другой, за церковью методистов — третий и т. д.

Уличные митинги были жизненной необходимостью для «уоббли». На углу улиц ИРМ сообщала необходимые сведения кочующему рабочему. Эти митинги помогали отражать атаки враждебной прессы, позволяли рабочим высказывать свою точку зрения по поводу условий, вызвавших забастовку.

Время от времени — чаще всего, когда положение становилось критическим и забастовка оказывалась неизбежной,— полиция лишала ИРМ права проведения собраний, хотя другие группы продолжали пользоваться таким правом. «Уоббли» вопреки запрету выходили на улицу с американским флагом и ящиком из-под мыла, чтобы продолжать свои митинги. Через несколько минут к месту действия прибегала полиция и арестовывала оратора. В тот момент, когда он сходил с ящика, другой оратор взбирался на импровизированную трибуну и продолжал с того слова, на котором остановился предыдущий; когда же и он оказывался арестованным, его место занимал третий, а затем — четвертый, пятый и так в течение всего вечера.

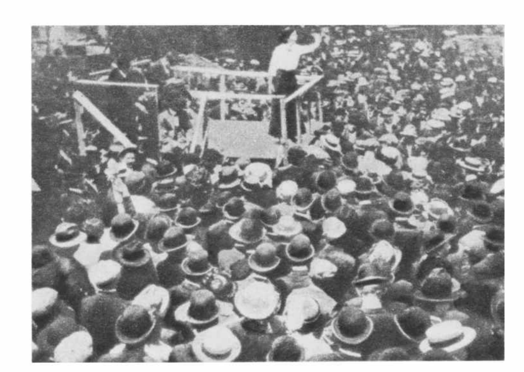
Эти сражения за свободу слова происходили в различных частях Соединенных Штатов. Особенно упорными они были на Западе, одном из оплотов ИРМ.

Ярость полиции принимала все более ожесточенный характер. «Уоббли» при арестах не оказывали абсолютно никакого сопротивления полиции. Это было основой программы поведения членов ИРМ. Их сажали в тюрьму, а когда приводили к судье, каждый «уоббли» требовал отдельного судебного процесса — суда присяжных, и нередко машина судопроизводства захлебывалась и выходила из строя.

Участвуя в сражениях за свободу слова в Сан-Диего, Джо Хилл оказался в числе арестованных. В тюрьме его сильно избили. В газете «Индастриал уоркер», в апрельском номере 1912 года, в статье, описывающей митинг протеста против нарушения права на свободу слова, написано:

«...Последним выступал только что освобожденный из заключения активист из Сан-Диего, наш товарищ рабочий Хилл... Он выглядел так, как если бы только что поднялся с больничной койки. Его лицо было бледным и изможденным, одет он был в рабочий комбинезон. Он говорил более разумно и красноречиво, чем многие известные краснобаи из высшего класса, которым в течение всей своей жизни не приходилось ничего делать, кроме как болтать языком и рыться в справочниках. Он разоблачил широко распространенную ложь, будто бы высший класс купил всех рабочих, хотя бы в малой степени обладающих интеллектом, и будто бы каждый разумный человек может получить работу.

Весь зал поднялся на ноги, когда он предложил, чтобы армия из пятидесяти тысяч безработных города Сан-Франциско двинулась на

Элизабет Герли Флинн выступает на митинге в защиту Джо Хилла.

Фотолистовка, выпущенная ИРМ вскоре после казни Джо Хилла. На снимке видно, что он был убит четырьмя разрывными пулями. Внизу текст одной из последних песен Джо Хилла — «Рабочие мира, пробуждайтесь!».

Сан-Диего, чтобы освободить находящихся там в тюрьме людей, которых Ассоциация торговцев и промышленников намеревается отправить на каторгу. «...Если рабочие потерпят поражение в Сан-Диего,— сказал Джо Хилл,— следующий бой предприниматели дадут в Лос-Анжелосе, а потом и в Сан-Франциско. Поскольку ныне Сан-Диего является центром борьбы, все наши силы должны быть сосредоточены там. Если власти Сан-Диего узнают, что на город движется пятидесятитысячная армия, они освободят всех заключенных, содержащихся в тюрьме и в загоне для скота. Поэтому нашим лозунгом должно быть: «На Сан-Диего!»

Джо Хилл и его товарищи поэты-«уоббли» были первыми профессиональными поэтами-песенниками рабочего класса.

Вот яркий пример работы Джо Хилла как профессионального песенника.

Джо Хилл, приговоренный к смерти по обвинению в убийстве, находился в тюрьме. Но он продолжал писать песни. Его друг Сэм Мэррэй запросил Хилла, не напишет ли тот песню об очередях за благотворительным супом на Западном побережье. В это время, в 1914 году, депрессия зажала страну в своих тисках. Повсюду можно было видеть длинные очереди мужчин и женщин, ожидавших миски супа и куска хлеба. Сэм Мэррэй предложил, чтобы Джо Хилл написал свою песню в виде пародии на «Путь далек до Типперэри» — одну из самых популярных песен британской армии во время первой мировой войны. Джо Хилл ответил Сэму Мэррэю: «Нет, я не слыхал эту песню «Типперэри», но, если ты пришлешь мне ее, как говоришь, я попытаюсь что-нибудь нацарапать об этих делах во Фриско[1]. Я не знаю, каково положение во Фриско сейчас, а когда я работаю над песней, я всегда стараюсь изобразить дело так, как оно есть на самом деле. Конечно, можно добавить перца и соли для того, чтобы выпятить факты более резко.

Если ты пришлешь мне ноты и сообщишь какие-нибудь характерные особенности или курьезные обстоятельства относительно условий в городе, я попробую сделать все, на что способен».

Письмо Сэма Мэррэя Джо Хиллу утеряно. Однако оно принесло Джо Хиллу нужные ему сведения, и в результате родилась песня «Путь далек до миски супа», которую вскоре можно было услышать по всему Западному побережью.

Как это случалось и со многими другими песнями Джо Хилла, его песня об очереди за супом прокатилась по всей стране. И он узнал об этом в тюрьме с нескрываемой радостью. Джо Хилл пишет в одной из своих записок:

«Да, эта песня на мотив «Типперэри» распространяется, словно оспа. Говорят, безработные по всей стране сделали ее своей походной песней и распевают ее на демонстрациях».

Эта песня, как и песня Джо Хилла о пироге в небесах, звучала на маршах безработных и позднее, во время депрессии тридцатых годов.

Предисловие и перевод с английского Б. ЗАВАДСКОГО.

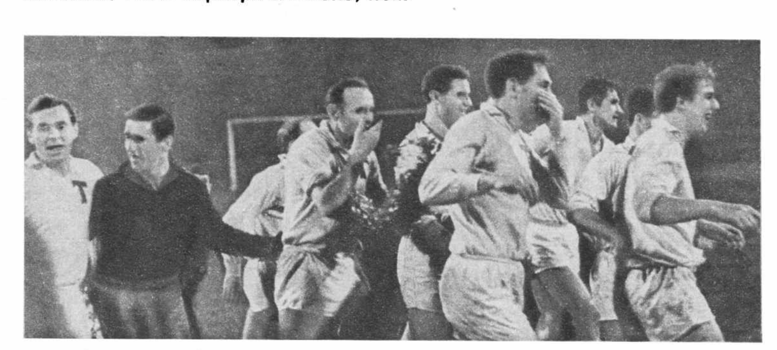
---

[1] Сокращенное название Сан-Франциско.

...И ЗОЛОТО ВЕРНУЛОСЬ В МОСКВУ!

А. СЕРБИН, А. БОЧИНИН,
специальные корреспонденты «Огонька»

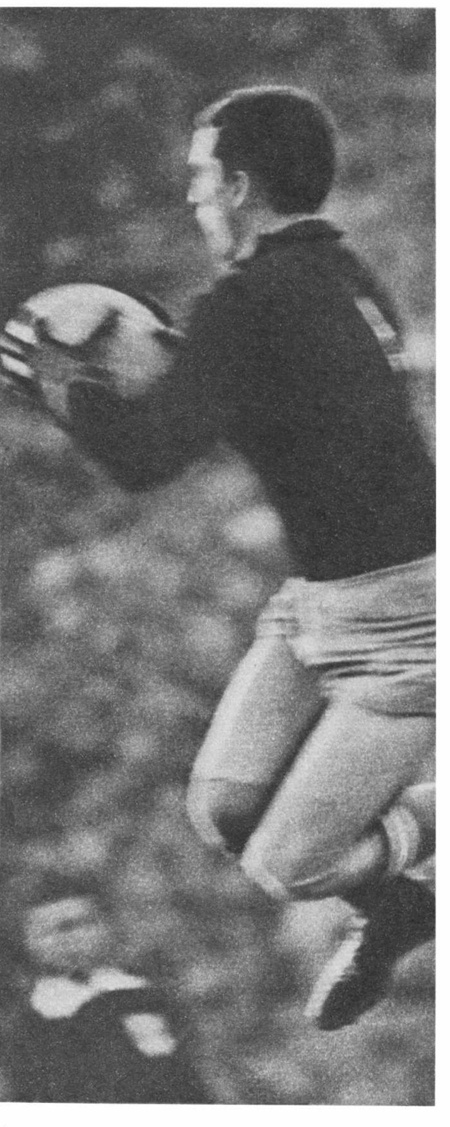
Ташкент, 1964. Серебро неплохо, но...

Одесса, 1965. ...золото лучше!

Второй гол.

Вратарь «Торпедо» А. Кавазашвили начеку.

БИОГРАФИЯ ПОБЕДЫ

Юр. ВАНЬЯТ

В 1963 году положение в команде было трудным: в какие-то полгода великолепный ансамбль, казалось, созданный надолго для больших побед, распался. Трое оказались в «Динамо», трое — в ЦСКА... В команде осталось всего несколько могикан — Валентин Иванов, Валерий Воронин, Борис Батанов, Виктор Шустиков и Олег Сергеев. Места ушедших заняли новобранцы. Многие из них и понятия не имели о традициях команды. А как хотелось старожилам сохранить стиль «Торпедо» — изящный, комбинационный, атакующий!

Прошел год, и торпедовские болельщики воспрянули духом. Им сперва немногое говорили имена Анзора Кавазашвили, Вячеслава Андреюка, Владимира Сараева, Владимира Щербакова, Вячеслава Соловьева, но по игре это были старые, знакомые ребята. Зрители вновь видели стянутые стальною нитью комбинации. Дерзкие фланговые рейды перемежались с внезапным массированным давлением в центре, а то вдруг следовал неожиданный рывок Сараева из глубокого тыла или в острие атаки внезапно возникала атлетическая фигура Воронина.

Команда, как и три года назад, шла к чемпионскому званию двухочковыми шагами, но должна была ограничиться серебряными медалями.

И вот наступил новый сезон. 1965 год. В команду пришли четыре новичка. Точнее говоря, трое — Владимир Бреднев, Владимир Михайлов и Александр Ленев. А четвертым был Эдуард Стрельцов.

Весна у «Торпедо» выдалась сумбурная: асы команды тренировались в Югославии со сборной, а остальной коллектив — в Австралии. Вернулись ребята перед началом чемпионата — снег, дождь, мартовская непогодь, которая на Черноморье еще более неприятна, чем дома, в Москве.

В Москве улицы были покрыты снегом, а в Одессе на черные мокрые тротуары падали листья, как золотые медали. Золото было совсем близко. Близко, как тогда, ровно год назад, в Ташкенте, в ноябре шестьдесят четвертого. Как тогда, все решал один матч.

Футбол — всегда драматическое действие, со столкновениями характеров, с неожиданными поворотами сюжета, с финалом, который зависит от воли участников. В двух последних розыгрышах первенства страны по футболу команда московского «Торпедо» была главным действующим лицом на зеленых подмостках стадионов. Эти два года были словно единым спектаклем в двух актах, где главный герой отважно и благородно боролся за то, чтобы вернуть Москве славу столицы советского футбола. Главный герой ставил перед собой совсем не легкую задачу.

Год тому назад нам вместе с торпедовцами пришлось возвращаться из Ташкента после игры с тбилисскими динамовцами. «Торпедо» увозило из Ташкента только серебро. В газетах тогда писали: «Команда заняла почетное второе место». В автобус футболисты входили молча. Когда машина тронулась, кто-то сказал: «Серебро тоже неплохо». Но его не поддержали. Снова наступило молчание.

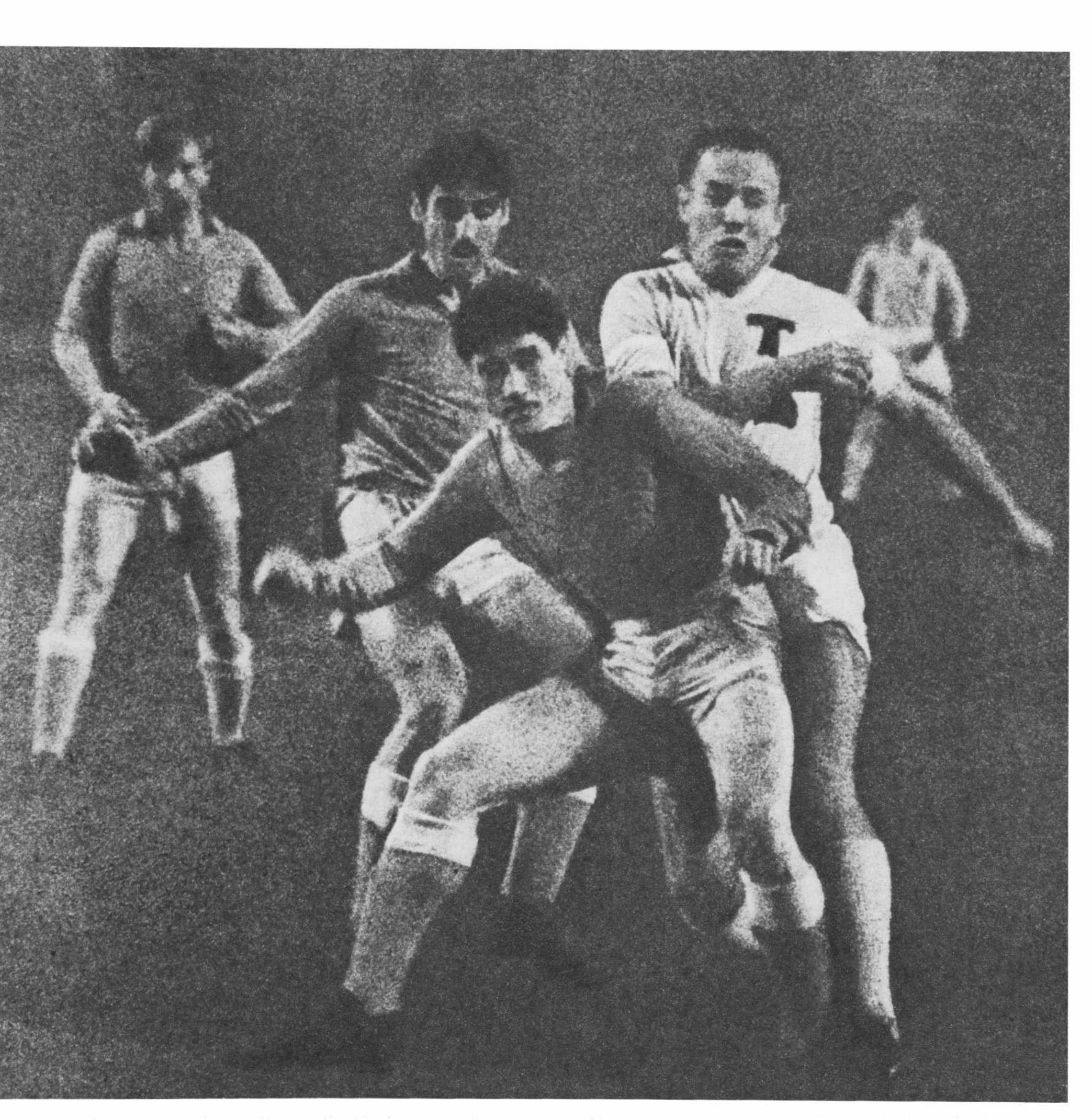
Может быть, именно в те часы ковалась воля к победе в этом году. Может быть, именно тогда, не отрицая достоинств «второго почетного», ребята поняли, что они могут и должны быть на первом месте!

И во втором акте футбольной драмы торпедовцы вновь блеснули талантом. Им было нелегко.

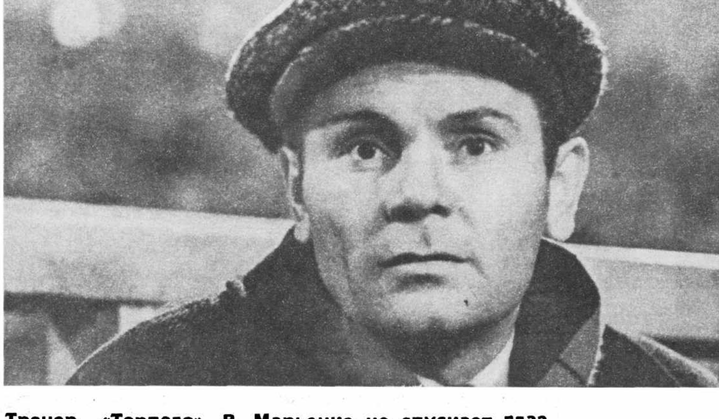
...И вот позади игра с одесским «Черноморцем», последняя игра «Торпедо» в чемпионате, которая принесла команде золотые медали.

Мы снова едем в одном автобусе с командой, а потом летим вместе в Москву. Автобус был готов расколоться от песен, которые задорно, тенорком запевал Олег Сергеев. Не скрывала радости молодежь. Ветераны были сдержаннее.

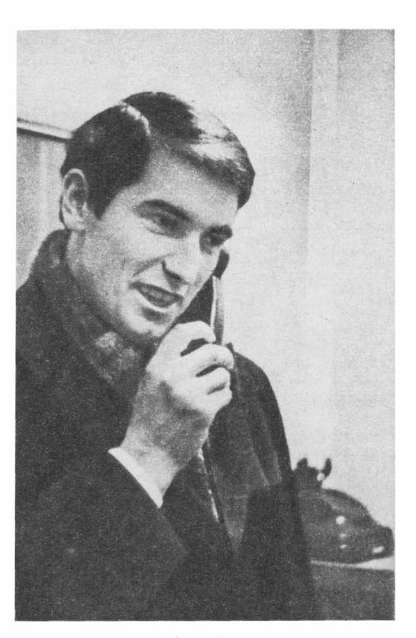
Пусть это было нелегко, пусть были синяки и шишки в буквальном смысле этого слова, порой и похуже, чем синяки, но это так здорово — быть на первом месте!

Эдуарда Стрельцова держат трое.

Тренер «Торпедо» В. Марьенко не спускает глаз с поля.

В. Воронин звонит в Москву: «Завтра улетаю в Бразилию».

Арбитр матча Т. Бахрамов.

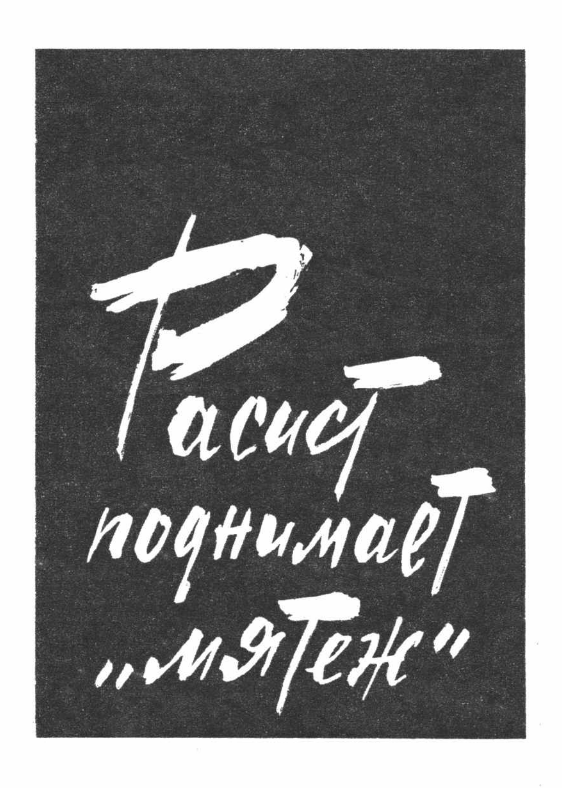
Первый матч в Баку, против «Нефтяника». И — 3 : 0. Нет, не в пользу «серебряной» команды. Начинать чемпионат с разгрома неприятно, что и говорить! Но команда стойко перенесла неудачу. И вот постепенно «Торпедо» стало набирать ход, делая лишь редкие остановки на ничейных полустанках. Но чем быстрее росло число очков на текущем счету автозаводцев, тем тяжелее давило бремя лидерства. Уже был оставлен далеко позади прошлогодний чемпион. Другой опасный конкурент — команда ЦСКА, столь грозная по составу, внезапно стала совершенно не агрессивной, словно ее форварды забыли дома бутсы. Старые соперники — московское «Динамо» и «Спартак» — выглядели львами, у которых спилили когти. Казалось бы, можно развивать успех.

Но успокаиваться нельзя: рядом киевляне! Медленно, но уверенно эта великолепная украинская команда выходила вперед, и вот уже торпедовцы ощутили ее горячее дыхание. Это были те самые киевляне, которые, уступив торпедовцам лауреатство в шестидесятом году, отняли его в остром, междоусобном поединке в Лужниках в шестьдесят первом. Они же помешали автозаводцам стать первыми в шестьдесят четвертом году. И вот теперь снова... К тому же работает ныне с киевским «Динамо» не кто-нибудь, а Виктор Маслов, тренер что ни на есть самых «торпедовских кровей» — хитроумный, практичный, умеющий зажечь сердца игроков.

Было ли случайным это соперничество? Конечно, нет! Обе команды исповедовали современный футбол, с той лишь разницей, что украинцы прекрасно разучили вариант с тремя попеременно атакующими полузащитниками, а торпедовцы больше тяготели к атаке четырьмя форвардами. Обе команды отлично обороняются и умело нападают. Обе любят на поле острый маневр, играют, отметая нудное добывание очков.

Вот почему еще в начале осени «Торпедо» и киевское «Динамо» вышли на главную магистраль, ведущую прямо к «золотым воротам». И все же не только киевляне беспокоили лидера. Против «Торпедо» ожесточенно сражались и все остальные участники, особенно москвичи — ЦСКА, «Спартак», «Локомотив». И именно московские динамовцы, развернувшие во втором круге свои боевые порядки, сумели остановить победный шаг земляков. Остановить, да еще как — 3 : 1! А потом... потом последовал небывалый по накалу матч в Киеве. И опять три мяча в сетке Анзора Кавазашвили. Правда, во втором тайме Эдуард Стрельцов почти сквитал счет. Но окончательный итог матча — поражение торпедовцев — 2 : 3. Киевляне настигли лидера.

Еще свежи в памяти дальнейшие события: победа торпедовцев над железным «Пахтакором» и осечка динамовцев в Кутаиси. Победа торпедовцев в Ростове, разгром кутаисцев и, наконец, трудная, но убедительная победа в Одессе в матче с «Черноморцем». Торпедовцы набрали 51 очко из 64 возможных. Гроссмейстерский результат! Наибольшее количество побед, наименьшее — поражений. Такова биография победы.

Такого британский колониализм еще не знавал. Горстка расистов решила провозгласить себя «независимыми». Они пошли на «мятеж», они, что называется, расплевались со своей матерью-метрополией и стали сами хозяйничать в Южной Родезии. Впрочем, это не значит, что они хотят быть независимыми целиком, с головы до пяток. «Мятеж» южнородезийских расистов не обращен против «Барклейз бэнк», «Бритиш Саут Африка компани», «Родезиэн селекшн траст» и прочих банков и компаний, которые имеют свои центры в лондонском Сити. И весь этот фарс с «независимостью» Южной Родезии — злая издевка истории над разлагающейся колониальной системой, порождающей в грязи и гнилье человеконенавистников вроде Яна Смита. Колониализм обречен, и сама попытка сохранить его методами южнородезийских расистов свидетельствует о его слабости.

Но пока расисты еще хорохорятся. Им кажется, что они открывают новую главу в истории господства над Африкой.

Незадолго до провозглашения этой буффонадной «независимости» американский журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» взял интервью у Яна Смита. Тот охотно и откровенно отвечал на вопросы журнала, весьма близкого ему по взглядам и идеям. Вот какой диалог произошел во время этого интервью.

Вопрос. Г-н премьер-министр, что это будет означать в практическом смысле для белых граждан Родезии, если вам придется иметь там правительство из африканцев?

Рисунок В. Черникова.

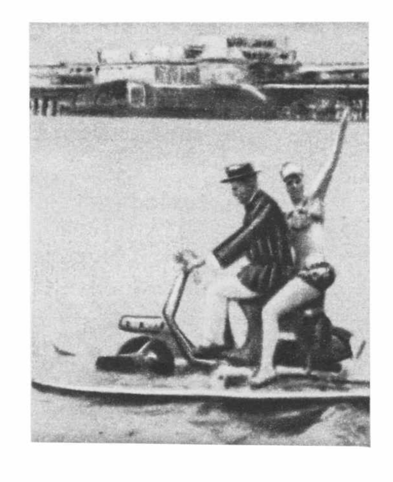
БУДЬ БДИТЕЛЬНЫМ!

У некоторых племен Эфиопии существует такой обычай. Если девушке удастся незаметно перескочить через забор, окружающий хижину молодого парня, тот обязан на ней жениться. Хочешь оставаться холостым — зорко охраняй свои владения!

СТРОГИЕ АВТОМАТЫ

В США установлены новые автоматы. Если кто-нибудь вместо монеты опустит металлический кружочек или пуговицу, начинает выть сигнальная сирена и раздаются громкие крики: «Мошенник! Мошенник!..»

ПО ВОДЕ НА МОТОРОЛЛЕРЕ

Перед вами новое средство передвижения — мотороллер на водных лыжах. Серийное производство таких мотороллеров налажено недавно в Брайтоне (Англия).

НОЧЬЮ, КАК ДНЕМ

Молодая англичанка Рене Бенет считает, что одной фары никак не достаточно для ее мотоцикла. Она прикрепила к своей машине двадцать пять фар разных систем.

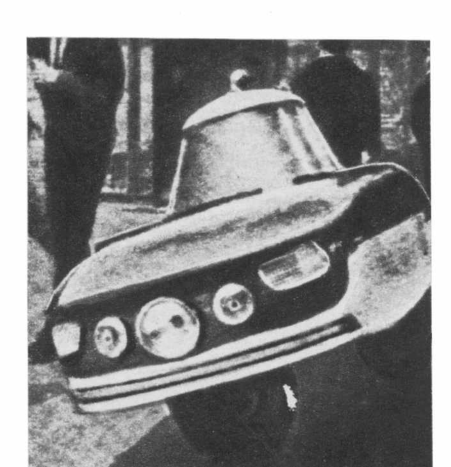
ОХОТНИЧЬИ ЧАСЫ

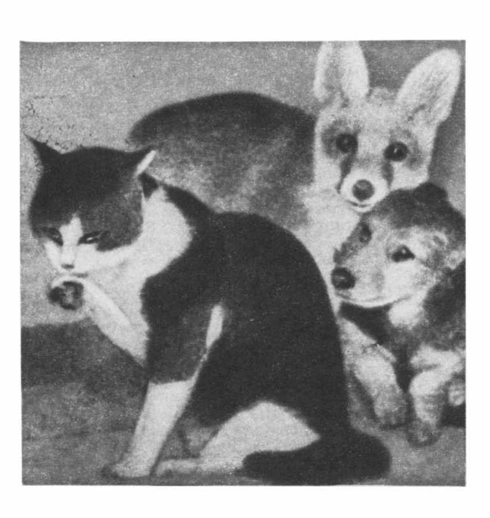
Эти часы можно увидеть в Висбадене (ФРГ). Они украшены различными охотничьими атрибутами. Над циферблатом устроилась кукушка, которая в определенные часы громко оповещает о времени.

забавные мелочи

ДВУХКОЛЕСНЫЙ ЛИМУЗИН

Такой необычный автомобиль сделан в Чехословакии. Машина послушна в управлении и, несмотря на то, что у нее два колеса, хорошо сохраняет равновесие.

ЛИСИЦА НА ПОВОДКЕ

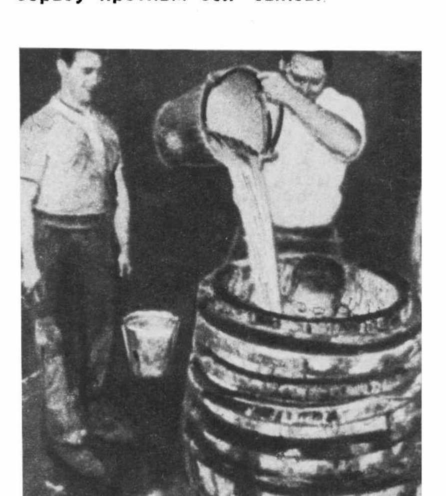
На улицах голландских городов можно увидеть людей, прогуливающих на поводке лисиц. Голландский зоолог Нактгеборен основал даже ферму для разведения лисиц. Во многих домах теперь в большой дружбе живут лисицы, собаки и кошки.

КРЕЩЕНИЕ В БОЧКЕ

21-летний Джеймс Петенгель, рабочий лондонского пивоваренного завода, провозглашен мастером. По традиции, существующей с восемнадцатого века, крещение производилось водой, смешанной с пивом и опилками.

ЦЕЛЬ ОПРАВДЫВАЕТ СРЕДСТВА

Общество защиты животных в Барселоне организовало с благотворительной целью бой быков. Доход от этого мероприятия идет на борьбу против... боя быков.

Смит. Если нам придется иметь африканское правительство?

Вопрос. Да, если завтра страною будет управлять правительство из африканцев?

Смит. Вы знаете, мне чрезвычайно не хотелось бы видеть, чтобы вещь такого рода произошла у нас...

Вопрос. Сколько времени потребуется для того, чтобы поднять африканца до такого уровня, чтобы он смог управлять страной?

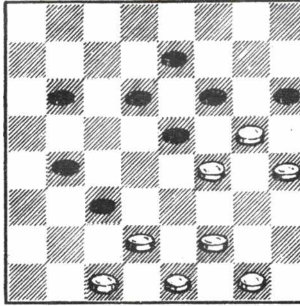
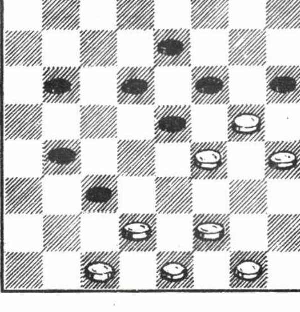
Ответ. Я полагаю, что это было бы совершенно невозможным упражнением из области догадок. Как вам известно, нигде в мире это не оказалось возможным.

Бросая оскорбления в лицо независимой Африке, эти люди слепо верят, что им отпущен долгий век. Да, у Смита есть полиция и тюрьмы, злые собаки, обученные рвать африканцев, слезоточивые газы и пулеметы. Вот на что они надеются. И еще — на помощь своих единомышленников в Англии и некоторых других странах. Не случайно представитель Южной Родезии в Претории (Южно-Африканская Республика) Джон Гонт заявил, что послы «некоторых стран» звонили ему по телефону, поздравляя с провозглашением «независимости».

Но напрасны надежды Смита и его окружения на то, что им удастся долго удерживать в своих руках жезл расистского правления. Они лишь дописывают последние строки в истории господства колониализма на африканской земле.

Африка отвечает им ненавистью и презрением. Африка не надеется на те действия официальной Англии, которые в Лондоне выдают за твердую позицию против расиста Смита. Африканцы от севера до юга знают, что победа над колониализмом зависит от них самих. И в этой борьбе у них есть союзники.

А. СЕРИКОВ

ШАШКИ

Под редакцией мастера
Г. Я. ТОРЧИНСКОГО

Концовка
Л. А. Шехмейстер

Белые начинают и выигрывают.

Решение концовки В. А. Сысоева, напечатанной в № 41 «Огонька»: 1. e3 — d4! a3 — b2 (если 1... d6 — c5, то 2. b6 — a7 c5 : e3 3. f4 : d2 a3 — b2 4. a7 — b8! b2 — a1 5. b8 — d6 e7 : c5 6. g5 — f6. и выигрывают) 2. f4 — e5! d6 : f4 3. g5 : e3 b2 — a1 (проигрывает 3... b2 — c1 из-за 4. e3 — f4, a3... e7 — d6, как в основном варианте) 4. h6—g7!! h8 : f6 5. b6 — a7 a1 : e5 6. a7 — b8 e7 — d6 (другого ничего нет) 7. e3 — d4 e5 : a1 8. b8 : h8, и выигрывают.

Сергей ШВЕЦОВ

САТИРИЧЕСКАЯ СМЕСЬ

КИНОИЗЛИШЕСТВО

(О некоторых двухсерийных фильмах)

В кинематографе давали
Две серии в один запал,
Меж тем в притихшем кинозале
Уже на первой зритель спал.

ОБЩИТЕЛЬНЫЙ НАЧАЛЬНИК

Сотрудников своих он знал
не по анкетам:
Знаком был с ними
по банкетам,
По рыбной ловле, по охоте.
Не знал их только по работе.

М. СЕРГЕЕВ
Из переводов с украинского

ЧВАНСТВО

Корова на Козу глядела
свысока,
Хоть меньше, чем Коза,
давала молока

— Попросились погреться, а сами вторую неделю живут!

Рисунок Г. и В. Караваевых.

Физзарядка курильщика.

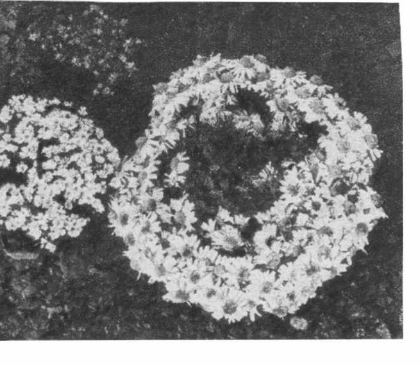
Рисунок А. Хлебова.

— Мне бы вон ту, красную шапочку.

Рисунок В. Каневского.

ЗАБАВНЫЕ МЕЛОЧИ

ЖИВЫЕ ВЕНКИ

Откуда эти венки из цветов? Уж не девушки ли обронили их? Оказывается, венки разбросала по каменистому берегу островка, затерянного в Ледовитом океане, сама природа. Вот так и растут они там.

Л. ПАСТУХОВ

УЗНАЛИ

На парижском ипподроме конь лягнул одного посетителя, а другой конь укусил того же человека. Оказалось, что пострадавший, господин Кордан,— известный фабрикант матрацев, делающихся из лошадиных грив и хвостов.

СКЛАДНОЙ ВЕЛОСИПЕД

На Международной выставке в Цюрихе демонстрировался велосипед необычной конструкции. По внешнему виду он скорее напоминает самокат. Велосипед быстро складывается.

РЕДКИЙ ТРОФЕЙ

Извиваясь сильным, как у питона, телом, плывет странная рыба. Аквалангист Збинек Пекарь вскинул подводное ружье и выстрелил. И вот огромный пятнистый морской угорь на острие гарпуна. Этот редкий трофей подводного охотника сейчас находится в Братиславском музее.

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Драма М. Ю. Лермонтова. 8. Озеро в Финляндии. 9. Морское беспозвоночное животное. 10. Русский хирург и физиолог. 12. Курорт в Крыму. 13. Горная система в Южной Америке. 14. Городошная фигура. 16. Австрийский композитор. 18. Государство на Скандинавском полуострове. 19. Женское платье. 22. Столица Колумбии. 23. Спортивное общество. 24. Геометрическое тело. 26. Музыкальное произведение для одного голоса или инструмента. 27. Название газеты. 28. Глагольная категория. 30. Многократное быстрое чередование двух смежных звуков. 32. Французский писатель. 33. Химический элемент.

По вертикали:

1. Здание для выставки. 2. Мясное блюдо. 3. Центр автономной области. 4. Предмет для гимнастических упражнений. 5. Автор панорам «Оборона Севастополя» и «Бородино». 6. Актер, народный артист СССР. 9. Русский художник. 11. Свойство атома соединяться с определенным числом других атомов. 15. Старинный экипаж. 17. Опера Д. Пуччини. 18. Приток Амазонки. 20. Млекопитающее семейства куньих. 21. Морская рыба. 24. Прибор, указывающий направление. 25. Часть подъемного крана. 29. Порт на Дунае. 31. Время года.

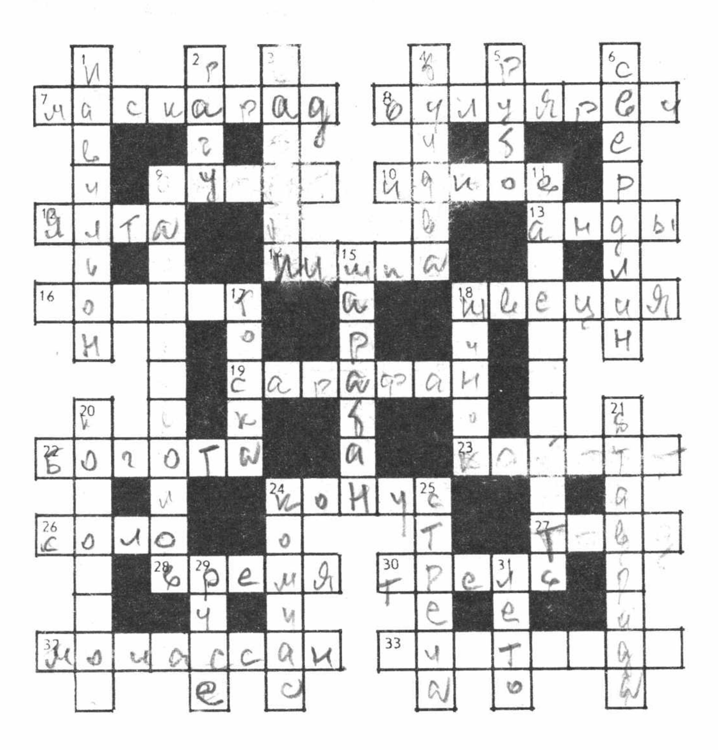
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 46

По горизонтали:

7. Розмарин. 8. Барельеф. 10. Дебюсси. 11. «Гражина». 12. Штора. 13. Лирика. 16. Комета. 18. Люцерна. 19. Панель. 20. Станок. 24. Розетта. 25. Гитара. 27. Леонов. 29. «Парус». 31. Городки. 32. Трамвай. 33. Диффузор. 34. Поморник.

По вертикали:

1. Полемика. 2. Барсук. 3. Финиш. 4. Сайга. 5. Лекало. 6. Чернотал. 9. «Пловец». 14. Илиамна. 15. Алгебра. 16. Каратал. 17. «Морозко». 21. Тригорин. 22. Шеврон. 23. Флотация. 26. Радиус. 28. Ефанов. 29. Пилон. 30. Ствол.

На первой странице обложки: Они молоды, как и сама республика Тува. Туман Кара Оол, механизатор совхоза Улуг-хая, и Галя Сырат, художественный руководитель Дома культуры в поселке Самагалтай.

На последней странице обложки: В столице Тувинской республики Кызыле возвышается обелиск. Здесь — центр Азии. Старики говорят: «Кто коснется его рукою и задумает желание,— сбудется».

Фото В. Школьного.

Валентина Ивановна Зеленова.

Нина ВЕРИНА

Фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА.

Свежим октябрьским утром мы приехали на окраину Риги, на улицу Югла. Здесь, в районе новостроек — современных светлых домов и зеленых тенистых дорог,— находится средняя школа № 16, которой пошел всего второй год.

Веселый ребячий гомон. Завидев фотоаппарат, мальчишки и девчонки, как по команде, устремились к нам. Но звонкоголосая, светленькая девушка быстро усмирила своих питомцев. Мы познакомились. Байба Харалдовна Абике только что окончила Лиепайский педагогический институт и приняла на свое попечение первый класс «А».

— Это латышский класс,— объяснила она,— преподавание идет на родном языке детей... Прошу извинить,— сказала вдруг Байба Харалдовна, нырнула в ребячью стайку и тут же вернулась с другой девушкой.

Однокашница и ровесница Байбы Харалдовны — обеим недавно исполнилось по двадцать три — Валентина Ивановна Зеленова преподает в первом «Б» — русском классе. Собственно, подружились они совсем недавно, в институте были едва знакомы, а тут, в школе, общие радости и трудности сблизили их.

После уроков мы вновь встретились с девушками. Валентина Ивановна больше молчала, а Байба Харалдовна так подробно поведала о себе и о своей подруге, что мы записали ее рассказ.

— Учительницей я стала потому, что очень люблю и школу и ребят... Только, знаете, после семилетки я решила расстаться со своей школой, никак не хотела дальше учиться. Парадокс, правда? Ну, это я потом объясню. Когда я пришла в первый класс, как сейчас мои малыши, учительница каждому из нас подарила цветок, я его долго хранила.

К малышам я привязалась в пио-

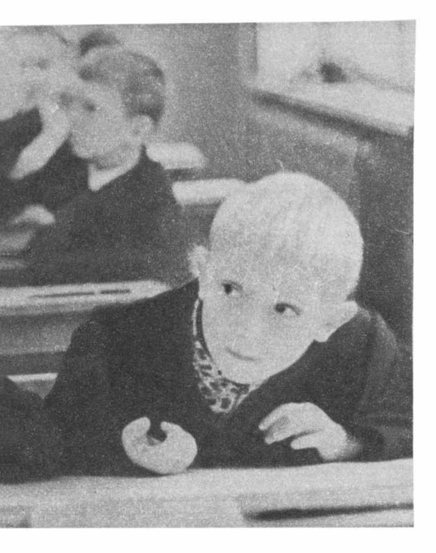
Саша Чертогонов – человек озорной.

нерлагере, когда работала вожатой. Такие они смешные, послушные, ласковые. Шалили, конечно. Близнецы у нас были, похожи — не различишь. Я их только по сандалиям узнавала. А они однажды взяли да и поменялись обувкой!..

Когда болели ребята в лагере, я с ними ночей не спала. Зовет, бывало, мой больной во сне: «Мама, мама!» Подойду, он прижмется ко мне, будто к матери...

Стремлений у Байбы было множество: девчонкой мечтала стать продавщицей мороженого, чтоб угощать детей, кондуктором трамвая, чтоб бесплатно их возить... А еще увлекалась историей, которую им преподавала старая коммунистка. Ребята как-то спросили, почему ее рассказы так зримы, ярки. Она ответила: «Историю я изучала не только по книгам — всей своей жизнью». И правда: годы в фашистском концлагере не сломили ни мужества, ни достоинства латышской революционерки... Байба стремилась хоть немножко походить на нее...

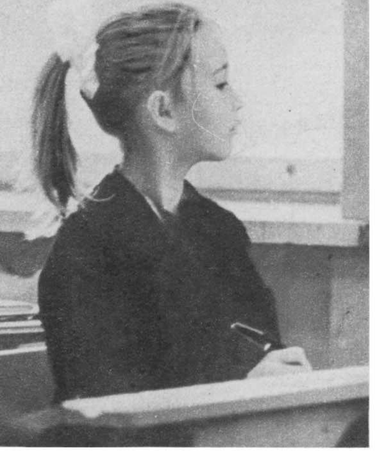
— Помните, я говорила, что после семилетки хотела школу бросить? Мама считала меня лентяйкой. Но тут не только лень виновата была. Очень я спешила в педучилище, хотела поскорее стать учительницей.

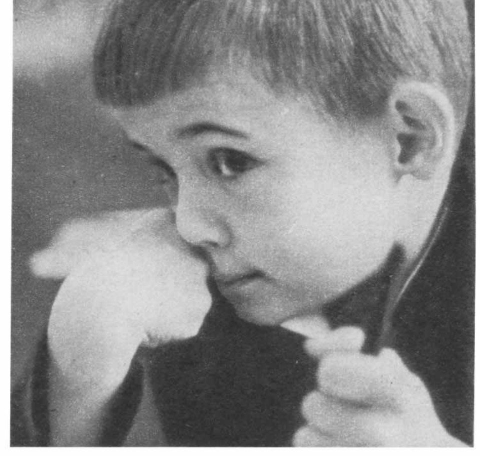
Вообще-то я себя иногда не понимаю: много у меня противоречий. Вот Валентина Ивановна совсем другая: выдержанная, всегда ровная, упорная. У нее какая-то одна линия проходит через все увлечения. Она собиралась стать хирургом, а однажды посмотрела фильм о немой девочке, которую логопед вылечил, и решила: «Нет, не хирургом — буду логопедом». Для того и поступила в Лиепайский институт. Но затея с логопедией привела ее в конце концов тоже к малышам: после того, как она побывала на практике в первом классе.

Только и у Вали и у меня первый учительский день вышел, словно первый блин,— комом. Я помню, как меня моя учительница встретила. И я положила моим ребятишкам на парты по цветку. Что тут поднялось! Такой шум! Никто меня не слушал, только два мальчика почему-то смотрели мне в рот. Что я ребятам тогда говорила, не помню, импровизировала что-то. Валя долго готовилась к первому дню. Целую речь написала, репетировала дома перед зеркалом. Но и она от волнения все перезабыла.

Сперва наши ребята хорошим поведением себя не утруждали: кричали, бегали по классу. От шума голова болела. И еще ноги ломило. Явились мы с Валей в школу на высоченных шпильках, да быстренько их на тапочки поменяли. На уроке ведь не один километр по классу отмеряешь: тому покажешь, этого поправишь, следишь, чтоб все пряменько сидели.

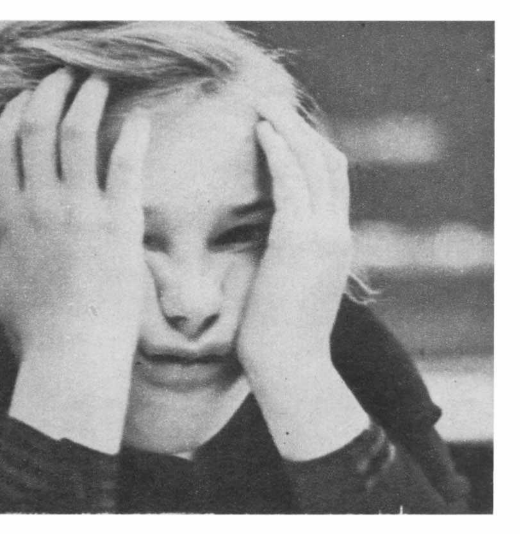
Валя еще красоту во всем соблюдает. Она не всякого вызовет, кто руку поднял. «Нет,— говорит,— Сережа, я тебя спрашивать не буду: ты руку держишь некра-

Байба Харалдовна Абике.

сиво». Она на переменках своим девочкам и косы переплетает.

Признаться, я Вале чуть завидую и учусь у нее. Здорово она на ребячью совесть действует. «Саша, почему это ты стал ко мне спиной? Я ведь к тебе спиной никогда не поворачиваюсь!» Любимое Валино словечко — «стыдно». И она так убежденно его произносит, что ребят и впрямь стыд берет, если нашалят. Малыши очень ей верят. Вот такой случай был. Валя не заметила у своего ученика ошибки в тетради. Дома мать ему сказала: «Гляди, тут ты неправильно написал». А он в ответ: «Валентина Ивановна не подчеркнула, значит, ошибки нет».

Уроки сначала казались мне очень длинными и в то же время совсем короткими. Длинными потому, что уставала, а короткими потому, что успевала мало. Теперь все в норму приходит. Зато вечера стали короткими. Знаете, сколько учителю за один вечер надо успеть? Сколько напридумывать к завтрашнему дню? Ребятам усидчивость еще трудно дается, утомляются быстро, и мышление у них особое — образное. Вот и приходится все время что-то новое изобретать, чтобы удержать их внимание. Особенно на уроке арифметики. Тут идут в ход и разноцветные кубики, и счеты, прикрытые шторкой, всяческие зверюшки и птицы, вырезанные из бумаги. В почете у ребят на арифметике игра в считалки, в молчанку...

Очень нравится нашим малышам рисование. А мы стремимся это использовать в воспитательных целях. В лесу на прогулке говорим: «Ребята, постарайтесь точно запомнить, как выглядит сосна, береза. Завтра мы будем их рисовать». А потом на уроке скажешь: «Закройте глаза и представьте себе елку. Я сейчас нарисую ее на доске, и вы потом проверите, правильно я нарисовала или нет». Откроют глаза, и кто-нибудь обязательно крикнет: «Ух ты, гляди, совсем как моя елка!»

Еще для детей очень важен элемент соревнования. Сперва они не понимали, что такое отметка. Одна моя ученица даже заявила: «У меня уже есть все отметки, теперь я хочу единицу!» Сейчас они уже бурно радуются пятерке и плачут из-за двоек.

Раньше мне все ребята казались на одно лицо. Теперь вижу: они совсем разные. На кого больше действует поощрение, на кого наказание. Иных наказывать вовсе нельзя. Я как-то рассердилась на одного мальчишку, поставила его в угол. А он так разволновался — дома обедать не стал... Но должна вам признаться: трудных детей у нас пока нет. Это, наверно, в старших классах они трудными становятся...

Ну что вам еще добавить? Помните, я рассказывала про свою сестру Айю? Она выросла, стала воспитательницей в детском саду, говорит мне: «Ну, Байба, держись! Готовлю смену твоим ребятам». А я еще не знаю, смогу ли принять эту смену... Нет, не думайте, я вовсе не собираюсь бросить свой класс. Мы с Валей так рады, что стали учительницами! Только вот еще не знаем, рады ли этому наши ребята? Сумеем ли стать их друзьями, какими были для нас наши учителя?

Так закончила свой рассказ Байба Харалдовна Абике.

Мы побывали на уроках и в первом «А» и в первом «Б». Убедились: спокойная с виду Валентина Ивановна умеет зажечь ребят, неистощимая на выдумку Байба Харалдовна легко овладевает их вниманием. Опыт — дело наживное, он еще придет. Непосредственность, живость восприятия, полная преданность делу — совсем по-юношески — вот что самое ценное.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. Оформление Е. КАЗАКОВА.

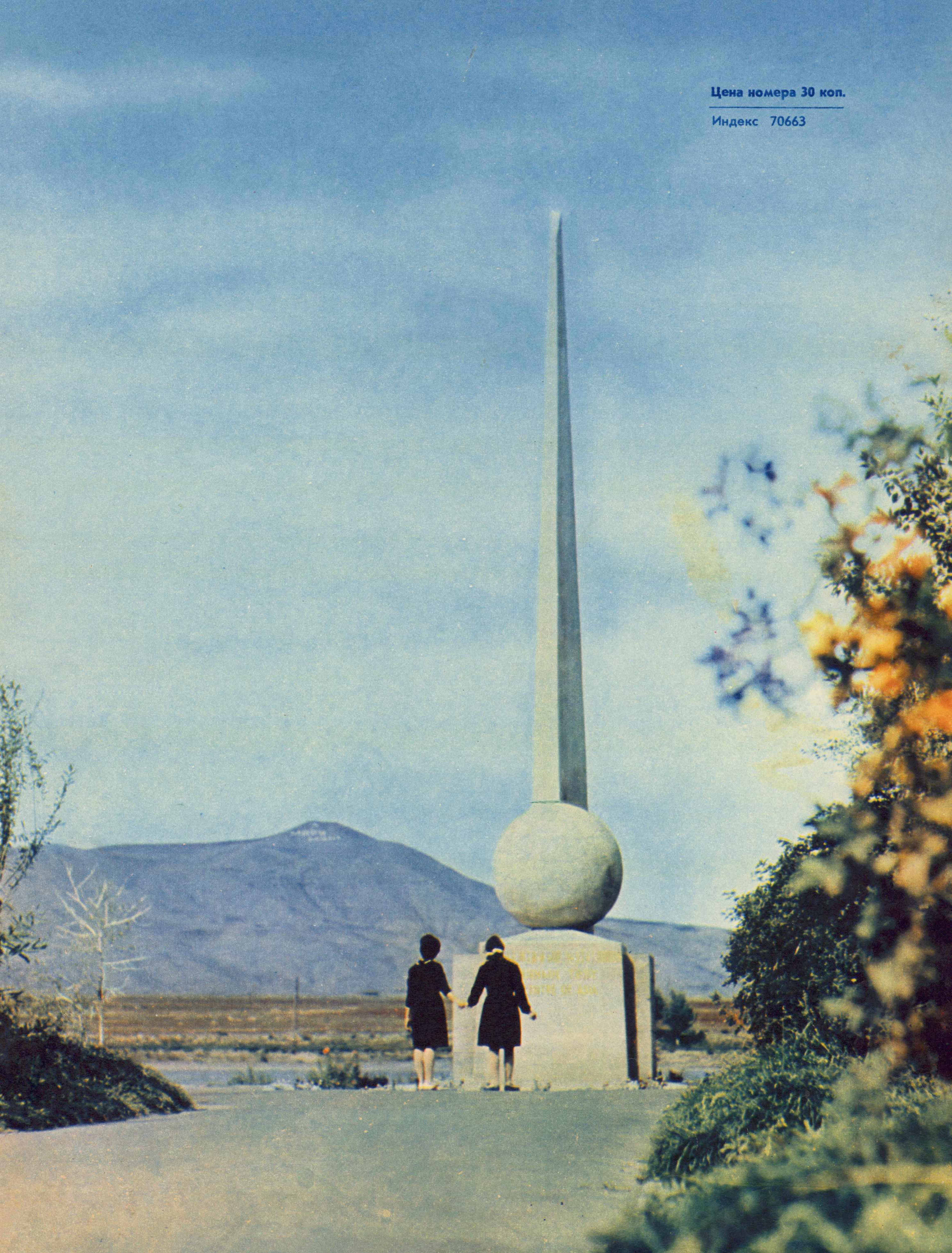

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; **Оформления** — Д 3-38-36; **Писем** — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 02110. Подписано к печати 17/XI 1965 г. Формат бум. 70×108 1/8. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Заказ № 3091. Тираж 1 850 000. Изд. № 2081.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 30 коп.

Индекс 70663